

ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ
АРАБИСТИКИ

I

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРАБСКИХ СТРАН

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍԱՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԽԵԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ժ Ա Մ Ա Ն Ա Կ Ա Կ Ի Ց
ՍՈՎԵՏԱԿԱՆ ԱՐԱԲԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ
ՊՐՈԲԼԵՄՆԵՐ

ԱՐԱԲԱԳԵՏՆԵՐԻ ՀԱՄԱՊԻՈՒԹԵՆԱԿԱՆ IV ԿՈՆԳՐԵՍՆԻ
ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ, ԵՐԵՎԱՆ, 1985

Պ Ր Ա Կ Ի

ԱՐԱԲԱԿԱՆ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԲԱՂԱԲԱԿԱՆ
ԵՎ ՍՈՑԻԱԼ-ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ՊՐՈԲԼԵՄՆԵՐ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍԱՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱՎՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1988

№ 1027
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ АРАБИСТИКИ

Труды IV Всесоюзной конференции арабистов
Ереван, 1985 г.

ВЫПУСК I

12007
СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРАБСКИХ СТРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1988

Печатается по решению
ученого совета Института
востоковедения АН Армянской ССР

Редакционная коллегия:

Р. Н. Андреева, Е. А. Лебедев, Н. О. Оганесян (отв. редактор),
А. Л. Макуцарян (отв. секретарь).

Рецензенты:

доктор исторических наук Л. Н. Медведев,
кандидат исторических наук Е. Н. Наджарян

Проблемы современной советской арабистики: Труды IV
Всесоюз. конф. арабистов, Ереван, 1985 г./АН АрмССР. Ин-т
востоковедения. — Вып. 1. — Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1988. —
Вып. 1: Современные политические и социально-экономи-
ческие проблемы арабских стран/ (Редакт.: Н. О. Оганесян (отв.
ред.) и др. — 1988. — 282 с.

В сборник включены материалы IV Всесоюзной конферен-
ции арабистов (Ереван, май 1985 г.), статьи ведущих арабистов
Советского Союза. Рассматриваются вопросы современного ре-
волюционного процесса, общественно-политического и эконо-
мического развития арабских стран, а также международных, в
том числе и межарабских, отношений на современном этапе.

Рассчитан на востоковедов, международных и широкой
круг читателей, интересующихся арабскими проблемами.

С $\frac{050400000}{703(02)-88}$ 25-88

ББК 66.2(07)

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АРАБСКИХ СТРАН В ПЕРИОД МЕЖДУ III И IV ВСЕСОЮЗНЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯМИ АРАБИСТОВ (1969 — 1985 гг.)

Пятнадцать лет, прошедших после III Всесоюзной конференции, состоявшейся в Ереване в 1969 г., были временем интенсивного исследовательского труда арабистов. Достаточно сказать, что за эти годы об арабских странах было опубликовано почти столько, сколько за предшествующие пятьдесят лет. Значительно изменилась тематика работ: среди них едва ли не главное место стали занимать исследования, освещающие в той или иной степени проблемы новейшей истории.

Значительный рост трудов арабистов объясняется многими объективными и субъективными причинами: и потребностью в литературе о событиях кардинальной важности, совершающихся в арабском мире, и практическими задачами, встающими перед арабистами в связи с укреплением советско-арабских связей, и, наконец, ростом кадров арабистов, а также развитием советского востоковедения в целом.

Повысился также научный уровень этих исследований. Конечно, подобный прогресс отразил общие сдвиги, произошедшие в нашем востоковедении. Важнейшие теоретические дискуссии 70-х — начала 80-х гг. о путях развития стран Азии и Африки способствуют совершенствованию исследований арабистов; теоретический потенциал таких коллективных монографий, как «Зарубежный Восток и современность», «Восток: рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире», трудов К. Н. Врутенца, Е. М. Примакова, Н. А. Симони, Р. А. Ульяновского и других оказал влияние и на идейно-теоретическое содержание арабистических исследований по новейшей истории.

Прогрессу арабистики способствуют также успехи в организации исследовательской работы и в подготовке кадров.

К настоящему времени сложилось несколько центров, в которых осуществляются исследования по новейшей истории арабских стран. Ведущее место традиционно принадлежит

Москве. Вместе с тем уверенно набирают силы коллективы арабистов Еревана, Тбилиси, Баку. Крепнут кадры арабистов в Киеве и Ташкенте. К сожалению, почти прервалось изучение новейшей истории в Ленинграде.

С удовлетворением можно отметить, что не только на профессиональном уровне преподаются востоковедные курсы в вузах Минска, Ярославля, Горького, Брянска, Казани, Краснодара, Ростова-на-Дону, Иркутска и других городов, но и ведется научная работа в области изучения новейшей истории арабских стран.

За последние полтора десятилетия заметно вырос профессиональный уровень арабистов, повысилась их теоретическая зрелость. Свидетельством этому служат более пятнадцать защит докторских диссертаций по новейшей истории.

Изменились условия подготовки молодых кадров: выпускники специальных учебных заведений получают хорошую подготовку, в том числе и языковую, проходит многомесячную стажировку в арабских странах.

Растущие культурные связи с арабскими странами создают возможности, хотя и недостаточные, для научных командировок. Возможность укрепления научных связей с арабскими странами предоставляет также наличие специальных представителей Института востоковедения АН СССР в Бейруте и Кувейте. Таковы условия, в которых работают специалисты в области новейшей истории.

В статье сложно охарактеризовать все исследования по новейшей истории, выполненные за 15 лет, — написаны десятки монографий, защищены диссертации, опубликовано сотни статей, рассеянных по различным изданиям и прежде всего многим арабистическим сборникам.

Несколько предварительных замечаний:

1. В арабистике, как и в востоковедении в целом, продолжается процесс дисциплинарной специализации: экономика, право и государственный строй, народное образование и военная история стали предметом изучения специалистов соответствующего профиля, работающих по своей методике, руководствующихся общетеоретическими представлениями соответствующих наук. И вместе с тем их исследования неизбежно отражают проблемы исторического знания и открывают новые перспективы для исторического анализа.

2. Наши представления об арабском мире новейшего времени на протяжении последних полутора десятилетий заметно эволюционировали, что отвечает динамизму исторических процессов в самих странах. В 80-е годы мы смотрим на события новейшей истории иначе, чем в 70-е: изменились оценки, угол

зрения, первоочередность исследовательских задач, расширилась их тематика. Расширился и охват стран: в последние годы растет число работ о тех государствах Аравии, которые ранее оставались вне поля зрения специалистов по новейшей истории.

3. Еще большие перемены произошли в подходе к предмету исследования в сравнении с предшествующими десятилетиями. Наиболее значительным исследованием, отмеченным ярким творческим началом, теперь присущи многофакторный анализ, взвешенность и реализм оценок, смелость в постановке дискуссионных проблем, глубокий социальный анализ, учет надстройки на базисные явления, умение правильно соотносить традиционный и современный, локальный и глобальный факторы в общественно-политической жизни, тонко оценить этносоциальные и культурные особенности различных регионов арабского мира, использовать в своем анализе достижения советской науки в области социальной психологии и политической культуры, критически отнестись к методологии западного востоковедения, восприняв отдельные его достижения. Среди работ такого рода прежде всего следует назвать работы Е. М. Примакова «Анатомия ближневосточного конфликта» (М., 1978) и «История одного сговора. (Ближневосточная политика США в 70-х — начале 80-х гг.)» (М., 1985), монографию Н. А. Иванова «Кризис французского протектората в Тунисе» (М., 1971), книги Н. О. Оганесяна «Национально-освободительное движение в Иране (1917—1958)» (Ереван, 1976) и «Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны (1939—1945)» (Ереван, 1980), последние труды по новейшей истории Алжира Р. Г. Ланды, книгу А. М. Васильева «История Саудовской Аравии (1745—1973)» (М., 1982), последние исследования З. И. Левина по истории арабской общественной мысли, работы Е. Дмитриева по палестинской проблеме, работу В. И. Максименко об интеллигенции Магриба и т. д.

Все сказанное отнюдь не означает, что в изданиях по новейшей истории мы не встречаем больше прямолинейного представления о взаимодействии базиса и надстройки, огрубленного социологического подхода, упрощенного взгляда на процессы классовой дифференциации и т. п.

4. Наибольшие достижения за прошедшие 15 лет имеются в разработке гражданской истории отдельных арабских стран, или, как иногда говорят, «страновой истории». Не все режимы исследованы в равной степени и с равной глубиной, но солидная основа под изучение новейшей истории заложена. Правда, в большинстве работ еще преобладает рассмотрение исторического процесса сквозь призму национально-освободительного движения. Безусловно, это важнейший ракурс, но в настоящее

время, когда арабские страны развиваются как независимые государства, важно представлять их предшествующую эволюцию во всей полноте: знать генезис их современной политической системы, форм управления, права, историю общественной мысли и массового сознания.

В разной степени изучены отдельные этапы исторического развития: монографически разработана эпоха кризиса колониализма, подъема национально-освободительных движений и национальных революций, несколько слабее, но также в монографических трудах освещается период борьбы за укрепление национальной независимости и общественные преобразования, и совсем слабо разработано становление в 70- начале 80-х годов новой государственности.

Наиболее полно и глубоко исследован первый этап новейшей истории Алжира. Три монографии Р. Г. Ланды — «Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918—1931 гг.», «Кризис колониального режима в Алжире. 1931 — 1954», «История алжирской революции», изданные между 1977 и 1983 гг., представляют почти все аспекты новейшей истории этой страны до 1962 г. Большую ценность представляет анализ эволюции массового сознания, экскурсы в область культуры и социальной психологии.

Удачным дополнением к работам Р. Г. Ланды являлась монография П. П. Черкасова «Агония империи. Политические кризисы, военные путчи и заговоры во Франции в период Алжирской войны. 1954 — 1962» (М., 1979), в которой сквозь призму истории Франции рассмотрена проблема франко-алжирского населения и алжирской революции.

Некоторый свет на проблемы новейшей истории Алжира последних десятилетий проливают работы В. А. Дмитриева, И. К. Смирнова, А. Г. Вирабова, посвященные проблемам социально-экономического развития Алжира.

Сделан значительный шаг по изучению новейшей истории Туниса. Не считая книги Н. А. Иванова, о которой уже говорилось, ряд важнейших аспектов социально-политической истории Туниса последних десятилетий нашел отражение в исследованиях М. Ф. Видясовой, Н. И. Ворончанкиной, Л. П. Зудиной и В. К. Гуро.

Новейшая история Марокко хорошо систематизирована в книге Н. С. Луцкой «Очерки новейшей истории Марокко» (М., 1975). Работа доведена до периода достижения независимости. Кризис режима протектората с конца 1930-х годов и зарождение современного национально-освободительного движения были рассмотрены Л. П. Манасаряном в работе «Марокко в борьбе за независимость» (Ереван, 1969).

Полнее и систематичнее разработана новейшая история Египта между 1939 и началом 1980-х гг.

Период правления Садата и египетский инфлянт в целом освещены в уже упоминавшейся монографии Е. М. Примакова «История одного сговора», а также в превосходной работе О. В. Ковтуновича «Революция «свободных офицеров» в Египте» (М., 1984).

В. С. Кошелевым (Минск) опубликована небольшая работа «Египет до аль-Аламейна. Из истории внутривосточной борьбы. 1939 — 1942» (Минск, 1977), в которой на солидной источниковедческой базе с использованием материалов египетских архивов рассмотрено противоречивое влияние второй мировой войны на египетское общество. Период 1945—1952 гг. освещен в обстоятельном исследовании Б. Г. Сейраняна «Египет в борьбе за независимость» (М., 1970).

К сожалению, слабо изучена история Вафда и общественно-политическая жизнь Египта в период между двумя мировыми войнами — что очень важно для понимания современных политических процессов в Египте.

Наиболее важный и ответственный период правления Гамали Абдель Насера подвергнут глубокому анализу в работах И. П. Белыева и Е. М. Примакова «Египет: время президента Насера» (М., 1974) и О. Ш. Каджая «Египет на пути борьбы» (Тбилиси, 1977). И. П. Белыев и Е. М. Примаков, опираясь на египетские источники и личные наблюдения, создали многоплановое исследование, включающее анализ исторической обстановки и расстановки классовых сил накануне 1952 г., роли прогрессивных преобразований, наметили этапы египетской революции, осветили внутривосточную борьбу, показав связь между социально-экономическими процессами и эволюцией взглядов Насера, и т. п. Подробный анализ подготовки и хода июльской революции в Египте содержится в работе О. Г. Герасимова и А. Г. Князева «Египет: десять лет после Насера» (М., 1980). Не лишен интереса опыт изучения истории национально-освободительного и демократического движения в Египте более чем за сто лет, отраженный в книге В. С. Кошелева «Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции 1979 — 1981» (Минск, 1984).

В 1968 г. С. Р. Смирнов издал свою «Историю Судана», в которой довел изложение новейшей истории до обретения страной независимости в 1956 г. Последующие полтора десятилетия со сложной внутривосточной борьбой, размежеванием социальных и политических сил были рассмотрены Ю. С. Грядуновым («Новые горизонты Судана. Внутривосточное развитие в годы независимости. 1956 — 1967», М., 1969) и Д. Р.

Вобликовым («Республика Судан. 1956 — май 1969», М., 1978). Внешнеполитический аспект истории Судана 1964 — 1972 гг. нашел развитие в диссертации П. В. Стегния «Национально-демократическая революция в Судане» (1974).

Благодаря большому исследованию Н. И. Прошина «История Ливии. Конец XIX в. — 1969 г.» (М., 1975), книге С. А. Товмасыяна «Ливия на пути независимости и социального прогресса» (М., 1980) и очерку С. А. Лаврентьева «Ливийская Динамахрия. Годы перемен» (М., 1983) мы получили разработку основных моментов новейшей истории Ливии.

Относительно полно и систематично освещена новейшая история Сирии до прихода к власти революционно-демократического крыла ПАСВ в 1966 г. В Ереване вышла обстоятельная работа Н. О. Оганесяна и А. С. Саркисяна «Сирия в борьбе за независимость. 1917 — 1946» (1975). В Москве опубликована монография Э. П. Пир-Будаговой «Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости. 1945 — 1966» (М., 1978).

Хорошо изучена новейшая история Ирака до середины 1970-х гг. Увидевшие свет с 1969 г. монографии Н. О. Оганесяна «Национально-освободительное движение в Ираке. 1917 — 1958» (Ереван, 1976), А. М. Ментешашвили «Ирак в годы английского мандата» (М., 1969), «Вопросы социально-экономического развития современного Ирака. 1932 — 1978» (Тбилиси, 1980), А. Ф. Федченко «Ирак в борьбе за независимость. 1917 — 1969» (М., 1970) внесли серьезный вклад в исследование этой темы.

Однако по новейшей истории Иордании за рассматриваемое время не было издано ни одной монографии, появлялись лишь редкие статьи и было защищено несколько диссертаций по разным аспектам политической истории.

Мало было работ также по новейшей истории Ливана. Здесь следует отметить книгу Н. О. Оганесяна «Ливанский кризис и позиция армянской общины Ливана. 1975 — 1982» (Ереван, 1982).

Значительные успехи достигнуты в изучении новейшей истории Аравии. Увидело свет капитальное исследование А. М. Васильева «История Саудовской Аравии. 1745 — 1973» (М., 1982). Различные аспекты внешней политики этого государства нашли отражение в книге Л. В. Вальковой «Саудовская Аравия в международных отношениях» (М., 1979) и работе А. И. Яковлева «Саудовская Аравия и Запад» (М., 1982).

Серьезные исследования по новейшей истории ЙАР представляют книги Е. К. Голубовской «Революция 1962 года в Йемене» (М., 1971), Л. Н. Котлова (исторический очерк в спра-

починке «Йеменская Арабская Республика» (М., 1971), О. Г. Герасимова «Йеменская революция 1962 — 1975. Проблемы и суждения» (М., 1979), а по новейшей истории НДРЯ — книга А. С. Гуськова «Национальный фронт демократического Йемена. 1963 — 1975. Становление авангардной партии» (М., 1979), обстоятельная монография В. В. Наумкина «Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию. 1963 — 1969» (М., 1980) и диссертация О. Г. Пересыпина «Эволюция политической системы НАР (и НДРЯ. 1962 — 1975» (М., 1981). Все это позволило коллективу авторов (И. А. Александрову, Л. В. Вальковой, О. Г. Герасимову, Е. К. Голубовской и В. В. Наумкину), создать первую страновую историю — «Новейшая история Йемена. 1917 — 1980» (М., 1984).

Как уже отмечалось, в настоящее время активно разрабатываются различные вопросы истории и современного положения Омана, Объединенных Арабских Эмиратов, Катара, Кувейта и Бахрейна. Однако пока среди опубликованных работ серьезного внимания заслуживают исторический очерк о Бахрейне В. Л. Бодянского «Современный Бахрейн. Справочник» (М., 1976) и работа Л. И. Медведко «Ветры перемен в Персидском заливе» (М., 1973).

По мере расширения исследований по новейшей истории все большее значение обретают работы, посвященные рассмотрению отдельных социально-политических проблем.

Процессы размежевания социальных сил, обострение классовой борьбы в арабских странах ставят перед исследователями задачу проанализировать генезис, социальный облик, политическое поведение, идейные устремления отдельных классов и социальных групп, среди которых важное место занимает интеллигенция.

Исследованию интеллигенции посвящены монографии В. И. Максименко «Интеллигенция в странах Магриба. Идеи и тенденции» (М., 1980), В. В. Черновской «Формирование египетской интеллигенции в XIX — первой половине XX в.» (М., 1979) и диссертация С. Г. Канаева «Генезис алжирской интеллигенции в колониальный период. 1830 — 1931 гг.» (М., 1980).

В литературе об арабской интеллигенции нашла развитие не лишняя теоретическая дискуссия о критериях выделения интеллигенции в особую социальную группу. По-разному исследователи подошли к рассмотрению самой темы. В. В. Черновская (как и С. Г. Канаев) описали процесс зарождения и развития современной интеллигенции, уделив преимущественное внимание социофункциональным характеристикам разных ее групп, их социально-экономическому положению и

роли в общественно-политической жизни. В. И. Максименко поставил перед собой задачу подвергнуть анализу основные тенденции идейно-политического развития интеллигенции на равных этапах жизни магрибского общества.

Значительная роль армии в общественно-политической жизни ряда арабских стран определила появление специальных исследований об армии.

Г. И. Мирский в работах «Армия и политика в странах Азии и Африки» (М., 1970) и «Третий мир: общество, власть, армия» (М., 1976) подверг анализу основные закономерности процесса политической активизации офицерства, проблему связи армии и общества, сложный механизм их взаимного влияния. Эти вопросы он охарактеризовал на опыте развивающихся стран Азии и Африки, но в известном смысле отпранной точкой его исследований явился анализ политической роли военных в арабских странах. Некоторые стороны этой темы были рассмотрены в связи с анализом военных переворотов в Сирии (Э. В. Рысь), эволюции организации «свободных офицеров» в Египте (О. В. Ковтунович, Б. Г. Сейранян, В. С. Кошелев и др.). Историко-политические аспекты темы были освещены в работах Г. С. Ковдатьяева («Армия алжирской революции» (М., 1979), Д. Н. Стародубцева («НДРП и ее вооруженные силы», М., 1978).

В условиях обострения классовой борьбы, нестабильности социальной и политической жизни особое значение обретают исследования рабочего и коммунистического движений.

Надо сказать, что рабочий класс изучается арабистами преимущественно в аспекте его положения в социальной структуре общества и значительно слабее с точки зрения его участия в общественно-политической жизни. В этой последней связи следует упомянуть работу К. Х. Самвелян «Рабочий класс Ирака в борьбе за укрепление республиканского строя и демократии» (Ереван, 1979) и статьи Д. А. Аскаровой о роли суданского пролетариата в политической жизни страны.

Безусловные успехи достигнуты в изучении истории коммунистического движения и участия коммунистических партий в национально-освободительном движении, их роли в борьбе за создание единого национального фронта прогрессивных сил, за укрепление национальной независимости и преобразование социально-экономического строя. Помимо освещения этой темы в контексте исследований новейшей истории были созданы и специальные исследования: статьи и диссертационные работы о компартии Сирии — Н. К. Нефедовой и М. М. Агаева, о компартии Ливана — Н. М. Горбуновой, о борьбе коммунистических партий и прогрессивных сил Арабского Востока — Египта,

Сирии, Ирака и Ливана за демократию и социальный прогресс — П. А. Сараджяна. История коммунистического движения Судана, Египта, Ирака освещалась в статьях Ю. С. Грядунова, А. М. Михайлова, Г. Г. Косач и Г. К. Прозоровой, Н. И. Гришина. Наконец, монографическому исследованию было подвергнуто коммунистическое движение в Египте, Сирии, Ираке в книге О. Ш. Каджия «Коммунистические партии арабских стран в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс» (Тбилиси, 1983), охватывающему события с 20-х по начало 80-х годов.

Как известно, в процессе национальной консолидации, проходящей в условиях политической и социально-классовой борьбы, в некоторых арабских странах большое значение приобрела проблема борьбы национальных меньшинств за автономию и социальный прогресс. В советской историографии имеются традиции в разработке истории курдского движения и ассирийской проблемы в Ираке. За последние пятнадцать лет эти вопросы освещались в работах А. М. Ментешашвили — «Курды и Курдистан» (Тбилиси, 1977), «Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта» (М., 1984), Ш. Х. Мгойна — «Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике», (Ереван, 1977), Ш. Ч. Ашириша — «Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане. 1961 — 1968» (М., 1975). Положение армянской общины в арабских странах рассмотрено в работах Е. О. Наджаряна «Армяно-арабские культурные связи (Сирия и Ливан) в 1945 — 1970 гг.» (Ереван, 1974) и О. Х. Топузьяна «История армянской колонии в Египте (1805 — 1952)» (Ереван, 1978). Ассирийский вопрос рассмотрен К. П. Матвеевым в работе «Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время» (М., 1979). Проблема населения юга Судана рассматривалась Т. С. Агвевым и С. Е. Ивановым и получила достаточно полное освещение в монографии Е. А. Виргауз «Национально-этническая проблема Судана. 1956 — 1968 гг.» (М., 1975).

В последние десятилетия в некоторых арабских странах обретают значение, а подчас и особую остроту этносоциальные и этноконфессиональные противоречия. Конфессиональной структуре и межконфессиональным противоречиям в Ливане были посвящены диссертация и статья В. Коваленко, истории и современному положению маронитской общины — книга М. А. Родионова. Берберский вопрос в Марокко нашел освещение в книге З. А. Ментешашвили «Берберы в общественно-политической жизни Марокко. 50 — 70-е гг. XX в.» (М., 1985).

В настоящее время тип политической власти как никогда ранее обуславливает характер решения социально-экономичес-

них, политических и культурных проблем в каждой стране. До сих пор выбор пути развития при всем значении произошедших преобразований во многом определяется «политической волей». И именно это придает особое значение изучению власти в странах с различным социально-экономическим строем или с различной ориентацией развития, анализа системы управления, характера бюрократии, роли государственной власти в преобразовании социально-экономической структуры, проблем демократизации политического строя, подрыва влияния старой политической элиты, путей включения масс в политическую жизнь и т. п. К сожалению, специально эти вопросы в основном только начинают изучаться.

С удовлетворением можно отметить, что к изучению некоторых из названных вопросов начинают подключаться историки государства и права. В частности, можно отметить работу С. А. Каминского, статьи В. Е. Чиркина, Г. И. Муромцева. Книга С. А. Каминского «Институт монархии в странах Арабского Востока» (М., 1981) посвящена анализу классовой сущности государства, разновидностям форм правления, правовому и фактическому статусу монарха, закономерностям и тенденциям развития монархических стран арабского мира. Работы историков государства, основанные на достижениях советского государствоведения, обогащают научно-теоретическое содержание исследований историков-арабистов, хотя сами подчас и страдают от недостаточно глубокого проникновения в сущность реальных арабской жизни.

Все более важное значение приобретают исследования арабистов по проблемам идеологии, культуры и образования.

Серьезные основы для дальнейшего исследования арабской общественной мысли заложил З. И. Левин в своих монографиях «Развитие арабской общественной мысли. 1917 — 1945» (М., 1979) и «Развитие арабской общественной мысли. О некоторых немарксистских течениях после второй мировой войны» (М., 1984). З. И. Левиным исследуются проблемы идеологии национально-освободительного движения, взаимодействия старого и нового в общественном сознании, влияния ислама на формирование общественной мысли и т. д.

В целом историки еще мало уделяют внимания исследованию проблем идеологии. Вплоть до настоящего времени выход монографий по проблемам идеологии арабских стран является довольно редким событием. В сущности, помимо работ З. И. Левина, за эти полтора десятилетия увидели свет лишь книги Т. П. Тихоновой «Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусри» (М., 1984), А. В. Малашенко — «Ислам и официальная идеология Алжира» (1965 — 1976)» и А. Трас-

куновой — «Печать алжирской революции» (М., 1979).

Следует отметить, что в данном случае не предусматривалось освещение работ арабистов-историков в области изучения современного ислама, что составляет особую тему, выходящую за рамки данного доклада.

Некоторые успехи имеются в изучении культурных преобразований, подготовки кадров и перестройки системы народного образования. В этой связи следует назвать монографию Н. И. Ворончаниной «Культурные преобразования в современном Тунисе» (М., 1978) и ряд диссертаций.

Важное место среди работ по новейшему времени занимают исследования международных отношений на Ближнем Востоке. Среди них есть работы исторического характера, в частности книга Н. О. Оганесяна «Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны, 1939 — 1945» (Ереван, 1980).

Особое значение по своей актуальности и политической важности имеют исследования, связанные с проблемами ближневосточного урегулирования. Анализ этих проблем содержится в уже упоминавшихся монографиях Е. М. Примакова «Анатомия ближневосточного конфликта» (М., 1978) и «История одного сговора» (М., 1985). В первой из названных работ дается анализ причин, породивших ближневосточный конфликт. В ней на широком историческом материале прослеживается конфронтация между Израилем и соседними арабскими государствами, анализ Палестинского движения сопротивления (ПДС), ближневосточной политики США и т. д. Во второй освещаются основные этапы ближневосточной политики США в 70 — 80-е гг., которая привела к сепаратной камп-дэвидской сделке и заблокировала процесс достижения справедливого и всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта. Весьма обстоятельный анализ вопроса о национальных правах арабского народа Палестины дается в исследованиях Е. Д. Пырлина, в частности в работе «Палестинский узел. К вопросу об урегулировании палестинской проблемы» (М., 1978), в подготовленной им совместно с В. П. Ладейкиным книге «Путь к миру на Ближнем Востоке» (М., 1974) и ряде других.

В указанный период советскими арабистами впервые в советской научной литературе была сделана попытка обобщить опыт развития арабских стран в качестве самостоятельных государств и выявить характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950 — 1970-е годы. Рассмотрению этой проблемы была посвящена всесоюзная конференция арабистов, состоявшаяся в мае 1979 г. в Ереване, в работе которой приняли участие арабисты Москвы, Ленинграда, Ере-

вава, Тбилиси, Баку, Ташкента и Ашхабада. Материалы конференции опубликованы в сборнике «Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950 — 1970-е годы» (Ереван, 1980). Сборник помогает разобраться в различных проблемах, стоящих ныне перед арабскими странами, и одновременно дает некоторое представление о современном уровне развития советской арабистики.

Таковы основные направления в разработке новейшей истории арабских стран.

Помимо достижений следует отметить также определенные недостатки в работе историков новейшего времени: неравномерность в изучении разных стран и периодов, недостаточную скоординированность работы, почти полную неразработанность историографии новейшей истории, слабое изучение политологических проблем, вопросов развития массового сознания, проблем идеологии и др.

Что касается изучения новой истории арабских стран между 1969 — 1985 гг., то прежде всего следует подчеркнуть, что переориентация основных кадров арабистов-историков на изучение новейшей истории имеет свои издержки. У нас слабо ведутся исследования по новой истории, а без знания глубоких исторических корней современных процессов мы обедняем свои представления об этих процессах. Между тем в арабистике таких специалистов имеются единицы, и новые кадры почти не готовятся.

Назовем монографические исследования по новой истории арабских стран, в частности XVII — XVIII вв., увидевшие свет за последние 15 лет. Здесь следует отметить книгу И. М. Смиланской «Социально-экономическая структура стран Ближнего и Среднего Востока на рубеже нового времени» (М., 1979). В этой работе на материалах Сирии, Ливана и Палестины разработана интересная концепция социально-экономического развития арабских стран накануне европейского экономического проникновения.

Важные вопросы особенностей политического, экономического, юридического и конфессионального развития Ливана освещаются в книге Е. О. Наджаряна «Ливан в конце XVIII и в первой половине XIX века» (Ереван, 1985).

Проблеме египетского кризиса 1881 — 1882 гг., рассмотренного в свете дипломатической истории с широким привлечением ранее неизвестных документов, посвящена весьма серьезная работа ныне покойного Г. А. Нерсесова «Дипломатическая история египетского кризиса. 1881 — 1882 гг.» (М., 1979). Всесторонне осветив дипломатическую борьбу Англии, Франции и Германии в период кризиса, автор впервые сумел пока-

зять, как Россия, имея серьезные противоречия с Англией, стремились предотвратить британскую оккупацию Египта.

Формирование и развитие основных течений общественно-политической мысли Сирии и Египта в середине XIX — начале XX в. — просветительство, буржуазный национализм и элементы идеологии народных движений — стали предметом исследования З. И. Левина «Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте» (М., 1972).

Наконец, очень крупным монографическим исследованием истории арабских стран на рубеже XIX — XX вв. является фундаментальный труд также ныне покойного Л. Н. Котлова «Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. — 1908 г.)» (М., 1975). В этой работе на обширных арабских источниках, впервые вводимых в научный оборот, рассмотрены массовые движения накануне младотурецкой революции 1908 г. и проблемы зарождения арабского национализма и национального движения.

Все эти работы были защищены в качестве докторских диссертаций. В 1973 г. докторскую диссертацию защитил и В. Г. Силагадзе по теме «Ирак в период правления мамлюков (1749 — 1831 гг.)».

Можно упомянуть, наконец, две работы, защищенные в качестве кандидатских диссертаций: М. И. Тикадзе — «Сирийские города периода турецкого владычества» (Тбилиси, 1972) и И. М. Хакимова — «Джамаль ад-Дин аль-Афгани, его антиколониальные взгляды и деятельность. 1839 — 1897 гг.» (М., 1971).

Таков краткий обзор арабистических исследований по новой и новейшей истории за последние полтора десятилетия.

**ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ АРАБСКИХ СТРАН МЕЖДУ III И IV
ВСЕСОЮЗНЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯМИ АРАБИСТОВ
(1969 — 1985 гг.)**

За обозреваемый период советские ученые внесли значительный вклад в осмысление и освещение социально-экономических процессов, протекающих в арабских странах в ходе их борьбы за ликвидацию колониального и полуколониального наследия, за экономическую самостоятельность и социальный прогресс, становление в них индустриальной системы производительных сил.

В арабском мире в целом 70-е годы были отмечены повышением темпов хозяйственного развития, весомыми масштабами накопления в стоимостной и материально-вещественной формах, крупными и позитивными сдвигами в макроэкономической структуре в пользу отраслей материального производства, сравнительно высокими темпами роста обрабатывающей промышленности, в том числе индустрии орудий производства и позитивными сдвигами в сфере соотношения современного и традиционного секторов. Важной, а в ряде случаев и решающей финансовой основой этих процессов стала огромная нефтяная рента, получаемая основными нефтеэкспортирующими странами и частично перераспределяемая другим арабским государствам по каналам экономической помощи и через денежные переводы миллионов эмигрантов, работающих в странах Персидского залива и Ливии.

Вместе с тем прошедший период отличался и разнообразными глубокими диспропорциями в темпах и масштабах происходивших сдвигов в различных странах, в воспроизводственных процессах, растущими разрывами между общественными укладами и секторами народного хозяйства, ростом продовольственной и технологической зависимости от центров капитализма, экстенсивными методами экономического роста. Если группа основных нефтеэкспортеров преодолела инвестиционный барьер и сделала значительные шаги по пути индустриализации, поднялась в системе общеарабских координат на более высокий уровень, то наименее развитые страны так и остались бедными

с большим и растущим отрицательным сальдо сбережений и накоплений. Нефтяная рента в целом способствовала ускорению движения большинства арабских стран по капиталистическому пути, а усиление позиций арабского региона в кредитно-финансовой системе мирового капитализма сопровождалось сращиванием правящих кругов нефтеэкспортирующих монархий с финансовой олигархией капиталистических центров, углублением их включенности в мировое капиталистическое хозяйство (МКХ) как неравноправной и зависимой периферии.

Все эти проблемы как в страновом и субрегиональном, так и в общерабском разрезе исследованы советскими учеными. Конечно, в рамках представленного доклада нет возможности перечислить все написанные диссертации, статьи в журналах, сборниках и коллективных монографиях. В основу нижеследующей статистики положены только книги и брошюры, целиком или в подавляющей части посвященные экономическим и социальным проблемам арабских стран.

По нашим предварительным расчетам, с 1960 г. по 1985 г. в СССР по выделяемой тематике было издано около 100 книг и брошюр советских авторов, в том числе в 1960—1969 гг. — 20, в 1970—1979 гг. — 78, 1980—1985 гг. — 40. Очевиден нарастающий темп публикаций отдельных книг. Если в 60-х годах выходило в свет в среднем по 2 книги ежегодно, то в 70-е годы — 4, а в первой половине текущего десятилетия уже по 6,4 книг. За четверть века по социально-экономической тематике было защищено более 100 кандидатских и 9 докторских диссертаций, причем в 60-е годы — 3, в 70-е — 4, а в первой половине 80-х — 2.

Следует подчеркнуть не только рост количественных индикаторов, но и важный качественный сдвиг по тематике и уровню обобщений, достигнутый в 1983—1985 гг. В течение более чем 20 предшествующих лет советские экономисты и социологи писали свои работы преимущественно по отдельным арабским государствам и таким образом происходил период накопления знаний на страновом уровне. Довольно редкими были работы по субрегиональным темам. В этой связи назовем содержательные монографии Н. А. Аршаруни «Основные социально-экономические проблемы стран Северной Африки» и С. Л. Стоклицкого «Роль государства в мобилизации внутренних накоплений в странах Магриба». Лишь одна работа — справочник Р. В. Кленовского и Столярова «Арабские страны: экономика и внешнеэкономические связи» — имела общерегиональный масштаб. В 80-е годы вновь появились работы по общим проблемам Магриба — М. Ф. Видясовой «Экономика стран Магриба», Л. П. Зудиной «Аграрные преобразования и разви-

тие сельского хозяйства в странах Магриба», сборник статей сотрудников сектора арабских стран Института Африки — «Страны Северной Африки» и, наконец, сводное исследование В. А. Мельницева «Экономический рост стран Магриба». В 1981 — 1983 гг. вышли две субрегиональные научные монографии по Аравийскому полуострову — «Страны Аравийского полуострова: нефть, финансы, развитие» И. Л. Пиотровской, «Нефтяные монархии Аравии. Проблемы развития» А. Г. Георгиева и В. В. Озолинга. Заметным явлением в советской арабистике стал выпуск двух сборников статей по проблемам нефти — «Нефтедоллары и социально-экономическое развитие стран Ближнего и Среднего Востока» (1979 г.) и «Арабские страны: нефть и дифференциация» (1984 г.), в которых дана характеристика влияния нефтяного фактора на развитие арабского мира.

Глубокий и всесторонний анализ общеарабских процессов и тенденций в сочетании с новаторским подходом отличает опубликованное исследование С. Л. Стоклицкого, Л. А. Фридмана и П. Ф. Андруковича «Экономические структуры арабских стран. Экономико-статистический анализ». Впервые в советской научной литературе анализируются и сопоставляются экономические структуры 20 арабских стран. При помощи традиционных и математико-статистических методов, с применением ЭВМ исследуются ресурсный потенциал, уровень и структура развития производительных сил, в том числе и «человеческого фактора», место в мировом капиталистическом хозяйстве, масштабы социально-экономической дифференциации арабских стран, предлагаются оригинальные группировки различных арабских стран по уровню их конкретного социально-экономического развития в масштабах всего арабского региона и в капиталистическом мире в целом.

Считаем целесообразным отметить, что Отдел арабских стран ИВ АН СССР завершил коллективную монографию «Развитие капитализма в арабском мире». Поднятая тема исследуется как на общерегиональном, так и на страновом уровнях. Следует отметить такую книгу В. А. Исаева «Внешнеэкономические связи между арабскими странами» (1978 г.)

Отдавая должное творческим усилиям советских арабистов-экономистов и социологов, вместе с тем отметим, что общее количество опубликованных книг по этой актуальной тематике все же недостаточно. К тому же их число по отдельным странам и по отраслевой тематике крайне неравномерно.

За период 1970—1985 гг. было опубликовано 15 книг по Египту, 8 — по Алжиру, по 4 работы пришлось на каждую из следующих стран — НДРГ, Ирак, Сирию, Судан, по 2 книги было издано по Марокко, Ливану, Кувейту и Ливии, по 1 книге — по ЙАР, Саудовской Аравии, Катару, ОАЭ, Мавритании,

Иордании, Тунису, ни одной работы не появилось о Бахрейне, Омане, Джибути, Сомали. Конечно, в такой неравномерности имеется, так сказать, и своя закономерность. Основное количество книг было издано по тем странам, которые в разные периоды своей истории встали на путь социалистической ориентации и завязали всесторонние отношения с Советским Союзом, другими социалистическими государствами.

Отсутствие специальных работ по экономике некоторых арабских стран можно объяснить либо нехваткой специалистов, либо объективными трудностями. Так, экономическая статистика по Ираку не публикуется с 1979 г., тем более она закрыта в условиях войны с Ираном; практически трудно писать о современной экономике Ливана, разрушенной агрессией Израиля и гражданской войной; есть свои проблемы и при характеристике социально-экономических процессов в Ливии.

За редкими исключениями, не вышло страновых работ обобщающего социально-экономического характера. Большинство публикаций отражают, и в ряде случаев весьма интересно, те или иные аспекты общей картины, впрочем, достаточно актуальные, в других преобладает информационно-справочный материал. Нельзя не отметить и достижения в этой области. К ним, в первую очередь, следует отнести ставшую уже классической монографию И. П. Беляева и Е. М. Примакова «Египет: время президента Насера». В ней дан глубокий анализ социально-экономических корней революции 1952 г., основных трудностей и противоречий, сопровождавших перестройку базиса и надстройки в период развития Египта по некапиталистическому пути, тех факторов, которые помогли египетской буржуазии совершить термидоранский переворот после смерти Г. А. Насера. Трезво и критично рассматривает Ю. В. Потемкина трудные проблемы экономического становления нового Алжира в книге «Алжир: проблемы развития». В своей работе «Очерки экономического и социального развития Алжира» А. Г. Виравов прослеживает социально-экономическое творчество алжирских революционных демократов с точки зрения реализации их собственных программ. Такая авторская позиция оригинальна и обоснована. Первую в советской арабистике работу по социально-экономической структуре Судана представил В. И. Гусаров. В 70-е годы аналогичная тема на примере Сирии была раскрыта в книге В. В. Вавилова.

По-видимому, те же причины объясняют и явные диспропорции в подготовке специалистов высшей квалификации по арабскому миру. Из 9 защищенных докторских диссертаций 4 написаны по Египту (И. П. Беляева, Е. М. Примакова, Л. И. Фридмана, М. Ф. Гатаудлина), 4 — по Алжиру (Г. И. Смирнова, П. Н. Третьякова, Н. И. Кирея, Ю. В. Потемкина) и только

одна по общим вопросам — проблеме нефти в общеарабском контексте (Р. Н. Андреасяна). В то же время целый ряд арабских стран и региональных явлений вполне могут представить поле для исследования их социально-экономических проблем на докторском уровне.

Рассматривая тематику исследований в субрегиональном разрезе, можно отметить, что по социально-экономическим проблемам Магриба опубликовано 6 книг, Аравийского полуострова — 4.

Что же касается остальных крупных проблем субрегиона, то они все еще не стали предметом исследования.

По Аравийскому полуострову были опубликованы уже упоминавшиеся монографии И. Л. Пиотровской, две книги А. М. Васильева («Фанелы Персидского залива» и «Персидский залив в эпицентре бури»), рассчитанных на широкого читателя, но содержащих по существу научный анализ новых процессов и явлений, связанных с борьбой за нефтяную ренту и ее реализацией. С учетом ряда других публикаций и защищенных диссертаций можно полагать, что трансформация социально-экономической структуры нефтеэкспортирующих стран Аравии в советской научной литературе также изучена весьма основательно.

Рассмотрим распределение вышедших работ по отдельным вопросам социально-экономического развития арабских стран. Большое внимание было уделено нефтяной проблеме, что в целом соответствует ее значению в жизни нынешнего поколения арабов. Здесь можно отметить 6 основных работ: два сборника по проблеме нефти, книга А. Е. Примакова «Персидский залив: нефть и монополии», где дается интересная авторская трактовка проблем ренты и взаимоотношений нефтеэкспортирующих стран и нефтяных монополий, Л. И. Котлова «В борьбе с нефтяными спрутами», в которой прослеживается становление национального нефтяного хозяйства, Р. О. Инджияна «ОПЕК в мировом капиталистическом хозяйстве», где основное внимание уделится вопросам ценообразования на нефть и роли ОПЕК, прежде всего ее арабских участников на мировом капиталистическом рынке, Р. Н. Андреасяна и А. Д. Казюкова «ОПЕК в мире нефть», в которой анализируется экономическая история борьбы в основном арабских стран — членов организации за свои интересы против нефтяных ТНК, и финансово-экономические проблемы, связанные с внутренними и внешними аспектами реализации нефтяной ренты.

10 отдельных и содержательных публикаций вышло по аграрным проблемам арабских стран, в том числе книги А. О. Филоника по Судану и Сирии, Л. И. Фридмана, И. П. Ивановой, В. К. Арскина, Н. В. Волкова — по Египту, А. И. Ткаченко — по Сирии, Ираку и Египту (сравнительный анализ), Л. П. Зуди-

ной — по Тунису и Магрибу, А. Кууза — по Марокко, З. В. Шестопаловой по продовольственной проблеме в Сирии, Ливане и Иордании. Накопленный в результате серьезного анализа по отдельным странам (и по группам стран) материал вполне может лечь в основу большого коллективного труда по всему комплексу аграрных проблем.

По экономическому обмену внутри арабского мира и этого региона с капиталистическим рынком вышло 7 крупных работ, в том числе названная выше книга В. А. Исаева и его последняя работа об отношениях арабских и других освободившихся стран, две книги А. И. Осипова о внешнеэкономической политике США в отношении арабского мира, монография Н. И. Кирей «Алжир и Франция в 1962—1971 гг.», В. И. Бурмирова «НДРГ. Экономика и торгово-экономические отношения». В этой цепи не хватает еще важных звеньев — экономических связей арабского региона с центрами капитализма в целом и с социалистическим содружеством.

Такие важнейшие проблемы, как финансы и кредит, накопление, индустриализация, иностранный капитал, государственный сектор, народонаселение, рабочий класс, социальная структура, сотрудничество с Советским Союзом за последние 15 лет представлены только двумя книгами. Следует отметить содержательные работы Л. И. Лушниковой по финансам Египта, Л. В. Аветисяна — о проблеме накопления в Ираке и С. Л. Стоклицкого — по Магрибу, Г. И. Смирновой — об индустриализации Египта и И. К. Смирнова — по Алжиру, Г. С. Шахбазина и В. Н. Гашева — по государственному сектору Ирака и Египта, Е. А. Лебедева — по демографическим вопросам Иордании и Е. Г. Поздоровкиной — по трудовым ресурсам Алжира, А. Н. Кухарева — о современных средних городских слоях Алжира, И. А. Егорова — о социально-экономической структуре Алжира, Г. И. Вочкарева о социальной структуре суданского города, А. Г. Вакланова — о рабочем классе современного Египта, М. В. Видясовой — о пролетариате Туниса, Н. Аршаруни — об иностранном капитале в Ливии и Н. С. Раковского — о том же на примере Египта, Н. А. Ушаковой — о сотрудничестве Египта со странами социализма и экономическом сотрудничестве стран — членов СЭВ с государствами социалистической ориентации, включая арабские, А. А. Исаходжаева — о развитии экономического обмена между Узбекистаном и странами Арабского Востока и Африки. Следует отметить также еще несколько работ, отличающихся высоким уровнем анализа и интересными выводами. В. Н. Гашев прослеживает материальную базу госсектора Египта, его организационные формы, а также взаимоотношения госсектора с другими укладами. В книге Г. И. Вочкарева, возможно впервые в советской арабистике, достаточно пол-

но и четко раскрыт весь многообразный спектр социальных слоев суданского города, базирующихся на различных экономических укладах, влияние на их развитие традиционных, этнических и конфессиональных связей. А. Г. Бакланов тесно увязывает структуру рабочего класса Египта с его социально-экономическим положением и рабочим движением. Н. С. Раковский интересно и полно характеризует политику «инфитаха» и его влияние на хозяйственное развитие страны, выявляет экономические связи страны с основными странами-кредиторами. Упомянем также две содержательные книги по социальным проблемам Египта: В. И. Дятлова — о формировании египетской буржуазии и В. В. Черновской — об истории египетской интеллигенции.

Есть и некоторые позитивные сдвиги в расширении географии работ по важным социально-экономическим аспектам развития арабских стран. Это особенно важно в настоящее время, поскольку арабский мир вступил в новую полосу, которая будет определяться более низкими, чем в 70-е годы темпами хозяйственного развития, обострением всего комплекса внутренних и внешних противоречий, вытекающих из его растущей включенности в мировое капиталистическое хозяйство, дальнейшей дифференциации отдельных стран по формационному и конкретно-экономическому индикаторам.

Все эти обстоятельства настойчиво требуют от нас, советских арабистов-экономистов и социологов, расширения и углубления исследования актуальных проблем арабского мира. На повестку дня вышла необходимость написания коллективных монографий по таким обобщающим темам, как: 1) экономические проблемы арабского мира, включая стратегию социально-экономического развития, индустриализацию, борьбу за преодоление отставания сельского хозяйства; 2) эволюция классов буржуазного общества; 3) современные методы неокOLONIALИСТСКОЙ экспансии транснациональных монополий, 4) система внешнеэкономических связей арабского мира с упором на новые проблемы и задачи экономического сотрудничества с социалистическим содружеством. Для реализации этих задач необходима концентрация усилий на магистральных темах, координация деятельности всех творческих коллективов, подготовка квалифицированных кадров, дальнейшее повышение профессионального и идейно-теоретического уровня наших специалистов.

1. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

О. Ш. Каджал

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЕГИПЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Последние два десятилетия Египет привлекает внимание своим неустойчивым внутривнутриполитическим положением. Процессы изменения соотношения политических сил, усиления позиций социализма создавали условия для углубления и насыщения содержания египетской национальной революции 1952 г. мотивами полного освобождения от колониального наследия. В этот период наблюдается возрастание роли марксизма, марксистских, в том числе и коммунистических, организаций в национально-освободительном движении в Египте. Это и понятно, так как вступление Египта на путь глубоких социально-экономических преобразований, сдерживающих капиталистическое развитие страны, обусловило во время президента Г. А. Насера изменения во взаимоотношениях между руководством страны и марксистами.

После смерти Г. А. Насера в 1970 г., отхода нового президента А. Садата от насеровской политики ограничения развития капиталистических отношений в стране и ожесточения со второй половины 70-х гг. режимом А. Садата преследований левых сил, все явнее становилась необходимость создания партии, способной дать политическую оценку режиму А. Садата. Задача заключалась в глубоком анализе процессов, происходящих внутри страны и определении путей и форм борьбы за продолжение курса Г. А. Насера, ориентированного на социализм. Эта необходимость и выдвинула на передний план политической борьбы проблему возрождения коммунистического движения в Египте. В мае 1975 г. в результате объединения нескольких марксистских групп была вновь образована Египетская коммунистическая партия (ЕКП)¹.

В июле 1975 г. ЕКП опубликовала «Политический док-

лад», в котором критиковался режим Садата за отход от прогрессивного национального курса режима Насера, указывалось, что кроме Египетской коммунистической партии в стране к 1978 г. существовала и другая коммунистическая рабочая партия, а также отдельно действовали многие марксисты, не входившие ни в одну из этих партий.

ЕКП определила тактику в революционной борьбе и заявила, что нет и не будет альтернативы революционной партии, основной деятельностью остаются все формы нелегальной работы; деятельность партии должна концентрироваться внутри массовых организаций².

В «Политическом докладе» дана характеристика классовым силам правящей верхушки Египта, выступавших против глубоких социально-экономических преобразований. К таким силам ЕКП относил: сельскую буржуазию (богатых землевладельцев), представители которой занимали руководящие посты в Арабском социалистическом союзе и составили большинство в Национальном собрании; верхних привилегированных слоев бюрократии и технократии в государственном аппарате, общественном секторе и политическом организме, располагающих крупными суммами денег, вкладывающих их в торговлю, промышленность, тесно связанных с частным сектором и западным капиталом; владеющих крупным коммерческим капиталом.

В этом политическом документе определены и задачи на предстоящий период: предусматривалось разоблачить и раскрыть капитулянтскую сущность камп-дэвидских соглашений, усилить в национальном и всеарабском масштабе борьбу против империалистов и американского плана решения проблемы. В нем содержался призыв ко всем национальным силам противостоять политике режима Садата снять с Египта ответственность за общеарабское освободительное движение, бороться за укрепление отношений с национальными и прогрессивными силами арабских стран, активно защищать экономические требования рабочих и крестьян, мобилизовать массы против опасности ограничения демократических свобод; ускорить учреждение союза рабочих и крестьян и фронта народных сил.

В духе вышеотмеченного документа и с обстоятельной критикой политики правящих кругов Египта выступил Мишель Камель, член Политбюро ЕКП, представитель ЕКП в журнале «Проблемы мира и социализма». В статье «Подоплека капитуляции», опубликованной в этом журнале в марте 1979 г., М. Камель четко определяет социальную и политическую сущность власти Садата, отмечает стремление садатовского режима к подрыву государственного сектора, резкой критике подвергает антиарабскую политику А. Садата. Автор указывает, что решение правительства, принятое в 1971 г., о ликвидации профсоюзных

ичеек на предприятиях с числом рабочих менее 200, о предоставлении права владельцам предприятий увольнения рабочих и служащих, о вмешательстве в профсоюзную деятельность, с запрете распространения листовок, сбора подписей или участия в организации собраний без предварительного разрешения и др. означают отход от патриотического курса Насера³.

Вместе с тем М. Камель совершенно справедливо отмечает: несмотря на то, что «основные силы египетской буржуазии воспринимают как должное зависимость от капиталистического рынка и международных монополий», все еще существуют потенциальные возможности отхода определенных кругов египетской буржуазии от предательской политики Садата⁴.

Важным событием в жизни египетских коммунистов явился первый съезд ЕКП, состоявшийся в сентябре 1980 г. в Египте в нелегальных условиях, который утвердил программу партии⁵.

Особый интерес представляет раздел программы «Историческое шествие египетской национальной революции», состоящий из трех частей: «Революция в период до июля 1952 г.», «Июльская революция 1952 г.» и «Период после контрреволюции».

В названном документе впервые в истории египетского коммунистического движения дается марксистско-ленинская оценка июльской революции 1952 г. в Египте. В нем справедливо указывается, что революция 23 июля 1952 г., совершенная в Египте организацией «Свободные офицеры», не была поддержана партиями национальной и мелкой буржуазии, а слабость и раскол египетского коммунистического движения, удары, которые по нему один за другим наносили парвительство и реакция, не позволили рабочему классу сыграть авангардную роль.

Довольно подробно анализируется политическое лицо организации «Свободные офицеры», убедительно показано, что главная группировка состояла из лиц, придерживающихся буржуазных взглядов, марксистско-ленинского мировоззрения, связанных с подпольными коммунистическими организациями. В нее также входили элементы, поддерживавшие связи с американскими и английскими кругами. При этом, с развитием классовой борьбы и по мере поляризации сил, руководство «Свободных офицеров», в основном национально-буржуазного направления, изгнало из состава организации марксистские элементы.

Большое внимание в Программе ЕКП уделяется оценке июльской революции и глубоким революционным преобразованиям. После революции в рядах египетского коммунистического движения возникали острые споры относительно оценки и определения характера власти, созданной в результате революции и последовавших за ней социально-экономических мероприя-

тий. Позиции египетских коммунистов в отношении революции были и правильными, и ошибочными⁶. Они менялись в ходе развития революции. С момента ее начала и до конца 1952 г. внутри египетского коммунистического движения выкристаллизовались две позиции. Первая — правильная позиция, сторонники которой поддерживали эту революцию. Другая — ошибочная) левацкая⁷. Ее сторонники выступали с нападками на революцию, характеризуя ее как фашистскую, как переворот военной диктатуры или как проамериканский военный переворот.

В Программе дана характеристика политических событий, имевших место в египетском обществе со второй половины 50-х годов и указывается, что в указанное время стало появляться все больше признаков национальных, антиимпериалистических по характеру тенденций власти (участие в Бандунгской конференции, установление добрых отношений с Советским Союзом, признание КНР, национализация Суэцкого канала, поддержка национально-освободительных движений и т. д.).

Примечательно, что в Программе дается правильная оценка позиции коммунистов в соответствии с изменениями, происходящими в общественно-политической жизни Египта. В этой связи указывается, что после июльских декретов о национализации 1961 г. возникло два уклона, вызванных неправильной оценкой роли национальной буржуазии. Сторонники таких оценок то не замечали недостатки и большие ошибки июльской революции, то превозносили положительные стороны и достижения этой революции. Все это не позволило египетскому коммунистическому движению должным образом проводить курс на единство национальных сил и одновременно вести борьбу против право- и левосектантских извращений оценки роли национальной буржуазии⁸. Сторонники левого уклона характеризовали революционные мероприятия как враждебные народу и служащие интересам государственно-монополистического капитализма. Что же касается сторонников правого уклона, то они преувеличивали революционные возможности национально-буржуазного руководства июльской революции. Более того, они утверждали, будто часть национальной буржуазии постепенно приближается к марксизму-ленинизму и революционные мероприятия того периода являются социалистическими по своему характеру⁹.

Научный классовый анализ июльской революции, содержащийся в Программе, приводит к выводу о том, что углубление революции 1952 г. внесло коренное изменение в классовую структуру высшей политической власти в стране путем передачи этой власти в стране из рук колониально-феодального альянса в руки местных патриотов. С другой стороны, июльская рево-

люди сумела пройти большой путь с точки зрения углубления ее социального содержания и постепенного приближения к социалистической ориентации.

В социально-экономической области революция лишила феодализм политических привилегий, нанесла внушительные удары по крупному и среднему капиталу, сделала важные шаги в строительстве будущей национальной экономики, основанной на прочной базе современной промышленности. Революция, утверждаясь в Программе, значительно продвинулась вперед по пути независимого экономического развития и создала мощный государственный сектор, который играет важную роль в руководстве национальной экономикой¹⁰.

В Программе дана правильная оценка политике А. Садата. В частности, критикуется его курс на подрыв советско-египетских отношений, судорожная гонка за американским вариантом решения ближневосточной проблемы, превращение Египта из оплота освободительной борьбы против империализма в базу для экспорта контрреволюции и орудие в руках неокOLONИализма и т. д.¹¹.

В Программе ЕКП аргументированной критике подвергнута экономическая политика Садата. В ней отмечается, что под лозунгом «развития частной инициативы», «возвращения к свободной экономике» и политике «открытых дверей» контрреволюция приступила к ликвидации социально-экономических завоеваний июльской революции.

Вопросу классовой борьбы внутри египетского общества в Программе ЕКП также уделяется должное внимание. Она шла в очень трудных условиях. В Программе отмечается, что временами классовая борьба ослабевала и затухала, временами разгоралась с новой силой. В отдельные периоды, когда власти занимали решительную позицию против империализма и местной реакции, которая соответствовала национальным интересам египетского общества, народные массы выступали в поддержку этой политики. В то же время народное движение вступало в конфронтацию с властями в тех случаях, когда их позиция и политика характеризовались шатаниями, отступничеством и антидемократическими анциями¹².

Как доказательство глубокого понимания египетскими коммунистами своей исторической миссии и своего классового положения, в Программе ЕКП подчеркивается, что массы рабочих и крестьян, повинувшись классовому чутью, поддерживали прогрессивные шаги революции, направленные на углубление ее социальной сущности и антиимпериалистического внешнеполитического курса.

В заключительной части Программы ЕКП подчеркивается, что быстро растет оппозиция садатовской экономической политике т. н. «открытых дверей». Набирает силу и противодействие камп-дзвидским соглашениям. Ширятся ряды недовольных и в вооруженных силах. Лагерь народной оппозиции режиму в стране расширился за счет различных политических сил, представляющих коммунистов, насеристов, вафдистов, религиозных и либеральных группировок.

Главный вывод, содержащийся в Программе Египетской компартии, сводится к тому, что «все в большей степени стала вырисовываться перспектива создания основ национально-демократического фронта, несомненно заинтересованного в свержении контрреволюции и осуществлении задач национально-демократической революции»¹³.

Примечания

¹ Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира, М., 1979, с. 213; Egypt after Nasser, Boha, p. 53; Marxism To-day, 1975, № 12 и др.

² Egypt after Nasser, p. 54.

³ Проблемы мира и социализма, 1979, № 3, с. 79.

⁴ Там же, с. 81.

⁵ Аль-Хурифа, 17.XI. 1980; Проблемы мира и социализма, 1981, № 1, с. 52.

⁶ Ас-Сафир, 17.XI и 18.XI 1980.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Аль-Хурифа, 17.XI. 1980.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Аль Хурифа, 17.XI. 1980.

¹³ Там же.

Ш. Н. КУРДГЕЛАШВИЛИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ТЕОРИИ» М. КАДДАФИ

Развитие событий в Азии и Африке наглядно свидетельствует о значительном возрастании воздействия «исламского фактора» на идейно-политическую борьбу в странах Востока.

В общем потоке современных исламских движений выделяются, а в ряде случаев и переплетаются между собой, различные ее направления, отображающие соответствующие интересы и устремления различных классов тех или иных мусульманских стран. В некоторых странах исламскими лозунгами оперируют обуржуазившиеся монархические, бывшие феодально-помещичьи и клерикальные круги, стремящиеся сохранить свое господство путем консервации в сознании народных масс «исламских традиций». В иных мусульманских странах местная средняя и крупная буржуазия, стремящаяся всемерно способствовать развитию капитализма, использует исламские лозунги в целях маскировки в религиозную оболочку классового, эксплуататорского характера буржуазного общества.

За последние годы в современных исламских движениях в мусульманских странах широкое распространение получило мелкобуржуазное по своему классовому содержанию течение, стремящееся использовать исламские лозунги для вовлечения широких эксплуатируемых и мелкобуржуазных масс в борьбу против империализма и докапиталистических порядков, а в отдельных странах и против распространения идей научного коммунизма. Ибо, согласно утверждениям данного течения, идеи социализма и социальной справедливости в основе своей были заложены в первоначальном учении ислама.

На указанное течение исламских движений объективное воздействие оказывают идеи научного коммунизма, наличие содружества стран развитого социализма. Воздействие идей научного коммунизма породило, в частности, в странах арабского мира разнообразные по своим оттенкам немарксистские теории «третьего пути развития», как «арабский социализм», «ба-

асистский социализм», «демократическо-кооперативный социализм», «исламский социализм» и т. п. При этом в данном потоке «национальных социализмов» на первый план, как правило, выдвигаются «исламский образ жизни» и «исламские традиции», которые противопоставляются, с одной стороны, образу жизни западного, капиталистического мира, а с другой — научному социализму, базирующемуся на материализме и атеизме.

Предсказывая неизбежность победы социализма во всем мире, В. И. Ленин подчеркивал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской; это было бы суздальской мазней, не более того»¹. Из этого ленинского указания вытекает насущная необходимость пристального внимания и детального изучения идеологических аспектов разного рода «исламских» и «национальных» социализмов, пропагандируемых в мусульманских странах арабского мира за последние годы.

В общем потоке немарксистских социалистических теорий особое место занимает т. н. «третья мировая теория» лидера ливийской революции Муамара Каддафи, необходимость анализа идеологических аспектов которой диктуется двумя основными факторами: во-первых, «третья мировая теория», в отличие от упомянутых выше теорий, формально не замыкается в определенные национальные или региональные рамки, а претендует на всеобъемлемую глобальность, как это явствует из самого ее заглавия, во-вторых, в самой Ливии уже осуществляются практические мероприятия в целях воплощения в жизнь основ этой теории.

Основополагающие аспекты «третьей мировой теории» в полном и завершенном виде изложены ее автором в состоящей из трех частей «Зеленой книге». Отдельные аспекты этой теории автор ранее неоднократно высказывал в многочисленных своих речах и публичных выступлениях начиная с 1973 г.² Однако процесс выработки в завершенном виде этой теории затянулся на несколько лет. Первая часть «Зеленой книги» была издана в 1976 г.³, вторая — в 1978 г.⁴, а третья — в 1979 г.⁵

В первой части «Зеленой книги» автор излагает политические основы «третьей мировой теории», стремясь найти «решение проблемы демократии» в повсеместном установлении т. н. «общенародного самоуправления»⁶. Обосновывая свой те-

зис о неизбежности установления системы «общенародного самоуправления» в глобальном масштабе, автор пытается доказать, что все без исключения существующие ныне государственно-политические системы и институты не отражают истинную демократию и являются диктаторскими.

Автор, в частности, пишет: «В настоящее время все политические системы в мире (подчеркнуто везде камн — Ш. К.) возникли в результате мирной или вооруженной борьбы орудий правления за власть, проявляющейся в борьбе классов, религиозных групп, племен, партий и отдельных личностей. Результатом такой борьбы всегда является победа того или иного орудия правления — отдельной личности, группы, партии или класса, что ведет к поражению народа, то есть к поражению истинной демократии... а это и есть диктатура в облики фальшивой демократии»⁷.

Основной характерной чертой метода изложения автором своих концепций является то, что его «третья мировая теория» наотрез отрицает демократическую сущность и нарекает диктаторскими все без исключения ныне существующие государственно-политические системы и институты. В этом плане, по существу, в «третьей мировой теории» поставлен полный знак равенства между буржуазными парламентскими, партийными и избирательными системами, с одной стороны, и парламентскими, партийными и избирательными системами стран развитого социализма, с другой стороны.

Показательно в этой связи, что более половины первой части «Зеленой книги» автор уделяет поголовной критике парламентских, партийных и избирательных систем в глобальном масштабе. Исходя из предпосылки, что «народ представлять нельзя»,⁸ автор утверждает, будто все «... парламенты обманывают народ. Парламент подменяет собой народ и поэтому парламентская система является недемократической», ибо «...эта искаженная демократия оставила народу лишь возможность выстаивать в длинной очереди с бюллетенями в руках, дабы опустить их в избирательные урны».⁹ Не ограничиваясь подобной критикой, автор призывает народы к свержению всех парламентских систем. Он пишет: «... народы вправе вести революционную борьбу за уничтожение аппарата, монополизирующую демократию и волю народных масс, именуемого парламентом»,¹⁰ ибо, по мнению автора, «... самые жестокие диктатуры, которые знал мир, существовали именно при парламентских системах».¹¹

Ожесточенным нападам автор подвергает существующие ныне поголовно все партийные системы, преподнося их читате-

лю в виде «современных орудий диктатуры». Отвергая демократическую сущность всех партийных систем, он, в частности, пишет: «Партия — это современная диктатура, новое орудие диктаторской власти, ибо партия осуществляет господство части над целым... партия — это орудие диктаторской власти, навязывающей свое мнение и интересы всему народу, любому народу».¹² Игнорируя и вульгаризируя партийный принцип демократического централизма, М. Каддафи далее указывает: «... сначала партия является представителем народа, затем руководство партии становится представителем членов партии, а потом секретарь партии становится представителем руководства партии».¹³ Он утверждает, что «... партийная система представляет собой диктатуру, приспособленную к современности», считает ее откровенной, «незамаскированной диктатурой нашей эпохи»¹⁴ и настойчиво призывает повсеместно «упразднить и партийный строй»¹⁵. По мнению Каддафи, все современные избирательные системы также являются «насмешкой над демократией», ибо они «не выражают действительной воли избирателей».¹⁶

Признавая наличие «в любом современном обществе» классов и классовой борьбы,¹⁷ автор тем не менее ратует за общество всеобщей классовой гармонии, ибо, по его убеждению, «... в соответствии с истинной демократией у класса, подавляющего другие классы ради своих интересов, не может быть оправдания», так как «если класс господствует над всем обществом, такой строй является диктаторским».¹⁸

Ниспровергая все ныне существующие парламентские, партийные, избирательные и другие политические институты, «третья мировая теория» решительно взывает к необходимости борьбы за ликвидацию этих систем, полагая, что, «перед народами стоит только лишь одна задача — борьба за ликвидацию всех форм диктаторской власти, которая в настоящее время господствует во всем мире и, фальшиво именуемая демократической, проявляется в виде различных форм парламентских, однопартийных, двухпартийных, многопартийных и иных систем».¹⁹

Основным объективным внешним фактором, обусловившим столь крайний радикализм автора «Зеленой книги», является настоятельное стремление США и других западных держав навязать ливийскому народу чуждые для мусульман «западные модели» государственно-политического устройства с целью сохранения этой страны в орбите своего господства. В этой связи антизападная и антиимпериалистическая сущность «третьей мировой теории» вполне очевидна.

Однако следует особо отметить, что в «Зеленой книге» со-

держится не только «отрицание западных политических институтов».²⁰ В ней в равной степени отрицаются и ниспровергаются все другие существующие ныне в мире, в том числе и в странах развитого социализма, государственно-политические системы и институты. Таким образом, наряду со значительным антизападным зарядом «третьей мировой теории», в идеологическом плане, содержит в себе не менее значительный потенциальный заряд антикоммунизма.

Весьма показательно в этой связи, что сразу же после перевода «Зеленой книги» на европейские языки определенные круги на Западе, особенно представители партий социал-демократов и «еврокоммунистов», развили бурную деятельность по организации всякого рода «научных» конференций и симпозиумов по обсуждению «третьей мировой теории» и провозглашая ее чуть ли не вершиной человеческой мысли, всемерно выпячивали антикоммунистический заряд этой теории.

Автор «третьей мировой теории» наотрез отрицает необходимость государственной системы управления обществом и государства в целом²¹, так как, являясь приверженцем «естественного закона»²², он полагает, что «истинное законодательство любого общества — это общепризнанная традиция и религия. Попытка изыскания законов общества вне этих двух источников несостоятельна и нелогична»²³.

Следует принять во внимание, что на формирование мировоззрения М. Каддафи значительное воздействие оказал целый ряд объективных и субъективных факторов. Социальная структура дореволюционного ливийского общества характеризовалась преобладающим господством докапиталистических формаций, где все еще сохранялись значительные остатки родоплеменных отношений. Он сам выходец из ливийского кочующего арабо-берберского племени «кабили», начальное и среднее образование получил в существующих в стране при мечетях медресе²⁴. Указанные обстоятельства не в малой мере способствовали выработке у него концепций, весьма схожих с «раннеисламским представлением об управлении мусульманской общиной»²⁵, в которых явно проявляются основные аспекты идеологии анархизма и анархо-синдикализма.

Автор «Зеленой книги» выдвигает идею о т. н. «общенародном самоуправлении» в форме своеобразной пирамиды, включающей в себя все социальные слои населения, территориальных, профсоюзных и производственных «народных комитетов» и «народных конгрессов», завершающим звеном которой должен быть «Всеобщий народный конгресс»²⁶. Впоследствии упомянутая система получила официальное наименование — «Джамахирия».

Предлагаемая система «общенародного самоуправления» основана на 42-й суре Корана, посвященной совету (аш-шуро) мусульманской общины²⁷, и, по существу, представляет из себя одну из разновидностей модели «исламского государства». Таким образом, стремление М. Каддафи придать своей теории глобальный характер в действительности оказывается замкнутым в региональные рамки мусульманского мира.

Прогрессивной стороной «третьей мировой теории» является содержащаяся в ней идея политической активизации народных масс через их привлечение к управлению обществом. По-видимому, именно это имел в виду М. Каддафи, заявивший в интервью корреспонденту журнала «Африк-Ази»: «Если не произойдет превращение ислама в прогрессивную революцию, он будет отброшен и отойдет в прошлое»²⁸.

Прошедшие после публикации «Зеленой книги» годы подтвердили безуспешность попыток ливийского руководства распространить принципы «третьей мировой теории», помимо самой Ливии, в остальных странах мусульманского региона. Консервативные режимы и буржуазные круги мусульманских стран, не без определенных оснований, весьма настороженно отнеслись к заложенной в эту теорию идее политической активизации народных масс. С другой стороны, в ряде стран мусульманского мира уже были выработаны собственные модели «третьего пути развития», в которых содержится отличающаяся от «Зеленой книги» трактовка роли и места ислама в развитии современного мусульманского общества²⁹.

Следует обратить внимание на завершающую первую часть «Зеленой книги» тираду, которая гласит: «Такова истинная демократия с точки зрения теории. С точки же зрения действительности правят всегда сильнейшие. Иначе говоря, правит всегда сильнейшая часть общества»³⁰. Она наглядно показывает авторитарную сущность истинных взглядов самого автора и проливает яркий свет на элитарный характер предлагаемой им всей системы т. е. «народного самоуправления».

Экономические и социальные аспекты «третьей мировой теории» изложены соответственно во второй³¹ и третьей³² частях «Зеленой книги».

Экономические воззрения М. Каддафи в целом совпадают с распространенными в большинстве мусульманских стран моделями «исламской экономики», в основу которой заложен принцип смешанной экономики, сочетающей возможность гармонического сосуществования государственной, кооперативной и частной собственности. Признавая право на частную собственность, «Зеленая книга», однако, ограничивает ее удовлетворением собственных потребностей и «границами использования

лишь только собственного труда, без привлечения труда других»²³. Иначе говоря, признается лишь неэксплуататорская частная собственность.

Илагая свою концепцию экономических аспектов социализма, автор «Зеленой книги» пишет: «Новое социалистическое общество породило... частную собственность, удовлетворяющую потребности без эксплуатации чужого труда и социалистическую собственность, при котором производители являются партнерами в производстве»²⁴, а не лицами наемного труда»²⁵. Под социалистической собственностью автор подразумевает государственный и кооперативный секторы.

В понятие частной собственности автор включает также личную собственность, в том числе — жилище, средства передвижения и средства существования, которые провозглашаются им священной неприкосновенностью»²⁶.

Трактовка экономических основ «исламского социализма» в «Зеленой книге» в целом основана на эгалитарных принципах и традиционном мусульманском понимании солидарности всех социальных слоев общества.

Социальные основы «третьей мировой теории», изложенные в заключительной части «Зеленой книги»²⁷, характеризуются отличительными чертами, присущими идеологии буржуазного национализма. Признавая в общих чертах дифференциацию общества на классы, М. Каддафи, тем не менее, основной движущей силой развития общества считает национальный фактор, который идентифицируется с фактором социальным. «Движущей силой истории является социальный, то есть национальный фактор, утверждает он, — ...социальные взаимоотношения являются национальными взаимоотношениями, а национальные — социальными... а основой, создавшей нацию, является национализм»²⁸.

Автор «Зеленой книги» полностью отвергает классовую основу и классовый характер государства, соответствующего господствующим в нем производственным отношениям. По его мнению, государство должно базироваться только на национальном принципе.

По его мнению, идеальным является такое государство, в котором национальное единство общества совпало бы с ее религиозным единством»²⁹.

Выдвигая национальный фактор в качестве естественной и основной формы государственно-политического единства общества, автор «Зеленой книги» вместе с тем считает неизбежным распад существующих в современном мире всех многонациональных государств. Он, в частности, пишет: «Все государства, которые объединяют различные нации на экономической,

военной, политической или религиозной основе, неизбежно распадутся под натиском борьбы за освобождение каждой нации»⁴⁰.

В целом «третья мировая теория», отличающаяся крайним радикализмом и характерной для всех современных исламских движений противоречивостью⁴¹, направлена, с одной стороны, против попыток США и других западных держав сохранить Ливию в орбите своего экономического и военно-политического господства. С другой стороны, эта теория в равной мере ниспровергающая как западные государственно-политические системы, так и соответствующие системы, существующие ныне в странах развитого социализма, имеет ярко выраженный антикоммунистический характер и выдвинута ее автором в качестве преграды против распространения идей научного социализма в освободившихся странах Востока, и в первую очередь в самой Ливии.

Примечания

- 1 Лешки В. И. О вариативности марксизма, Полн. соб. соч., т. 30, с. 123.
- 2 *El-Salaf M. Libya begins the era of Jamahiriya*, Tripoli, 1978, p. 34—41.
- 3 *Habib H. Politics and Government of Revolutionary*. Ottawa, 1975, p. 151—154.
- 4 Каддафи М. Ал-Китаб ал-Ахдар, ф. I, Тرابلس, 1978.
- 5 Там же, ф. II, Тرابلس, 1978.
- 6 Там же, ф. III, Тرابلس, 1979.
- 7 Каддафи М. Ал-Китаб Ал-Ахдар, фальс ал-Ливаль, Халь ал-Мушиль ад-Димукратия. «Султан аш-Шаб». Руш ас-сиях ли-назария ал-аламия ас-салима, Тرابلس, 1976 (Каддафи М. Зеленая книга, ч. I, Решение проблемы демократии. Власть народа. Политическая основа «третьей мировой теории», Триполи, 1976).
- 8 Там же, с. 4 — 5.
- 9 Там же, с. 11.
- 10 Там же, с. 9.
- 11 Там же, с. 11.
- 12 Там же, с. 14.
- 13 Там же, с. 17.
- 14 Там же, с. 21.
- 15 Там же.
- 16 Там же, с. 24.
- 17 Там же, с. 37.
- 18 Там же, с. 32.
- 19 Там же, с. 28 — 29.
- 20 Там же, с. 45.
- 21 Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки, М. — Ташкент, 1980, с. 45.
- 22 Зеленая книга, ч. I, с. 53 — 57.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 *Yusuf M. Qaddafi—Voice from the Desert*, London, 1975, p. XI.
- 26 Ким Г. Ф. От национального освобождения к социализму, М., 1982, с. 195.
- 27 Зеленая книга, ч. I, с. 43 — 48.

- 27 Ислам и его роль..., с. 194.
- 28 Цит. по: Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца, М., 1980, с. 325.
- 29 Ислам и политика, ч. I, М., 1980, ч. II, М., 1981.
- 30 Зеленая книга, ч. I, с. 69.
- 31 Каддафи М. Ал-Китаб ал-Ахдар. Ал-фасль ат-Тани. Хал ал-мушккили ал-иктисади. Ал-Иштираки. Ар-Руни ал-иктисади ли-н-Назария ал-алами, ас-салиси. Тرابلس, 1978 (Каддафи М., Зеленая книга, ч. II: Решение экономической проблемы. Социализм, Экономические основы «Третьей мировой теории». Триполи, 1978).
- 32 Каддафи М. Зеленая книга, ч. III, Триполи, 1979.
- 33 Зеленая книга, ч. II, с. 18.
- 34 Там же, с. 32.
- 35 Там же, с. 3.
- 36 Там же, с. 38.
- 37 Каддафи М. Ал-Китаб ал-Ахдар. Ал-фасль ас-Салис. Ар-Руни ал-иктисади ли-н-Назария ал-алами ас-салиси. (Каддафи М., Зеленая книга, ч. III, Социальная основа «Третьей мировой теории». Триполи, 1979).
- 38 Там же, с. 6.
- 39 Там же, с. 11 — 12.
- 40 Там же, с. 30.
- 41 Примаков Е. М., Восток после краха колониальной системы, М., 1982, с. 68 — 86.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ КУРДСКИХ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ИРАКА

Одним из примечательных явлений в курдском национально-освободительном движении на современном этапе является принятие на вооружение некоторыми курдскими национально-демократическими партиями и организациями идей социализма. Эта политическая направленность в разной степени отражена в программных документах большинства курдских национально-демократических партий и организаций Ирана и Сирии, а также Турции и Ирана. В этих документах зафиксировано положение о главном содержании мирового исторического развития в новейшее время, в особенности в период после второй мировой войны, подчеркивается значение Октябрьской социалистической революции в истории человечества, в борьбе угнетенных народов за социальное и национальное освобождение. «С начала XX века, — говорится в программе Курдской демократической левой партии в Сирии, — происходит подъем национального движения и обострение антиколониальной борьбы зависимых стран. Вдохновляющим примером для них явилась Великая Октябрьская социалистическая революция — источник прогрессивных идей, созвучных с целями национальных движений. Октябрьская революция объективно способствовала возникновению демократических и социалистических революций на Востоке»¹. Об основном содержании политического развития в современном мире в Программе Патриотического Союза Курдистана (ПСК) (Ирак) говорится: «Наша эпоха — эпоха крушения империализма, победы социализма и освобождения народов»². С этим теснейшим образом связана другая программная установка этой организации о том, что ей «следует укрепить солидарность со всеми тремя силами мировой революции: национально-освободительным движением, международным рабочим движением и социалистическими странами»³.

Демократическая партия Курдистана (Ирак), Курдская демократическая левая партия в Сирии, Народная демократическая партия Курдистана (Ирак) в своих программах и уста-

вах подчеркивают авангардную роль рабочего класса в борьбе за решение социальных и национальных задач. «Главная задача нашей борьбы, — читаем в программе Народной демократической партии Курдистана, — обогащать знанием рабочий класс и его организации, ибо этот класс — самый достойный быть авангардом народных масс»⁴.

Упомянутые выше партии придают большое значение роли революционной теории в процессе национально-демократической борьбы, что нашло свое выражение в зафиксированной в их программных документах известной марксистской установке о том, что «нет революционного движения без революционной теории». Достойны внимания некоторые другие программные установки вышеназванных партий. Так, в программе ДПК (Ирак) отмечается: «В своей политической и социально-экономической борьбе партия следует марксистско-ленинской теории, в духе которой она воспитывает и вооружает свои кадры и своих приверженцев»⁵. Курдская демократическая левая партия (Сирия) «борется за осуществление в Сирии народной демократии как переходного этапа к социализму, когда народ будет беречь и уважать права и свободы всех граждан...»⁶. «Партия в своей идейной и практической деятельности руководствуется научной теорией. Она — за научный социализм, учитывающий особенности действительного положения, в котором находится наш народ», — читаем в программе Курдской демократической партии Сирии⁷. По мнению этой партии «решение курдского вопроса при наличии буржуазного строя невозможно, только социализм может решить его демократическим путем в рамках единой страны»⁸.

Объективная основа этого примечательного явления заключается в том, что:

1. Непримируемое отношение курдских национально-демократических сил к империализму и его креатуре на Ближнем и Среднем Востоке заметно сузило классовую базу курдской традиционной феодально-племенной верхушки, ограничило ее влияние на мелкую буржуазию и народные массы. Вследствие этого расширилась социальная база курдского национально-освободительного движения, активизировалась роль широких масс крестьянства, полупролетарских и мелкобуржуазных слоев народа.

2. Большие достижения Советского Союза и стран социализма в решении социальных и, особенно, национальных проблем создают благоприятную почву для распространения их влияния. Вследствие этого социалистические идеи все шире проникают в курдское национально-демократическое движение.

Считается, однако, бесспорным, что фиксации социалистических идей в программных документах курдских национально-демократических партий, заявления руководителей некоторых из этих партий о выборе социализма в качестве конечной цели своей борьбы не могут быть главным критерием для определения их как сил, выступающих за социалистический путь развития. В связи с этим вполне резонна и логична мысль о том, что судить о социалистической ориентации, приверженности той или иной партии к социалистическому пути развития в условиях, когда курдские национально-демократические партии не являются правящими, трудно. Ответ на поставленный вопрос затрудняется еще и потому, что курдское национальное движение представляется нам разношерстным по социально-классовому составу и, таким образом, предстоит долгая и упорная борьба для его дальнейшей радикализации.

Однако это обстоятельство не умаляет роли социалистической направленности в курдском движении и, что еще важнее, его значимости как качественно нового сдвига вперед.

Говоря о популярности социалистических идей в курдском движении, заметим, что эти идеи адресованы участникам того национального движения, которое в недалеком прошлом находилось под сильным влиянием феодальной верхушки и мусульманских религиозных вождей.

Следует учесть, что, беря на вооружение многие основополагающие положения научного социализма, курдские национально-демократические партии тем самым, с одной стороны, объективно отходят от позиции противопоставления своих концепций марксизму-ленинизму, с другой — фактически получают дополнительную возможность для более глубокого знакомства, в особенности руководящего звена курдского движения, с марксистско-ленинским учением. Важно подчеркнуть, что это знакомство в ряде случаев происходит по самим первоисточникам классиков марксизма-ленинизма, часть которых в последние годы переведена на курдский язык. Наконец, как справедливо пишет Г. И. Мирский, «вырывать массы из плена националистических, религиозных, патриархальных, феодальных и буржуазных представлений и понятий можно только путем воспитания в них социалистической идеологии»³.

Важным критерием социалистической ориентации курдских национально-демократических партий можно считать их отношение к социалистическим странам, их достижениям, мировой практике строительства социализма, их опыта по решению национального вопроса. Так, на одном из этапов переговоров лидеров курдского движения с иракским правительством, когда возник вопрос о том, как представляют себе лидеры

курдского движения форму признания национальных прав курдского народа в Ираке, последние указали на форму решения национального вопроса в СССР, ЧССР и СФРЮ. В документах и материалах курдских национально-демократических партий широко пропагандируется мысль о том, что решение национального вопроса возможно лишь в условиях социализма. В подтверждение этого они публикуют многочисленные факты о достижениях Советского Союза в решении национального вопроса и уделяют большое внимание достижениям курдов СССР.

Представляет интерес вопрос о генеральном пути развития борьбы курдского народа за национальное освобождение. В программе Курдской демократической партии в Сирии об этом сказано: «... поскольку идет борьба за освобождение и прогресс во всем мире, объединение курдского национально-освободительного движения с движением угнетенных народов региона, координирование его борьбы и позиций с силами свободы и прогресса, в авангарде которых стоят социалистические страны, является необходимым условием успеха в борьбе, гарантирующей определенную историческую перспективу. Это является необходимым условием победы курдского национально-освободительного движения»¹⁰.

Наконец, важнейшим моментом для обсуждаемого вопроса на современном этапе является имеющий тенденцию развития союз курдских национально-демократических партий с коммунистическими партиями Ирака, Сирии и Турции. В виде национально-демократического фронта такой союз функционирует в Ираке и Турции, а в Сирии имеет место подобное сотрудничество между компартией и курдскими национальными демократами. Заметный прогресс в этом направлении наблюдается в Иране.

Сказанное, однако, не дает основания для упрощенного заключения о том, что курдские национально-демократические партии и их последователи — готовый резерв в борьбе за социалистическое переустройство общества и в скором будущем они автоматически включатся в борьбу за осуществление идей научного социализма.

Как уже было отмечено, национально-демократическое движение курдов имеет неоднородный социально-классовый состав, что обуславливает наличие в нем различных направлений. Эти различные идейно-политические течения в курдском национально-освободительном движении и в вопросе о социалистической ориентации в целом сводятся к двум основным направлениям — радикальному и умеренному. Не случайно

декларирование приверженности социалистическим идеям часто не подкрепляется конкретной тактикой некоторых течений в курдском движении. Предпринимаются узконационалистические шаги, непоследовательность в решающие моменты борьбы и даже вспышки террора против коммунистов. Все это свидетельствует о сложностях дальнейшего развития национальной борьбы курдов, процесса кристаллизации различных течений и их политических платформ.

Говоря о тенденциях дальнейшего развития курдского национально-демократического движения, возможных трансформациях в нем, следует отметить опыт последних двух десятилетий. Он дает основание заключить, что в этом движении идет процесс радикализации выдвинутых требований также и по социально-экономическим преобразованиям, и благодаря именно этим изменениям стало возможным декларирование идей социализма.

Радикализация курдского национально-демократического движения и появление более благоприятных условий для распространения идей социализма обусловлены следующим: во-первых, происходит активизация низших слоев курдского общества в национально-демократической борьбе; во-вторых, все решительнее выдвигаются не только национальные, но и социальные требования; в-третьих, курдские борцы за национально-демократические права все больше осознают совпадение целей борьбы угнетенного курдского народа и демократических прогрессивных сил господствующей нации.

Сказанное дает основание заключить, что национально-освободительное движение курдов представляет весомый резерв революционной борьбы на Ближнем и Среднем Востоке, а социалистическая ориентация при соответствующих благоприятных обстоятельствах может привести к дальнейшей радикализации ее характера.

Примечания

¹ Программа Курдской демократической левой партии в Сирии, принята на IV съезде партии в январе 1975 г., с. 1. (В августе 1980 г. партия была переименована в Партию курдского народного союза в Сирии).

² Программа Патриотического союза Курдистана (Ирак), с. 5.

³ Там же, с. 5 — 6.

⁴ Программа и Устав Народной демократической партии Курдистана (Ирак), с. 2.

⁵ Программа и Устав демократической партии Курдистана (Ирак). Принята на IX съезде партии в ноябре 1979 г., с. 1.

⁶ Программа Курдской демократической левой партии в Сирии, с. 5.

⁷ Программа Курдской демократической партии в Сирии, с. 3.

⁸ Там же, с. 4.

⁹ Мирский Г. Н. «Третий мир», Общество, власть, армия, М., 1976, с. 301.

¹⁰ Программа Курдской демократической левой партии в Сирии, с. 3.

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ
В АРАБСКИХ СТРАНАХ И РОЛЬ ВОЕННЫХ**

В новой редакции Программы КПСС отмечается: «Широкие перспективы общественного прогресса открывает некапиталистический путь развития, путь социалистической ориентации, избранный рядом освободившихся стран»¹. Наибольшее распространение выбор социалистической ориентации получили в арабском мире: четвертая часть всех арабских государств провозгласила в то или иное время свое намерение идти некапиталистическим путем. Другое дело, что в некоторых из этих стран движение по избранному пути затормозилось или стало обнаруживать серьезные попятные тенденции, а в Египте: после смерти Насера было прервано вообще. Все же сам факт провозглашения в части арабских стран ориентации на социализм свидетельствует о том, что в арабском мире тенденции отрицания капитализма проявились с особой силой.

Примечательно, что во всех этих странах значительную, а в большинстве случаев даже решающую роль в установлении политических режимов прогрессивного характера сыграли военные.

В советской научной литературе уже отмечалось, что армия в освободившихся странах может играть роль революционной силы, опрокидывающей установленную союзниками или клиентами империализма политическую систему. Чаще всего речь идет о выступлении не армии как таковой, а революционной организации внутри армии, действующей вопреки интересам господствующих социальных сил, в том числе и собственной военной верхушки.

Но и в этом своем качестве военные ведут себя по-разному, и неправильно было бы объединить все революционные выступления армии под общим движением и квалифицировать их как некие «военные революции». Революции вообще не могут быть «военными», даже если их возглавляют военнослужащие: они обязательно являются если не творчеством масс в полном

смысле слова, то во всяком случае — результатом выступления достаточно широких социальных сил, стремившихся изменить существующую систему в целом, и военные могут быть лишь авангардом этих сил.

В Сирии армия играла и продолжает играть выдающуюся роль на всех этапах развития после достижения независимости. В 50 — 60-х гг. Сирия была классической страной военных переворотов, своего рода «арабской Боливией». Ядром армии были созданные при французском правлении военно-полицейские силы, офицерский корпус в своем высшем звене был укомплектован выходцами из семей городской буржуазии, как правило, — суннитами. Что касается среднего и младшего офицерского состава, то его социальное происхождение отражало уже упоминавшуюся выше закономерность: в военные училища шли преимущественно сыновья провинциальной мелкой буржуазии, служащих, ремесленников, более или менее состоятельных крестьян, причем среди них процент суннитов был меньше, большой удельный вес имели алавиты — представители дискриминируемой «низшей» секты.

Первый военный переворот произошел в марте 1949 г. Сменили друг друга три военных режима, которые не оставили заметного следа во внутренней жизни страны. Главное отличие между ними состояло в том, что одни ориентировались на Англию, другие — на США в ходе развернувшегося в те годы острого соперничества между двумя империалистическими державами, в основном из-за арабской нефти.

С 1954 г. на политическую арену выдвигается новая плеяда офицеров. В отличие от людей старой турецкой или французской выучки, это — офицеры второго поколения, выпускники Хомской академии, националисты с социальной ориентацией, в значительной мере сторонники новой партии Ваас (или ПАСВ — Партии арабского социалистического возрождения, звезда которой начинала восходить на сирийском горизонте). Возникла левонационалистическая коалиция, ядром которой была Ваас и в ней большой вес имела коммунистическая партия. Но вскоре события приняли новый оборот. Сирия объединилась с Египтом, возникла Объединенная Арабская Республика, просуществовавшая, однако, недолго — до сентября 1961 г.

Уния с Египтом была ликвидирована в результате заговора, движущей силой которого была сирийская буржуазия, напуганная политическим курсом Гамаль Абдель Насера, серьезно сдвинувшимся влево, а исполнителем — группа полковников, занимавших ключевые посты в расположенных вблизи столицы гарнизонах и воинских частях.

Началась чистка офицеров, занимавших высокие посты

при насеровском режиме. Однако первый режим вновь обретшей самостоятельность республики — режим гражданский, глубоко консервативный и буржуазный — продержался менее полутора лет. С марта 1963 г. генерал Харири во главе дивизиона зенитной артиллерии, совершив бросок на грузовиках от границы с Израилем, вступил в Дамаск и сверг правительство. Новым режимом возглавляли лидеры партии Баас, оправившиеся от потрясений периода объединения. Но с этого момента армия провозгласила себя верховным арбитром политической жизни. Был создан Совет революционного командования, оставшийся постоянным органом и после формирования правительства.

В ходе еще более основательной чистки армии было уволено около 800 офицеров — на этот раз в основном «сепаратистов», или сторонников сецесснистского антинасеровского режима. Но чистка опять коснулась и оставшихся еще в армии офицеров противоположного крыла — насеристов-юнионистов. В конечном результате «второе поколение» офицеров обескровило себя взаимными чистками, и на смену ему пришло примерно 900 офицеров баасистской ориентации. Это были еще в большей степени сыновья провинциальных разночинцев, и среди них было еще больше алавитов, друзов и исмаилитов, чем прежде.

Известный французский журналист Эрик Руло приводил на страницах «Монд» беседу с одним из тогдашних лидеров нового поколения офицеров Абдель Керимом Джунди. «Я стал военным не по призванию, — сказал Джунди, — Я хотел стать инженером, но скудость средств, которыми располагала семья, не позволила мне поступить в университет; это — роскошь, которую могли себе позволить лишь сыновья крупной буржуазии. А обучение в военной академии было бесплатным. Кроме того, мы получали стипендию, которая давала нам возможность обеспечить себе существование». Руло писал о Джунди, что «армия дала ему престиж, соответствующий мундиру, затем авторитет, который он не мог бы получить в другой сфере, и, наконец, власть, которая позволила ему вырвать из рук имущих орудия их господства»¹.

Новое поколение офицеров левой ориентации не только не было связано с традиционными правящими слоями, но и враждебно настроено по отношению к ним. Внутри Баас, фактически ставшей уже правящей партией, шла постоянная борьба фракций, в ходе которой партия в целом радикализировалась, сдвигалась влево; соответственно все более ухудшалось отношение буржуазии к баасистам. Оба процесса шли параллельно и питали один другой. В конце концов дело дошло до прямого конфликта, и деловые круги дали понять, что они не

намерены терпеть монополию Баас на государственное руководство; буржуазия требовала вернуть страну на путь «классического» капитализма, либеральной экономической политики. Ответом баасистов, среди которых тон задавали уже молодые левые офицеры, была волна национализации в январе 1965 г., за которой последовали другие декреты, приведшие к тому, что в руки государства перешло 75% промышленного производства.

Неуклонное полевение партии Баас меняло ее характер, превращало ее из обычной арабской левонационалистической партии, главным отличием которой от остальных был лишь необычайно сильный упор на арабское единство, в выразителя антикапиталистических тенденций. В ноябрьском кризисе 1970 г. решающую роль сыграла опять армия: воинские части, в том числе танковые, поддержали министра обороны Хафеза Асада, и их вступление в Дамаск решило исход борьбы. Был установлен, наконец, после многолетнего периода «смутного времени», твердый и стабильный режим, проводящий прогрессивный антиимпериалистический курс.

Что касается партии Баас, то за время своего существования она совершенно обновилась. Прогрессивное офицерство толкнуло партию влево, придало ей новую ориентацию, но и само воспользовалось именем и авторитетом партии, ее традицией, ее патриотической репутацией, ее опытным, разветвленным аппаратом. Своеобразие революционной роли армии в Сирии состоит в том, что ей не нужно было создавать собственную политическую организацию. Сирия благодаря альянсу армии с партией Баас миновала этап чисто военного режима.

За полтора десятилетия своего пребывания на посту руководителя Сирии президент Хафез Асад стал известен во всем мире как один из виднейших арабских государственных деятелей, сумевший добиться успеха во многих областях, в первую очередь в деле противостояния империалистической и сионистской агрессии, в частности в Ливане. Дружба и сотрудничество между Сирией и Советским Союзом оказывает исключительно сильное позитивное воздействие на весь ход событий на Ближнем Востоке.

Успехи Сирии несомненны, их признают и друзья, и враги. Бесспорно большое положительное влияние, которое оказывает Сирия на всю обстановку в регионе. Но это еще не равнозначно утверждению, что в Сирии завершена глубокая народно-демократическая революция, покончено с тенденциями капиталистического развития и открыт путь для социалистического строительства. Не отрицая больших и прогрессивных пе-

ремени, которые произошли в Сирии при нынешнем режиме и выразились в отстранении от власти прежних эксплуататорских классов, осуществлении многих назревших преобразований революционно-демократического характера, следует констатировать и наличие другой тенденции, выразившейся в постепенном росте капиталистических отношений как в городе, так и в деревне. Это и дало основания Сирийской коммунистической партии на ее последнем съезде отказаться от термина «некапиталистический путь» для характеристики нынешнего этапа развития страны. Генеральный секретарь партии Халед Багдаш заявил на IV съезде партии, что сирийский революционно-демократический режим «представляет интересы средних городских слоев и даже некоторых слоев национальной буржуазии»¹.

Развитие национально-демократической революции в Сирии осложнилось, и причина этого — рост удельного веса, влияния, значения в государственной жизни того социального слоя, который называют неокимрадорской или паразитической буржуазией и фактически блокирующегося с новой «государственной» буржуазией, с технократией. Именно эти социальные силы давят на партию Баас, стремясь сдвинуть вправо весь стержень политической жизни страны. Президент Хафез Асад и его сторонники, все прогрессивные силы страны видят и понимают эту опасность. Государственное руководство неоднократно предупреждало об опасности усиления буржуазного влияния в Сирии, периодически предпринимаются шаги, направленные на пресечение этой злобной тенденции, однако — возможно в значительной мере ввиду того, что Сирия находится на переднем крае борьбы с империалистической и сионистской агрессией и ее руководство поглощено внешнеполитическими проблемами — перелом к лучшему еще не наступил. Видимо, в ближайшее время борьба за сохранение и упрочение социалистической ориентации Сирии вступит в решающую фазу.

В Ираке армия неоднократно вмешивалась в политические дела еще в 30-е годы, при феодально-монархическом режиме. Был период фактической военной диктатуры генерала Бахра Сидки, было выступление группы националистически настроенных антибританских офицеров, приведшее к власти четырех полковников («Золотой квадрат») в 1941 г., режим которых был разгромлен английской армией. Революционно-патриотическое выступление армии, положившее начало новому периоду развития Ирака, произошло 14 июля 1958 г., когда две бригады под командованием бригадного генерала Абдель Керима Касема и подполковника Абд ас-Салаяма Арефа, отправленные правительством в Иорданию, повернули оружие против власти,

двинулись на Багдад и покончили с господством проимпериалистической феодально-монархической верхушки.

Разумеется, Касем и Ареф не были двумя титанами, на собственный страх и риск решившими опроникнуть монархию. Предпосылки революции нарастали в течение многих лет, в подполье действовали политические партии, среди которых выделялась своей энергией и самоотверженностью коммунистическая партия, в армии существовала группа «Свободные офицеры». Но, как часто бывает, вся слава и власть достались тем, по чьему непосредственному приказу был начат штурм королевского дворца. А вскоре дуумвират превратился в принципат; Ареф очутился в тюрьме, Касем стал «единственным вождем».

Можно ли назвать режим Касема военным режимом в общепринятом смысле слова? Скорее всего нет. Армейская верхушка подверглась основательной чистке после революции; правда, это затронуло лишь самый верхний эшелон ее. Государством управлял не коллегальный военный орган типа «совета революционного командования», а лично Касем. Но при этом армия оставалась его главной опорой.

Это не можно сказать и о режиме Арефа, сменившего Касема в качестве военного диктатора вскоре после свержения и убийства последнего в 1963 г. И лишь после гибели Арефа и свержения недолговечного режима его брата и власти в июле 1968 г. пришла партия Баас. Но сам переворот, в результате которого баасисты стали правящей партией, совершили, как и в Сирии, военные: республиканская гвардия и военная разведка. Но со временем у власти закрепилось так называемое гражданское крыло Баас во главе с Саддамом Хусейном, которое и провозгласило ориентацию на социализм. Был даже создан единый фронт с участием Коммунистической партии Ирака, проведены серьезные антифеодальные и антиимпериалистические преобразования.

Однако возникшие в рядах левых сил надежды на успешное развитие Ирака по некапиталистическому пути не оправдались. Бесспорные успехи в области экономического развития не сопровождались углублением революционных антикапиталистических преобразований. Еще в 1975 г. один из руководителей Иракской компартии А. Хибя отмечал, что «в экономике Ирака все еще преобладают отношения капиталистического характера. Сфера действия закона прибавочной стоимости распространяется и на частный, и на государственный сектор... Распределение государственного дохода осуществляется не на социалистических началах, хотя трудящиеся массы и стали получать более высокие доходы, чем в прошлом... О силе сель-

ской буржуазии говорит такой факт: 80% ирригационных насосов находится в ее руках»⁴.

Об этом говорилось в ходе дискуссии, организованной журналом «Проблемы мира и социализма», где был сделан важный вывод о том, что буржуазия «способна возникать на базе государственного и партийного аппарата»⁵. Речь шла об управленческой прослойке, персоналифицирующей государственную собственность, и о посреднической буржуазии, оперирующей в рамках госсектора. Такого рода «государственная буржуазия» является одним из главных факторов, тормозящих поступательное развитие революционного процесса. Если сложить мощь и влияние этого слоя, сельской буржуазии, мелких собственников города, — легко понять, какую силу надо преодолеть, чтобы двинуть революцию дальше тех рубежей, на которых окопались обретенные ключевые позиции новые привилегированные слои.

Мелкий собственник, частник в городе и деревне не заинтересован в углублении революции и продвижении к социализму; он довольствуется тем, что сделала для него революция, он давит снизу на государственную власть, пытается сдвинуть классовую ось режима вправо.

Растущие буржуазные отношения объективно становятся базой для усиления правого крыла в рядах правящих групп. Это правое крыло, писал советский ученый К. Врутенц, «заявляет о себе практически едва ли не повсюду в странах социалистической ориентации и кое-где добилось ощутимых реакционных сдвигов или даже реакционного поворота»⁶.

В условиях «революции сверху» отрицание частнохозяйственного капитализма может оказаться совместимым с утверждением капитализма государственного, отвечающего интересам мелкого собственника и технократии. Национально-демократическая революция при этом как бы «обрывается», а возникший на ее волне режим обнаруживает свою хрупкость. Лучшей иллюстрацией этого процесса может служить Египет, в котором произошло термидорианское перерождение национально-демократического режима, созданного революционным крылом армейских офицеров во главе с выдающимся сыном египетского народа Гамалем Абдель Насером.

Это революционное крыло не смогло создать подлинно народную политическую организацию, развязать инициативу масс и пробудить их самостоятельность, сломать косный, консервативный государственный аппарат, в том числе и в самом военном руководстве: хорошо известна саботажническая, по существу капитулянтская позиция военно-бюрократической буржуазии во главе с Амером в период израильской агрессии

1967 г. Насер нанес удар по антиреволюционной военной верхушке, но разгромить ее, равно как и родственной ей более широкий слой «новой буржуазии», не сумел или не успел. После его смерти именно эти силы, нашедшие адекватного выразителя своих интересов в лице Садата (тоже кадрового военного, бывшего полковника) пришли к власти, прервав процесс развития половинчатой, так и не завершившейся национально-демократической революции.

Иначе обстояло дело в Ливии, Алжире и особенно в Южном Йемене. Молодые ливийские офицеры во главе с Муамаром Каддафи свергли в 1969 г. консервативную монархию и начали проводить боевой антиимпериалистический курс. В Алжире революция тоже победила путем насильственного свержения прежней власти; разница по сравнению с описанными выше революциями в арабских странах состояла в том, что в Алжире борьба велась против чужеземной власти, против французских колонизаторов и приняла характер длительной национально-освободительной войны. Создания независимой республики, как и в Египте и Ливии, добились тоже «люди с ружьем», но это были лидеры народного восстания, командиры повстанческих партизанских отрядов, а не кадровые военные.

Наконец, НДРЙ — единственная арабская страна, где к власти пришла партия, стоящая на позициях научного социализма, проводящая глубокую народно-демократическую революцию с социалистической перспективой. Не законспирированная организация офицеров старой армии, а вышедшие из гущи народа, тесно связанные с массами руководители нового типа смогли использовать оружие, методы революционного насилия для изгнания колонизаторов и внутренних пробуржуазных сил, для начала прогрессивного преобразования южнойеменского общества.

Примечания

- 1 Материалы XXVII съезда КПСС. — М., Политиздат 1986, с. 135.
- 2 *Le Monde*, 17.10.1986.
- 3 Цит. по: *Азия и Африка сегодня*, 1976, № 6, с. 15.
- 4 *Проблемы мира и социализма*, 1975, № 11, с. 27.
- 5 Там же, с. 25.
- 6 Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. — М., 1979, с. 65.

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ МИРЕ

Революционный процесс, будучи весьма сложным явлением, на Востоке, в зоне бывшего колониального господства, в частности в арабском мире, протекает в более противоречивой форме, приобретая ряд специфических особенностей.

При рассмотрении данной проблемы исходным для нас являлось ленинское определение социальной революции. «Социальная революция, — пишет В. И. Ленин, — не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹. Из ленинского положения вытекает, что социальная революция по своей природе не является однородной. Она включает различные течения, которые в каждую конкретную историческую эпоху преследуют неодинаковые цели. Двумя главными элементами социальной революции на современном этапе являются социалистическая революция (гражданская война пролетариата с буржуазией) и демократические — революционные (в том числе национально-освободительные) движения. Однако нетрудно заметить, что эти два течения взаимосвязаны и представляют две составные части общего и единого революционного процесса, призванного освободить человечество от политического, социально-экономического и национального гнета.

Социальная революция в арабском мире проходила в два этапа. Первый охватывает период с 1918 г., с момента распада Османской империи и установления колониального господства, главным образом Англии и Франции, до завоевания арабами политической независимости и создания суверенных национальных государств. Вследствие неравномерности развития арабских стран этот процесс завершился в различное время —

со второй половины 40-х годов (когда Сирия и Ливан стали независимыми государствами) до начала 70-х годов, т. е. образования Объединенных Арабских Эмиратов). На этом этапе социальная революция в арабском мире имела ряд специфических черт.

Во-первых, она проявилась в виде национально-освободительных движений. Ее основное содержание составляли ликвидация иностранного господства, завоевание политической независимости и создание самостоятельного независимого демократического режима. Иначе говоря, она не ставила и не решала проблему новой формации, хотя и создавала необходимые условия для их дальнейшего назревания и решения.

Во-вторых, социальная революция прежде всего решала политические проблемы — ликвидации колониального ига и завоевания независимости. Без их решения она не могла приступить к решению других проблем, в частности, социально-экономических.

В-третьих, проблемы социально-экономических сдвигов, создания независимой национальной экономики, преодоления экономической отсталости и т. д. находились в подчиненном положении по отношению к политическим. Из этого не следует, однако, делать вывод о том, что на первом этапе вообще не выдвигались социально-экономические задачи. Все дело в том, что они декларировались, но не было возможности для их практического решения.

В-четвертых, политические задачи, стоящие перед социальной революцией, решались не одним классом или политической партией, а блоком различных социально-классовых сил. В этом классовом блоке доминирующее положение занимали национальная буржуазия и так называемые либеральные помещики-феодалы. Ни в одной из арабских стран социальная революция на первом этапе не проходила под политической гегемонией пролетариата и его марксистско-ленинского авангарда.

В целом политические задачи социальной революции на первом этапе решались успешно. Колониальное господство западных держав в 40 — 60-х гг. было ликвидировано и на политической карте мира появилось около двадцати независимых арабских государств.

После завоевания политической независимости дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие арабских стран пошло разными путями. Большинство арабских стран — Иордания, Кувейт, Ливан, Марокко, Тунис и другие — встали на капиталистический путь развития. В этих странах социальная революция не получила своего логического продолжения и не вогулила во второй этап развития.

Но в указанных странах сохраняется революционный потенциал. В них имеется социальная база в лице рабочих и крестьянских масс, мелких и средних слоев, гражданской и военной интеллигенции. «Для освобожденных стран, идущих по капиталистическому пути, — пишет Б. М. Примаков, — ближайшая революционная перспектива объективно вырастает из обостряющихся социально-классовых противоречий». В перспективе арабские страны, идущие по капиталистическому пути, представляют зону, новый очаг социально-политических потрясений.

Группа арабских стран после первого этапа социальной революции вступила через промежуточные стадии во второй этап — этап национально-демократических революций и социалистической ориентации.

В 60 — 80-е годы на этот путь развития встали Алжир, Египет, Ирак, Ливия, НДРГ, Сирия и Судан. Революционным процессом в указанных странах руководили революционные демократы, выходящие в основном из средней и мелкой буржуазии. На этом этапе пролетариат выступает как один из отрядов революционных сил, а коммунисты в отдельных случаях (в Ираке до 1976 г. и Сирии) входят в состав правительства. Однако пролетариат еще не так силен, чтобы стать гегемоном революционного процесса и сделать теорию научного социализма идеологией революционных преобразований. Но, несмотря на это, социалистическая ориентация — пока что самая высокая ступень развития, которой достиг революционный процесс в арабских странах.

Национально-демократические революции по своему характеру отличаются как от буржуазных и буржуазно-демократических, так и от социалистических революций. Они являются революциями переходного периода и конкретно не устанавливают какую-либо общественно-экономическую формацию. Однако в их недрах могут создаваться соответствующие политические и социально-экономические предпосылки для перехода на социалистический этап революции.

В период национально-демократических революций, в отличие от первого этапа социальной революции, доминирующими становятся проблемы социально-экономических и политических преобразований, которые пытаются решить главным образом на базе антикапиталистических принципов. Накопленный опыт убедительно показывает, что хотя некапиталистический путь имеет социалистическую направленность, однако социалистическая ориентация — еще не социализм, и не следует их путать, и тем более, отождествлять.

На современном этапе национально-демократические ре-

волюции переживают определенную эволюцию, и с точки зрения перспективы их развития возможны три варианта.

Во-первых, дальнейшее ее углубление и возможное перерастание в социалистическую революцию на принципах научного социализма. Этот процесс пока лишь намечается в Народно-Демократической Республике Йемен.

Во-вторых, прекращение национально-демократической революции и попытки возврата к предшествовавшей ей эпохе. Этот процесс зафиксирован в Египте после смерти Насера и 70-х гг. и в Судане с середины 70-х гг.

В-третьих, стагнация национально-демократической революции, прекращение процесса углубления и радикализации осуществленных социально-экономических преобразований, т. е. фактически революция топчется на месте, в результате чего возникает ряд негативных явлений. В этих условиях начинает формироваться и развиваться новая, бюрократическая, паразитическая буржуазия, постепенно усиливается ее влияние на политическую и экономическую жизнь, идет процесс ухудшения положения трудящихся масс, свертывание демократических мероприятий и т. д. В той или иной степени этим процессом охвачены Алжир, Ирак и Сирия.

Говоря об усилении позиции правых сил в странах социалистической ориентации, К. Н. Брутенц отмечает: «Это силы, которые не только не хотят дальнейшего углубления революции, но и не прочь навязать движение вспять в ряде принципиальных вопросов. Они либо вполне удовлетворены уже достигнутым (кое-что из этого им сегодня кажется даже «чрезмерным», стесняет), либо опасаются связанной с дальнейшим революционным развитием активизации политической самостоятельности масс, либо то и другое вместе»³. Это правое крыло, позиции которого укрепляются с каждым днем, «заявляет о себе практически едва ли не повсюду в странах социалистической ориентации и кое-где добилось ощутимых реакционных сдвигов или даже реакционного переворота»⁴.

Следовательно, сегодня можно говорить не только о трудностях, но и о кризисных явлениях в революционном процессе в зоне социалистической ориентации. И это положение серьезно беспокоит прогрессивные силы в странах социалистической ориентации.

По мнению сирийских коммунистов, развитие бюрократической и паразитической буржуазии, оживление частнокапиталистических тенденций и появление на этой почве резко негативных явлений в общественно-политической и экономической жизни Сирии достигло такой степени, что на 5-м съезде коммунистической партии Сирии, состоявшемся в мае 1980 г., было

принято решение из партийной программы исключить формулировку «некапиталистический путь развития»⁵.

Менялись оценки коммунистов и в отношении Ирака. В программе, принятой на 3-м съезде Иранской коммунистической партии (1976 г.), было зафиксировано, что Ирак идет по пути некапиталистического развития, и национально-демократическая революция имела реальные предпосылки со временем перерасти в социалистическую. «Все эти успехи, политические, экономические и социальные завоевания, которые осуществлены в процессе национально-демократической революции, — читаем в принятой на съезде Программе ИКП, — дали Ираку возможность вступить на некапиталистический путь развития»⁷. Однако в дальнейшем, уже на июльском (1979 г.) и последующих пленумах ИКП констатировала отказ Ирана от принципов национально-демократической революции.

В этом плане значительный интерес представляют также материалы 2-го съезда коммунистической партии Иордании. Съезд состоялся в конце декабря 1983 г. и на нем была принята новая Программа партии. Говоря о главных итогах съезда, первый секретарь ЦК Иорданской компартии Фани Варрад отмечает, что съезд вскрыл причины создавшегося опасного положения в арабском революционном движении. Прежде всего отмечается «отход от радикальных позиций большинства патристических режимов в арабских странах. На определенном этапе они добились значительных успехов, особенно в проведении прогрессивных социально-экономических преобразований. Однако монополизировавшая власть мелкая буржуазия из-за своей непоследовательности, обусловленной ее двойной классово-природой, не смогла не только развить эти достижения, но хотя бы сохранить их. Внутри правящих кругов начал формироваться слой бюрократической и паразитической буржуазии, что крайне отрицательно сказалось на всех сферах социально-экономической и политической жизни»⁸.

Тезис о кризисе арабского революционного движения поддерживала также Ливанская коммунистическая партия⁹.

Однако следует иметь в виду одно важное обстоятельство: кризис, как нам кажется, не является кризисом революционного движения вообще, а скорее именно того варианта, который представлен в форме национально-демократической революции, ее руководства, методов и способов осуществления революционных преобразований. Нам представляется, что мелкобуржуазная революционная демократия, стоявшая во главе революционного процесса в арабских странах, исторически либо исчерпала уже свои революционные возможности, либо вплотную подошла к этой черте. Поэтому интересы дальнейшего раз-

вития революционного процесса, политического и социально-экономического прогресса требуют выхода за рамки национально-демократических революций, изменения в расстановке революционных сил и в их руководстве и проявления новых подходов к радикальным решениям указанных проблем. «В истории арабского национально-освободительного движения, — отмечается в принятой на 2-м съезде компартии Иордании новой Программе, — наступил новый этап. Он характеризуется явной недостаточностью имеющихся у мелкой буржуазии возможностей и далее возглавлять национально-освободительную и социальную борьбу и одновременно предвещает необходимость нового руководства в лице союза партий рабочего класса и революционных демократов. Только оно способно обеспечить выполнение задач национально-демократической революции с социалистической перспективой»¹⁰. Аналогичную мысль высказывает генеральный секретарь ЦК Ливанской компартии Жорж Хауи. «Национально-освободительное движение в арабском мире, — пишет он, — лишь тогда выйдет из кризисного состояния, когда рабочий класс, его авангардная партия станут играть в этом движении ведущую роль»¹¹. Это даст новый импульс революционному процессу в арабском мире, перед ним откроются новые, более широкие горизонты, и он может получить логическое завершение. Но понятно, такая смена не может произойти за короткий исторический срок, она потребует определенно-го времени, терпеливой и умелой работы.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 30, с. 112.
- ² Прикманов Е. М. Восток после краха колониальной системы. — М., 1982, с. 54.
- ³ Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. — М., 1979, с. 63.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Ал-му'тамар ал-хизби ал-шуми ал-сури. Айяр, 1980, Васаик на харарат, 1980, Дамаск, с. 357.
- ⁶ Барнамадж ал-хизби ал-шуми ал-ираки айрау ал-му'тамар ал-ватани ал-салис. 4 — 6 айяр 1976. Багдад, 1976, с. 11.
- ⁷ Фахх Варрад. Цели нашей борьбы. — Проблемы мира и социализма, 1984, № 7, с. 25.
- ⁸ Жорж Хауи. Найти выход из кризиса. — Проблемы мира и социализма, 1985, № 11, с. 18.
- ⁹ Проблемы мира и социализма, 1984, № 7 с. 25.
- ¹⁰ Там же, 1985, № 11, с. 18.

КОНЦЕПЦИЯ «АРАБСКОГО СОЦИАЛИЗМА» В ИДЕОЛОГИИ ПАРТИИ АРАБСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ СИРИИ (ПАСВ)

Появление в 40-х годах в идеологии Баас¹ концепции «арабского социализма» было вызвано, с одной стороны, значительно возросшей в результате победы Советского Союза во второй мировой войне популярности идей социализма, демократии и национального суверенитета во всем мире, в том числе и в арабских странах; с другой стороны, было предопределено достигнутыми к этому периоду успехами в сирийском национально-освободительном движении, завоеванием национальной независимости в результате многолетней упорной борьбы против колониального гнета французских мандатных властей и экспансионистских устремлений империалистических держав, ростом антикапиталистических настроений среди широких масс. Поиск наиболее эффективной политической системы и путей социально-экономического развития с целью осуществления провозглашенных партией программных задач возрождения и объединения арабских народов стали побудительными мотивами выработки ее идеологами модели социалистического развития арабских стран, соответствующей национальным традициям и национальной самобытности арабских народов.

В преамбуле программы партии, принятой еще на первом Учредительном съезде в апреле 1947 г., указывалось, что партия является «националистическим, народным, революционным движением», которое борется за достижение «арабского единства, свободы и социализма»². Таким образом, уже на начальном этапе политической деятельности строительство социализма определялось партией как одна из основных, хотя и не первостепенных в тот период, политических задач.

Анализируя сущность выдвинутой концепции социализма, надо отметить, что идеологи баасизма неизменно подчеркивали ее сугубо арабский характер, заключающийся в неразрывной

связи с арабским национализмом и осуществлением арабского единства³. В статье 4-й программы партии говорится, в частности: «Баас — это социалистическая партия, верящая в то, что социализм представляет собой необходимость, проистекающую из самой сущности арабского национализма, так как он является идеальным строем, позволяющим арабскому народу осуществить свои возможности, добиться наилучшим образом расцвета своего гения и обеспечить всей нации постоянное материальное и моральное развитие и более тесное братство между ее представителями⁴.

Определяя отношение «арабского социализма» Баас к провозглашенной партией основной задаче — достижению арабского единства — идеолог партии Мишель Афляк еще в 1950 г. писал, что осуществление социализма только в одной стране, в частности в Сирии, нереально, так как ее возможности как небольшой арабской страны ограничены. «Поэтому наш социализм осуществится полностью лишь в едином арабском государстве, т. е. когда весь арабский мир освободится, когда будут ликвидированы все барьеры, противостоящие ему, такие, как империалистический гнет, феодальное господство и существующая политическая раздробленность»⁵.

В то же время неизменно подчеркивалась взаимообусловленность этих двух понятий. М. Афляк неоднократно отмечал в своих выступлениях, что достижение единства арабских стран без реализации «арабского социализма» в этом объединении лишит его поддержки народных масс и превратит его лишь в еще одну форму эксплуатации. «Следовательно, соединение единства с социализмом подобно воплощению единства в телесную форму. Социализм — это тело, а единство — дух», — писал М. Афляк⁶.

Идеологи партии утверждали о неприемлемости идей научного социализма как учения, обуславливая это, в первую очередь, огромным значением для арабского общества духовных факторов и, в особенности, религии.

Надо отметить, вместе с тем, что «арабский социализм» Баас, в соответствии с трактовкой его в программе партии, являлся в значительно большей степени теорией определенных социально-экономических преобразований. Ее экономической основой объявлялась ограниченная частная собственность на средства производства, определяемая как «естественный двигатель» личности и нации. Сохранение частной собственности связывалось с проблемой свободы личности (в том числе и предпринимателя). Предлагаемая экономическая система предусматривала в качестве своей главной цели справедливое распределение производимых человеком и природой благ, что, естест-

венно, отвечало эгалитаристским устремлениям широких народных масс в арабских странах к созданию общества социальной справедливости.

За время существования партии трактовка концепции «арабского социализма», естественно, претерпела определенные изменения. При этом периоды резкой радикализации ее сменялись попытками отойти от основной линии, что являлось следствием постоянной идеологической борьбы между левым крылом партии, которое в поисках антикапиталистического пути развития все более приближалось к научному социализму, и правым крылом, основывающим свои доводы на подчеркивании национального характера тезиса о социализме.

Начало этой борьбы наблюдалось еще на I Учредительном съезде партии, где, по воспоминаниям левых баасистов, только благодаря участию в работе съезда так называемой «марксистской фракции», формулировка арабского социализма получила более определенное и конкретное выражение.

Внутрипартийная борьба по вопросам социально-экономического курса усилилась в период, предшествовавший приходу Баас к власти в марте 1963 г. в связи с тем, что провозглашенные в период объединения с Египтом декреты о национализации промышленных предприятий, страховых обществ и банков, аграрная реформа, оказали свое революционизирующее воздействие на сирийское общество и обусловили необходимость конкретизации задач по строительству нового социалистического общества, намеченного в программе партии, их дальнейшее углубление. Практическая деятельность партии обгоняла ее теоретические установки, требуя пересмотра тактики и стратегии партии в целом.

Уже в работе региональной конференции ПАСВ в сентябре 1963 г. ставится вопрос о более радикальном наступлении на частный капитал в рамках программы интенсивной национализации. Конференция становится отправным пунктом процесса становления революционно-демократических сил в партии.

Резкой критике подвергались идеологические концепции партии на состоявшемся в октябре 1963 г. VI национальном (общееарабском) съезде. Принятая на нем резолюция, опубликованная впоследствии отдельным документом под названием «Некоторые теоретические принципы, одобренные VI национальным съездом», выражала возросшую среди членов партии тягу к научному социализму и происходящий в ней неуклонный сдвиг влево. Более того, в материалах созданной для проведения съезда идеологической комиссии указывалось, что «партия никогда не была чужда марксизму, а во многих отношениях находилась под влиянием марксистской идеологии» и что в насто-

ящее время «марксизм является одним из источников социалистической идеологии, которым должна пользоваться Баас»¹.

В разделе об особенностях арабского пути к социализму принята в программе концепция социализма определялась как утопическая и мелкобуржуазная². Указывалось, что существующая практика чрезмерного акцентирования ее национального характера, излишняя конфронтация в связи с этим с теорией научного социализма привели к ряду негативных факторов — а именно, отсутствию единства в понимании социализма в самой партии, а также к чрезвычайной разношерстности ее социального состава.

Мелкобуржуазный характер концепции характеризовался признанием в программе частной собственности как естественного права личности, ибо частная собственность, указывалось в резолюции, даже в ограниченных размерах связана с эксплуатацией чужого труда. Как следствие и буржуазия, и народные массы считали, что «арабский социализм» Баас вполне соответствует их интересам или по меньшей мере не противоречит им. Массовое вступление представителей этих социальных слоев в ряды партии привело к превалированию мелкобуржуазного умонастроения в ней в силу того, что во многих отделениях партии представители мелкой буржуазии заняли командные позиции. Отмечался двойственный характер мелкой буржуазии, который всегда приводит к принятию компромиссной позиции. Подчеркивалось, что в результате понятие социализма было отделено от своего социального и классового характера.

Резолюция подтвердила неприятие капиталистического пути развития, которое в условиях отсталости арабских стран может привести лишь к новому подчинению интересам неокOLONиализма. Признавая наличие классовой борьбы в обществе, в отличие от существовавшего до этого определения, резолюция указывала на неспособность арабской буржуазии мобилизовать экономические и человеческие ресурсы страны для достижения необходимого экономического и технического прогресса. Эти цели может осуществить лишь социалистическая система, говорясь в ней. Обязательным условием при этом является ликвидация буржуазии и ее союзников и опора режима на рабочих, крестьян, революционную интеллигенцию и мелкую буржуазию в сфере торговли, промышленности и услуг. Однако «построение здорового социалистического национального общества должно зависеть, в основном, от трудящихся масс». В то же время отмечалось, что поскольку в арабском обществе мелкая буржуазия является одной из главных сил национальной борьбы, она должна быть включена в социалистический сектор, когда он добьется успехов и упрочит свои позиции.

Говоря о необходимости национализации главных отраслей национальной экономики, в резолюции вместе с тем утверждалось, что в отсталой стране, где нет никакой материальной базы для социализма, процесс национализации останавливается на стадии госкапитализма. Вместе с тем, позитивный аспект национализации заключается в том, что государственный сектор становится инструментом борьбы против старого общества. Однако необходимо с самого начала контролировать присущие ему в этих условиях негативные моменты, что относится в первую очередь к «ослаблению социалистической демократии и появлению бюрократии». Контроль и недопущение негативных последствий могут быть достигнуты только путем широкого участия рабочих и крестьянских масс в управлении экономикой. Поэтому «социалистическая трансформация должна идти рука об руку с поощрением конструктивной инициативы со стороны народных масс».

Перечисляя условия и мероприятия для успешной реализации задачи построения социалистического общества на научной основе, указывалось также на необходимость существования «революционного народного авангарда».

Следующим, в целом аналогичным по своему характеру, документом, отражающим позиции левых сил в партии, явилась опубликованная 22 июля 1965 г. так называемая «Этапная программа сирийского регионального руководства партии Баас», в которой были разработаны конкретные практические меры по реализации планов строительства «арабского социалистического общества». В то же время предусматривалось функционирование, наряду с государственным сектором, частного и смешанного секторов, однако при том условии, что по своему значению они будут второстепенными и подчиненными. «Ввиду того, что социалистическое строительство на настоящем этапе и при современных условиях означает образование сильного и господствующего государственного сектора, способного вести экономику страны и быть ее основой, настоящий этап социалистического строительства не отрицает существования, наряду с государственным, и частного сектора», — указывалось в программе. Обосновывалось это необходимостью «быстрого экономического роста и использования в этих целях всех материальных и людских ресурсов, технического опыта и частной инициативы как внутри страны, так и за рубежом».

Анализ основных аспектов приведенных нами теоретических и программных документов ПАСВ позволяет охарактеризовать баасистскую концепцию «арабского социализма» как одну из разновидностей немарксистских национальных социализмов в развивающихся странах, воспринявших лишь отдельные эле-

менты научного социализма и, прежде всего, некоторые аспекты его экономической теории и социальной практики.

Реализация разработанных ПАСВ планов социально-экономического развития страны, как непосредственно после их провозглашения, так и в последующие годы, привела к значительным сложностям, что являлось в определенной степени следствием незавершенности и внутренней противоречивости выработанных программ. По своему характеру и особенностям они в целом типичны для стран, ставящих своей целью некапиталистический переход к социализму¹⁰.

VII региональная конференция ПАСВ, состоявшаяся в декабре 1979 — январе 1980 г., рассмотрев социально-экономическое положение в стране и признав наличие «негативных явлений», выдвинула лозунг «Не молчать об ошибках и не скрывать недостатки и упущения!»¹¹. Был принят ряд решений в целях борьбы с имеющимися злоупотреблениями и коррупцией. Одновременно руководство партии вновь подтвердило общую направленность своей социально-экономической политики, считая необходимым дальнейшее поощрение участия частного сектора в промышленности и сельском хозяйстве, так как, по его мнению, это является поддержкой госсектора в целях успешного экономического развития страны.

Аналогичные решения были приняты и в ходе VIII региональной конференции, проходившей в январе 1985 г. Отмечалось, что частное предпринимательство поощряется в рамках плановой политики государства и направляется в производственную сферу в целях содействия экономическому росту, развитию и процветанию страны.

V съезд Сирийской коммунистической партии в 1980 г., проанализировав с марксистско-ленинских позиций экономическое, социальное и политическое развитие Сирии и подчеркнув его «положительные аспекты, содействующие борьбе против империализма и его замыслов, а также развитию различных отраслей национальной экономики», считал необходимым вместе с тем заменить термин «некапиталистический путь развития» в Сирии на «путь социального прогресса», так как первый термин не ограничивается указанием на прогрессивный характер осуществляемых мероприятий, но относится ко всей существующей системе, в том числе к производственным отношениям, а они, как указывалось в работе съезда, развиваются по капиталистическому типу¹².

Съезд СКП проходил под лозунгом борьбы за возвращение Сирии на путь социального прогресса с целью создания и

укрепления необходимых политических и социально-экономических предпосылок для перехода страны к этапу строительства социализма.

Примечания

¹ Баас — первоначальное сокращенное название Партии арабского возрождения, а позднее, после ее объединения в 1962 г. с Арабской социалистической партией, Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

² Нидал ал-баас фи саби ал-вахда ва-л-хуррият ва-л-интиракит (Баас ик хизб ал-баас). Бейрут, 1963, т. I, с. 172.

³ См.: Левин Э. И. Развитие арабской общественной мысли. М., 1984, с. 110 — 117.

⁴ Нидал ал-баас..., т. I, с. 174.

⁵ Цит. по: Дамдани М. Мусахамат фи нузд ал-харака ис-сийасийа фи-л-ватани ал-арабий. Хизб ал-баас ал-арабий ал-интиракит 1940 — 1963, с. 112.

⁶ Там же, с. 113.

⁷ Остроумкин Ю. Прошлое и настоящее социализма партии Баас. — Мировая экономика и международные отношения, 1966, № 1, с. 46.

⁸ Arab Bath Socialist Party. Some Theoretical Principles Approved by the Six National Congress. October, 1963. Beirut, 1974, p.p. 83—100.

⁹ Нидал ал-баас..., т. 10, с. 238 — 259.

¹⁰ См.: Прижанов К. М. Страны социалистической ориентации: трудный, но реальный переход к социализму. — Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 7, с. 3 — 17.

¹¹ Аль-Баас, Дамаск, 23.12.1979.

¹² V съезд Сирийской коммунистической партии. М., 1982, с. 39.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ АРАБСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИ- ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Примерно с середины 70-х годов наметился весьма опасный сдвиг в развитии арабского национально-освободительного движения (НОД) — появление откровенно капиталистических тенденций в ряде жизненно важных для арабского мира проблем, например, в вопросах поисков путей ближневосточного урегулирования, «слозание» некоторых в недавнем прошлом относительно прогрессивных арабских режимов на позиции сепаратизма (это относится прежде всего к саудовскому Египту), рост поляризации классовых и политических сил в отдельных арабских странах и в регионе в целом, что приводило к заметным обострениям, вплоть до вооруженных столкновений, межгосударственных отношений в арабском мире. Разумеется, такое развитие событий в регионе, до недавнего времени являвшемся ареной ожесточенных столкновений сил империализма и реакции, с одной стороны, и сил национально-освободительных, с другой, в максимальной степени устраивало империалистические державы, которые предприняли целый ряд последовательных и направленных усилий с целью выхолощивания антиимпериалистического содержания арабского НОД, локализации и ограничения его возможного воздействия на положение в арабском мире, на его отрыв от своих естественных и надежных союзников — Советского Союза и других стран социалистического содружества, на переориентацию на Запад некоторых арабских государств, прежде всего Египта. Благоприятным фоном, на котором разворачивались указанные действия империалистических держав, явились растущая разобщенность арабских рядов и заметно усиливавшаяся разница в уровнях их социального и экономического развития. Разумеется, указанный «благоприятный фон» не в последнюю очередь создавала та политика военно-силового давления, к которой все более активно стал прибегать меж-

дународный империализм в отношении арабских государств и их проблем.

Другими словами, в середине 70-х годов начался своеобразный «отлив» в арабском национально-освободительном движении, которое переживает сложный период, несмотря на то, что вплоть до настоящего времени арабский мир остается полным нереализованных потенциалов антиимпериалистического характера. Складывается впечатление, что многие не были готовы к такому повороту событий, во многом находились в плену уже устаревших к тому времени представлений и понятий, действовали зачастую по инерции и «по старинке», что привело к таким серьезным неудачам, как выпадение Египта из общего антиимпериалистического «концерта» арабских государств.

Отлив в арабском НОД привел к смазыванию параметров арабо-израильской конфронтации. Не случайно в органах массовой информации многих арабских стран арабо-израильский конфликт ныне именуется как ближневосточный, используя в качестве предлога то обстоятельство, что этот конфликт оброс различного рода отпочкованиями, конфликтами-сателлитами (ирано-иракский, ливанский).

Отлив в арабском НОД привел еще к одному негативному результату. Налицо усиление настроений анархизма, политической дезориентированности и дендеологизации, рост разочарования в возможных результатах борьбы с израильским агрессором. Все это сочетается с чувствами пессимизма одной и озлобленности другой части арабского общественного мнения, вызванными полнейшим иммобилизмом практически всех арабских государств перед лицом израильской агрессии 1982 года в Ливане. Раскол в Палестинском движении сопротивления (ПДС) усилил настроения апатии. Правые круги в ПДС в этих условиях весьма преуспели в проталкивании своей старой идеи о том, что «синица в руках» — автономия в рамках Иордании — куда реальнее, чем «журавль в небе» — независимое палестинское государство. Отсюда и в целом сдержанное отношение к иордано-палестинскому соглашению от 11 февраля 1985 г. Ведь вся критика в его адрес идет «с сирийского голоса».

Опасной тенденцией развития арабского НОД на современном этапе является усиление исламских, точнее, — фундаменталистских настроений. Они придают исламский оттенок социально-политическим и национальным требованиям арабов.

Еще одной особенностью нынешнего этапа развития арабского национально-освободительного движения является изменение — в сторону возвышения — политической роли Сирии. Выйдя на авангардные позиции в арабском мире, Сирия ныне удивительным образом сочетает антиимпериалистические дей-

ствия во внешней политике (способствование разрыву ливано-израильского договора от 17 мая 1983г., заключение договора о дружбе и сотрудничестве с СССР), с такими шагами, которые, будучи продиктованными благими антиимпериалистическими намерениями, иногда превращаются в свою противоположность. Это видно в курсе Дамаска в палестинском вопросе. Стремление Сирии к большей согласованности политической линии ПДС с ее позицией стало одной из причин разногласий между Сирией и некоторыми руководителями палестинского движения, что в сочетании с колебаниями Арафата резко ограничило «потенциал» палестинского движения. Тут налицо определенный парадокс — действия Сирии в чем-то могут служить фактором сближения арабов на антиимпериалистической основе, но одновременно они раскалывают арабов на палестинской «почве».

В этих условиях, на которые «накладывается» резкое усиление американской внешнеполитической силовой активности в регионе и подчеркнутый негативный иммобилизм Израиля в вопросах ближневосточного урегулирования, особо тягостным выглядит отсутствие у арабов какой-либо «разумной альтернативы», совместной программы действий. «Фесская инициатива» 1982 года вроде уже забыта или во всяком случае в нынешних условиях более «не звучит».

Такое развитие событий, разумеется, выгодно США и их союзникам. Они видят, что в состоянии заблокировать советские инициативы в ближневосточных делах, например, идею мирной конференции, и без труда сводят на нет отдельные попытки арабов противопоставить что-то свое («план Фахда», «фесская инициатива») политике США в регионе. При этом очевидно, что Вашингтон во главу угла своих интересов ставит нефтяной фактор, возможность держать одну руку на нефтяном «кране», а другую — на горле своих союзников по НАТО, крайне нуждающихся в энергетических ресурсах.

Слабость и разобщенность подлинно прогрессивных сил в регионе еще более усиливает нарисованную картину. Видимо, настало время признать следующие очевидные факты:

- в арабском НОД наметился явный «отлив», там значительно усилились капитулянтские и соглашательские тенденции;
- антиамериканизм и антиимпериализм арабского НОД находится в состоянии выхолащивания, размывания и «выветривания».

Признав эти реалии, следует сделать вывод и о том, что развитие событий в регионе, хотим мы этого или нет, за отдельными исключениями — разрыв ливано-израильского договора.

нарастание сложностей в египетско-израильских отношениях — идет в направлении, пока что благоприятном для США.

Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов некоторые факторы, а именно:

— явные и постоянно углубляющиеся противоречия между империалистической, грабительской по своей сути, политикой США и интересами народов арабских стран, с чем не могут не считаться даже прозападные арабские лидеры;

— процесс усиления межимпериалистических противоречий на Ближнем Востоке, связанный, в частности, с борьбой вокруг арабской нефти.

На современном этапе становится необходимым с учетом указанных факторов, теоретически разработать те новые задачи, которые возникли в результате сложившейся новой ситуации в этом регионе.

Ближний Восток является районом первостепенного политического, военно-стратегического и экономического значения. Справедливое урегулирование конфликта и ликвидация опасного очага напряженности будут способствовать процессу достижения контролируемого разоружения, недопущения переноса гонки вооружений в космос, приостановки нового витка гонки вооружений, возвращению к разрядке.

СИРИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ (70-е — начало 80-х гг.)

Утвердившийся в Сирии в середине 60-х гг. прогрессивный режим, возглавляемый партией Баас, с самого же начала отвергнув капиталистический путь развития, осуществил целый комплекс политических и социально-экономических преобразований. Так, в результате проведения аграрной реформы был нанесен сильнейший удар по крупным землевладельцам. Волна национализации в сферах промышленного производства, внешней торговли, банковской системы, страхования и обслуживания привела к развитию государственного сектора и укреплению независимой национальной экономики.

Следует, однако, отметить, что в период 1966 — 1970 гг. в деятельности баасистского руководства было допущено немало просчетов и ошибок. В частности, Баас официально не признала компартию, отвергла предложение об организации национально-прогрессивного фронта и народного собрания, ограничила демократические свободы. III съезд компартии (1969 г.) Сирии дал такую оценку: «Сирия переживает особый исторический этап, которому присуще совмещение задач национально-демократической революции с теми предпосылками, которые необходимы для перехода к социализму»¹. Однако компартия, подчеркивая обострение классово-борьбы в стране, считала, что осуществление вышеперечисленных задач невозможно без организации широкого национально-прогрессивного фронта.

Казалось, что партия Баас вскоре потеряет почву под своими ногами. Еще более усиливалась внутривнутрипартийная борьба. И в таких условиях 30 октября 1970 г. была созвана внеочередная X общеарабская конференция партии Баас. Внутривнутрипартийная борьба шла между президентом республики Н. Атаси и членом регионального руководства партии С. Джадидом, с одной стороны, и министром обороны генералом Х. Асадом и его сторонниками — с другой. В ноябре 1970 г. руководство партией

Баас возглавил Х. Асад, который заявил, что его приход к власти вызван необходимостью исправления допущенных прежним режимом ошибок. Отсюда и название «Исправительное движение 16 ноября».

Произошедшие в Сирии политические события получили должную оценку на ноябрьском (1970 г.) пленуме ЦК СКП. В заявлении компартии указывалось, что новая баасистская программа представляет собой «удачную программу, вокруг которой можно объединить все национально-прогрессивные силы Сирии»².

7 марта 1972 г. был создан Национально-прогрессивный фронт (НПФ) Сирии, в который вошли следующие партии и организации: Партия арабского социалистического возрождения, Сирийская коммунистическая партия, Движение арабских социалистов, Организация социалистов-юнионистов и Арабский социалистический союз. В связи с обнародованием устава и программы НПФ президент Х. Асад отметил: «После «исправительного движения» создались благоприятные условия для сотрудничества партии Баас с национально-прогрессивными силами, что и послужило достойной основой создания Национально-прогрессивного фронта»³.

На съезде Сирийской компартии, состоявшемся 26 — 28 сентября 1974 г., были подвергнуты глубокому и всестороннему анализу социально-экономические и политические преобразования в стране. Съезд принял новую боевую программу партии, которая определяла ее задачи для всего периода перехода от национально-демократического строя к социализму. «Укрепление и углубление сотрудничества Баас, компартии и других прогрессивных сил являются важным стимулом развития Сирии по некапиталистическому пути вперед к социализму», — указывалось в программе компартии⁴. Программа обобщала опыт взаимоотношений коммунистов и революционных демократов, подчеркивая, что «сотрудничество прогрессивных сил является не тактическим, а стратегическим шагом, имеет объективные основы не только в период развития по некапиталистическому пути, но и в период строительства социализма»⁵.

Осуществленные в Сирии социально-экономические преобразования оказали большое воздействие на классовую структуру сирийского общества. Одной из характерных черт указанного периода являлось укрепление позиций патриотических демократических сил Сирии, их политических партий и организаций, повышение их роли и веса в общественно-политической жизни страны.

Одновременно, внутри правящей партии Баас происходили качественные изменения. В ее рядах были представлены раз-

личные мелкобуржуазные слои. Во-первых, прогрессивный слой, который составлял ядро революционных демократов и постепенно приближался к позициям рабочего класса. Во-вторых, тот слой, который перешел на позиции национальной буржуазии, образовав новый тип буржуазии — консервативно-бюрократический, переставший быть представителем широких мелкобуржуазных слоев и пытавшийся направить вправо политический и социально-экономический курс страны. И, в-третьих, колеблющийся слой, который то сближался с позицией национальной буржуазии, то подходил к позициям пролетариата. Сирийские коммунисты в своем сотрудничестве с партией Баас руководствовались известным положением В. И. Ленина: «Делать уступки тем элементам тогда и постольку, какие, когда и сколько поворачивают и пролетариату — наряду с борьбой против тех, кто поворачивают к буржуазии»⁸.

С другой стороны, в Сирии все еще существовали эксплуататорские реакционные и консервативные силы, которые, хотя и понесли значительный урон в результате национализации, однако продолжали вести ожесточенную борьбу с целью увести Сирию с прогрессивного пути. Из них наибольшую опасность представлял тот слой, который составляли представители паразитической буржуазии, крупных оптовых торговцев, ростовщиков и контрабандистов. Нелегальная политическая организация «братья мусульмане» представляла собой главное препятствие на пути прогрессивного развития Сирии.

Следует подчеркнуть, что в период 1979 — 1982 гг. Сирия находилась в крайне тяжелом политическом и социально-экономическом положении. Реакция и ее главная ударная сила — «братья мусульмане» — развили ожесточенную террористическую деятельность против прогрессивного режима, стремясь свергнуть его и изменить внутреннюю и внешнюю политику Сирии.

Прогрессивно-патриотические силы страны взяли на себя обязательство нанести сокрушительный удар по всем идеолого-политическим опорным пунктам преступной банды «братьев-мусульман», мобилизовать народные массы на борьбу против всякого рода реакционных сил. В этой связи большое положительное значение имели многочисленные встречи президента Х. Асада с руководством СКП.

В мае 1980 г. в Дамаске состоялся V съезд СКП. Созванный в условиях сложного положения на внутренней, международной и международной аренах, съезд выдвинул лозунг: «Сирия не станет на колени, она будет защищать и укреплять свою национальную независимость!».

V съезд сконцентрировал внимание на уточнении некото-

рых положений принятой на IV съезде программы партии, связанных с понятиями «некапиталистический путь развития», «социалистическая ориентация» и «социальный прогресс».

В отчетном докладе ЦК генеральный секретарь компартии Х. Багдаш отметил, что за последние годы под влиянием внутренних и внешних факторов в Сирии произошло определенное приостановление революционного процесса. Остановившись на вопросе современного этапа развития страны, он подчеркнул, что «существующий в Сирии режим не является ни в коей мере социалистическим. Мы не ожидаем от него осуществления того, что можно ожидать от власти пролетариата. Однако наша партия не желает, чтобы Сирия пошла вспять, но мы желаем продолжать и углублять социальный прогресс, осуществлять мероприятия социалистического характера и создать необходимые предпосылки для перехода к социалистическому строительству»⁷.

В материалах съезда отмечалось, что правящий в Сирии прогрессивный режим проводит антиимпериалистический внешнеполитический курс, противостоит проискам американского империализма, сионизма и внутренней реакции. В области внутренней политики, и в частности в социальном аспекте, партия по-прежнему остается неопределенной. Характеризуя внутривластный курс режима съезд подчеркивал, что он «колеблется между буржуазией и народом, отдавая предпочтение интересам первой»⁸.

На съезде было отмечено, что в Сирии продолжают господствовать капиталистические производственные отношения. Частный сектор главенствует в сельском хозяйстве, легкой промышленности, в сферах внутренней торговли, строительства, туризма и ремесел. Он занимает значительное место также в области медицинского обслуживания, автотранспорта и др. В перечисленных сферах происходит сильное классовое расслоение и резкая поляризация социальных сил. Углубляется пропасть между богатыми и бедными, усиливаются позиции крупной буржуазии, в частности бюрократической и паразитической, увеличивается число миллионеров. В представленном V съезду экономическом докладе подчеркивается, что в стране господствующими стали даже нетрадиционные капиталистические производственные отношения, которые развивают производство за счет интересов рабочих и крестьян; в них преобладают паразитические капиталистические отношения. То есть, в конечном итоге, ими пользуются именно паразитическая буржуазия, которая накапливает огромное богатство, не имея какой-либо связи или каких-либо отношений с промышленным или сельскохозяйственным производством»⁹.

Исходя из всего этого, V съезд СКП считал, что провозглашение режимом окончательной целью построение социализма не является достаточным основанием для утверждения того, что страна движется по пути «социалистической ориентации» или «социального прогресса». Означает ли это непризнание осуществленных в Сирии социально-экономических и политических прогрессивных преобразований? Конечно же, нет. Уточнения, внесенные в программу V съездом СКП, твердо подчеркивают: «Наша партия положительно оценивает прогрессивные преобразования. Однако принятие этого факта вовсе не означает, что Сирия движется по пути некапиталистического развития»¹⁰.

V съезд СКП считал, что употребление подобного термина в программе будет иметь негативное воздействие на народные массы, ослабит их боевой дух, поскольку он, с одной стороны, прикрывает негативные явления в социально-экономическом развитии, а с другой, может стать препятствием для дальнейшего прогресса страны.

В отчетном докладе ЦК Х. Багдаш подчеркнул, что мировое коммунистическое движение отказалось от понятия «некапиталистического» развития, используя вместо него «социальный прогресс» или же термин «социалистическая ориентация». ЦК принял решение изъять из текста партийной программы термин «некапиталистический путь развития», одновременно пояснив, что это не означает внесение каких-либо изменений в задачи и положения, определенные программой¹¹.

Отказавшись, однако, от этого термина, V съезд СКП предложил в дальнейшем использовать для характеристики текущего этапа социально-экономического развития Сирии понятие «социальный прогресс», рассматривая «социалистическую ориентацию» как перспективную цель. «Сирийская компартия борется за осуществление и углубление прогрессивных социально-экономических преобразований, во имя продвижения Сирии к этапу социалистической ориентации, к этапу, который создает политические и социально-экономические предпосылки для перехода к строительству социализма»¹².

V съезд СКП, как мы уже отмечали, указывал, что в стране произошло определенное приостановление революционного процесса. Компартия в связи с этим выдвинула в качестве наиболее актуального вопроса возвращение страны на путь социального прогресса.

В отчетном докладе Х. Багдаш отметил, что для этого имеются как «объективная», материальная основа — государственный сектор и социально-экономические достижения, так и «субъективная» основа — партии Национально-прогрессивного фрон-

та, трудящиеся массы, сирийская армия и, наконец, патриотические традиции Сирии¹².

Как отмечено в представленных в ноябре 1984 г. VI съезду СКП тезисах, V съезд выработал целостную программу для обеспечения возвращения Сирии на путь социального прогресса. Однако ее претворение требует последовательной борьбы народных масс, больших жертв и коренного изменения экономической политики. С этой точки зрения большое значение имели представленные коммунистической партией страны сирийскому правительству и руководству Баас многочисленные меморандумы и докладные по экономическому положению, которые и по сей день актуальны.

Сирийская компартия выдвигает реальную программу для выхода из кризиса. Выступая в защиту внешнего антиимпериалистического курса сирийского правительства, компартия одновременно прилагает усилия к тому, чтобы за короткий период добиться решения следующих жизненно важных задач: укрепить единство всех прогрессивно-патриотических сил и предоставить им широкие демократические свободы с тем, чтобы работа НПФ была поставлена на прочные основы; в максимальной степени углубить и укрепить социально-экономические преобразования с тем, чтобы обеспечить возвращение Сирии на путь социального прогресса, а затем продвигаться по пути социалистического строительства; усилить сотрудничество и дружбу с СССР и другими социалистическими странами¹⁴.

Примечания

¹ Васаки ал-му'тамар ас-садис дил-хизби аш-шюхи ас-Сури, В. м, с. 89.

² Баян мин ал-хизби аш-шюхи ас-Сури хаула ат-татаурет ал-ахкра фи Сурия, Дамаск, 1970.

³ Ал-Баас, Дамаск, в. III. 1972.

⁴ Барнамадж ал-хизби аш-шюхи ас-Сури, Дамаск, 1974, с. 72.

⁵ Там же.

⁶ Лейки В. И., Полн. собр. соч., т. 41, с. 59.

⁷ Васаки ал-му'тамар ал-хамис дил-хизби аш-шюхи ас-Сури, Дамаск, 1980, с. 80.

⁸ Там же, с. 41.

⁹ Там же, с. 59.

¹⁰ Там же, с. 358 — 359.

¹¹ Там же, с. 117 — 118.

¹² Там же, с. 361.

¹³ Вагдаш Х. Танрир ал-ладжна ал-марназика дил-хизби аш-шюхи ас-Сури амама ал-му'тамар ал-хамис дил-хизби, Дамаск, 1980, с. 47 — 48.

¹⁴ См.: Маудуат ал-ладжна ал-марназика дил-хизби аш-шюхи ас-Сури ила ал-му'тамар ас-садис дил-хизби, Дамаск, 1984, с. 25.

II НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ш. Ч. АШИРЯН

ТАКТИКА ИРАКСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РАМКАХ ПНПФ

Изучение опыта борьбы Иракской компартии (ИКП) за решение задач национально-демократической революции имеет большое теоретическое и практическое значение как в самом Ираке, так и в арабском мире. Обобщение этого опыта на основе марксистско-ленинской методологии позволит раскрыть тактику ИКП, и определить стратегические задачи партии на данный период. В решении этих задач, как показывает исторический опыт многих стран, важная роль принадлежит фронту прогрессивных национально-патриотических сил (ПНПФ), объективные предпосылки создания которого в Ираке появились в начале 70-х гг. в результате заключения политического союза между двумя крупными политическими организациями — правящей партией Баас и ИКП.

Исходя из опыта борьбы ИКП, ее сотрудничество с партией Баас в рамках прогрессивного национально-патриотического фронта (ПНПФ) следует разделить на три этапа. Соответственно каждому этапу иракские коммунисты определили тактику своей борьбы.

Первый этап (1968 — 1971 гг.). В этот период тактика ИКП была направлена на создание национально-демократического коалиционного правительства, на преодоление одностороннего господства Баас как одного из главных условий союза левых сил, развитие демократии, расширение и углубление антиимпериалистической борьбы, установление дружеских отношений с социалистическими государствами и всеми прогрессивными силами. ИКП вела идеологическую борьбу против опасных мелкобуржуазных идей. Эти положения утвердились на пленуме ЦК ИКП, состоявшемся в октябре 1968 г. В опубликованном коммюнике были определены основные пути урегулирования экономического положения, демократизации общественной и политической жизни страны, проведения социально-эко-

номических преобразований в интересах трудящихся, решения курдского вопроса и обеспечения автономии Иракского Курдистана, дан критический анализ политики Баас по вопросу о демократии.

Происходила острая борьба между двумя течениями в национально-освободительном движении — рабочего класса и его коммунистической партии, с одной стороны, и мелкобуржуазной — с другой, пытавшейся найти так называемый «третий путь», который, по существу, является противодействием радикализации массового движения и демократизации социально-политической жизни страны.

Стал более четким и определенным курс партии, основанный на «борьбе и солидарности», т. е. на том, чтобы в рамках союзнического союза вместе со всеми демократическими и прогрессивными силами способствовать углублению позитивных тенденций и борьбы против негативных явлений.

В этот период тактика компартии в конкретной форме выражала связь между борьбой и солидарностью. Она критиковала все негативные стороны и ошибочные аспекты курса Баас и одновременно поддерживала все прогрессивные мероприятия правительства¹.

Исходя из этих принципов в сентябре 1968 года ИКП предложили политическим партиям и организациям свой проект Хартии патриотического фронта в качестве важного условия демократизации общественной жизни и решение задач национально-демократической революции.

В соответствии с новыми условиями второй съезд ИКП (1970 г.) разработал конкретные меры и наметил пути создания фронта. Такой фронт должен строиться на основе гарантии свободы каждой патриотической партии, ее политической, организаторской и идеологической самостоятельности и поддерживаться принципа равноправия всех участников фронта². Создание фронта и его функциональная деятельность являлись стратегической целью ИКП, рассчитанной на завершение этапа национально-демократической революции, дальнейшее углубление процесса этой революции и подготовку необходимой базы для перехода к этапу социалистической революции. Для достижения этой цели одним из важных факторов ИКП считала обеспечение руководящей роли рабочего класса в политической системе Иракской республики.

ИКП всеми силами поддерживала курдское национально-демократическое движение и выступала с конкретными предложениями за мирное решение этого жизненно важного вопроса, без которого создание политического союза демократических сил невозможно. Под давлением широких масс произошли по-

дожительные сдвиги в политике Баас, был проведен ряд принципиальных социально-экономических и политических преобразований.

Исходя из собственных интересов, партия Баас изменила свое отношение и к курдскому вопросу. После долгих переговоров между руководством курдского демократического движения и баасистскими властями было заключено мартовское (1970 г.) соглашение о представлении Иракскому Курдистану национальной автономии.

Второй этап (1971 — 1975 гг.). В этот период создавались благоприятные условия для создания фронта национально-патриотических сил и партия Баас выработала свой подход к национальному фронту.

15 ноября 1971 г. партия Баас опубликовала проект «Хартии национальных действий», где были определены принципы создания прогрессивно-национального патриотического фронта (ПНПФ) и основные положения сотрудничества между Баас и другими политическими партиями, входящих в фронт³. ИКП пошла на сотрудничество с партией Баас, и ее проект Хартии взяла за основу для диалога между ними, исходя из того, что в этом документе были определены основные направления национально-освободительной борьбы иракского народа⁴.

Следует отметить, что политика Баас была направлена на достижение экономической самостоятельности страны. С этой целью она предпринимала ряд решительных мер. 9 апреля 1972 года был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, в июне того же года было принято решение о национализации иностранных нефтяных компаний, принимались другие меры ограничения влияния империалистических монополий. При этом ИКП настаивала на усилении позиции государственного сектора в экономике, который должен стать мощным социально-экономическим и политическим фактором, направленным как против иностранных монополий, так и против стихии частного производства и тем самым послужит материальной базой перехода на некапиталистический путь развития. По мнению ИКП, эти преобразования ведут к коренной перестройке всей системы политической надстройки общества.

Компартия с самого начала придавала большое значение присоединению ДПК к фронту. При этом партия считала, что участие ДПК привело бы к изменению политических сил в фронте в пользу демократического лагеря и послужило бы делу борьбы за демократические права и свободы, за завершение переходного периода, установление конституционных законов, осуществление основных положений мартовского соглашения

1970 года о национальной автономии Курдистана. Однако ДПК заняла негативную позицию, хотя она и высказала ряд верных возражений против некоторых аспектов баасистской хартии национальных действий, предлагаемых в качестве основ для создания фронта. Главным образом ДПК выступала против формулировки признания всеми партиями руководящей роли партии Баас, которая приведет к ущемлению самостоятельности каждой партии в идеологическом, политическом и организационном отношениях и монополизации власти партией Баас внутри фронта. Отказ ДПК от участия в фронте и ее фланговое наступление против компартии привели к ослаблению позиций демократических сил в этом диалоге.

После долгих дискуссий между ИКП и партией Баас были выработаны принципы создания ПНПФ и основные положения сотрудничества между Баас и другими политическими партиями, входящими в фронт. Тактика компартий по созданию фронта заключалась в том, чтобы союз между патриотическими, прогрессивными силами основывался на усилении борьбы против империализма, сионизма и реакции, на активизации деятельности и достижения экономической самостоятельности⁶.

«Хартия национальных действий», подписанная ИКП и Баас в июле 1973 г., по своему содержанию и направленности являлась антиимпериалистической, определяла главные цели национально-демократической революции и конкретные задачи борьбы патриотических сил страны. Она отмечала важное значение дальнейшего укрепления отношений сотрудничества с социалистическими государствами и провозглашала «полное присоединение к лагерю народов, борющихся против империализма и агрессии». Хартия закрепила прогрессивную программу социально-экономических преобразований и считала путь капиталистического развития принципиально неприемлемым, подтвердила необходимость мирного решения курдской проблемы и рассматривала «Декларацию 11 марта как здоровую основу гарантий законным правам и национальным чаяниям курдского народа, включая автономию».

Признавая идейно-политическую и организационную независимость объединившихся во фронте партий, «Хартия национальных действий» вместе с тем закрепляла руководящее положение правящей партии Баас.

Третий этап (1975 — 1979 гг.). Создание фронта не было подкреплено прочной базой низовых организаций. Это обстоятельство привело к ослаблению способности компартии влиять

на развитие событий. Последующие события подтвердили, что политический союз между ИКП и правящей партией Баас был своеобразным проявлением классовой борьбы в Ираке. Опыт этого союза многому научил ИКП и закалил революционные силы народа в горниле классовой и национально-патриотической борьбы. Он вновь доказал правоту марксистско-ленинских положений о важности сохранения компартией своей политической, идеологической и организаторской самостоятельности.

В рамках фронта ИКП не ставила своей задачей захватить политическую власть. Ее тактика была направлена на сплочение демократических сил для решения важнейших задач, стоявших перед Ираком. ИКП считала, что свое завершение национально-демократическая революция может получить лишь благодаря созданию государства революционной демократии.

Идя на политический союз с ИКП, партия Баас преследовала тактические цели — использовать фронт для укрепления своих классовых позиций и расширения социальной базы.

В области экономической политики усилия партии Баас были направлены на превращение страны из отсталой в современную индустриальную страну путем национализации иностранных монополий, ликвидации феодальных производственных отношений и применения передовой технологии. Резко возросла экономическая и социальная роль государства, что, в свою очередь, привело к громадному раздуванию государственного аппарата, значительному расширению базы бюрократической буржуазии. В рамках фронта тактика ИКП была направлена против тенденции роста и расширения капиталистических производственных отношений. Рост этих отношений произошел не только в частном секторе, но и захлестнул государственный сектор, который постепенно приобрел характер бюрократического государственного капитализма — с точки зрения образования и использования национального дохода в интересах тех классов, которым он служит. Такой экономический курс постепенно привел к изменениям в сфере классовых позиций и интересов, новой расстановки классовых и политических сил, а следовательно, и к новым классовым союзам. В значительной степени усилились позиции бюрократической буржуазии как в государственном, так и партийном аппарате, возросли ее возможности в деле осуществления нового курса. Таким образом, перемены в расстановке классовых сил привели к изменению внутривнутриполитического курса партии Баас. Эти тенденции проявились со второй половины 1975 г., и Баас постепенно усиливает анти-

демократическую политику. Основной удар был нанесен Иранской компартии¹. Правящий режим развернул также кампанию против курдского народа, прибег к депортации десятков тысяч мирных жителей из своих мест обитания². Усиление противоречий между партией Баас и ИКП привело в 1978 г. к распаду ПНПФ.

Примечания

¹ Проблемы мира и социализма, 1984, № 4, с. 92.

² Там же.

³ The National Action Charter, Baghdad, 1971.

⁴ Декларация ИКП от 27 ноября 1971 г. по поводу проекта «Хартии национальных действий», выданной партией Баас 15 ноября 1971 г.

⁵ Там же.

⁶ France Neuvell, 5.02.1979.

⁷ Проблемы мира и социализма, 1983, № 8, с. 80.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ «ИСЛАМСКИЙ ФРОНТ» В СИРИИ

Активизация религиозно-экстремистских организаций в Сирии во второй половине 70 — начале 80-х годов и их вооруженная борьба с правящим в стране баасистским режимом стали серьезным испытанием для сирийского руководства. Реакционная оппозиция потерпела в этом испытании как моральное, так и военное поражение. Но среда, условия, продолжающие питать политическую активность религиозной реакции сохранили свою силу.

Оставшись без единого руководства и не имея дальнейшей программы действий, различные течения организации религиозной оппозиции «братья-мусульмане» пришли к объединению. Воинственное и наиболее активное крыло во главе с Аднаном Сваадином и Аднаном Укле, ведущее как вооруженную, так и политическую борьбу против режима, а также более консервативная оппозиция во главе с Саидом Хаввой и шейхом Байануни создали в конце 1980 года «Объединенный исламский фронт».

10 октября 1980 г. было опубликовано первое официальное заявление «Фронта»¹, подписанное шейхом Али Байануни, его руководителем. «Объединенный исламский фронт» ставил своей целью утвердить исламское движение как политическую альтернативу режиму баасистов, привлечь на свою сторону некоторых приверженцев секуляризации, а также левое крыло оппозиции — организации, относящиеся к движению с осторожностью, опасавшиеся открыто его поддерживать.

В его состав вошли кроме «братьев мусульман» партия исламского освобождения и ряд суфийских группировок. Документ рассеял имеющиеся у светской оппозиции сомнения о том, что исламское движение намерено сконцентрировать власть в своих руках. В тексте «Заявления» есть основы принципов конституционной демократии. Руководители движения предлагали введение многопартийной системы, удовлетворяющей требованиям населения. Однако Али Байануни в интервью

газете «Монд» отметил, что сказанное не подразумевает возможность включения в руководство страны даже так называемых марксистских групп, находившихся в оппозиции к баасистскому режиму².

Составители этого первого заявления пытаются представить ислам как единственное средство для вывода страны «из бедственного положения», создавшегося в Сирии в результате политического и социально-экономического курса Баас³. Организация поставила перед собой следующие задачи: свержение режима Асада; создание исламского государства; разработку действенной политической концепции; координацию всех исламских сил, введение исламского права на основании общей одобренной программы.

Имена подписавших заявление, а также сходство лозунгов и символики, изображенной на печатных изданиях новой организации, подтверждают, что «Фронт» создан, по существу, сирийскими «братьями мусульманами». Сами издатели рассматривают «Заявление» как продуманную программу исламской революции.

В январе 1981 г. ими же были выпущены «Манифест» и «Программа» исламской революции в Сирии. Первый документ не носил характера конституции, хотя включал разделы юридических и экономических основ, а также касался основных принципов внешней политики. Второй документ предусматривал создание Верховного суда⁴, в обязанности которого должен был бы входить контроль за соблюдением норм конституции, гарантий прав религиозных меньшинств, ограничение сфер деятельности властей. С точки зрения идеологов, движению за создание в Сирии исламского государства достаточно было бы объявить ислам государственной религией и сделать его «основным источником» законодательства. Политическая жизнь должна была, по их мнению, регламентироваться двумя правилами⁵: все политические партии имеют право на существование при условии уважения религиозных чувств населения; ни одна партия не может быть проводником иностранного влияния.

Цели организации не ограничиваются пределами Сирии. В «Манифесте» подчеркивается необходимость восстановления единства всей мусульманской нации. Для этого, по мнению ее руководства, необходимо наличие социальной справедливости, равенства граждан, экономического благополучия. Внутри страны необходимо создание «уравновешенного общества», которое объединяло бы интересы личности и общества. Во внешней политике имеется в виду скорее объединение арабов, чем мусульман, и лишь на следующем этапе может идти речь об «исламской нации»; и то на основе арабского языка как языка

общей религии⁷. Программа провозглашает, что ислам «... является единственным путем для спасения человечества»⁸. Для этого предлагается: изменить структуру международных организаций, отменить право вето; провести реформу международного экономического порядка с тем, чтобы сделать блага доступными для нуждающихся и ликвидировать эксплуатацию человека человеком; создать свободный обмен мнениями на международном уровне.

Касаясь политических форм государственного устройства, манифест выдвигает два основных политических требования: систему взаимных консультаций (шура) и принцип разделения власти. Принцип разделения власти основывается на исторической традиции превосходства религии над политикой. Трудно сказать, какую форму государственной власти предлагают сирийские «братья мусульмане», однако в экономическом плане их программа выражает интересы буржуазии, обеспечивая защиту капитала и частной собственности, либерализацию коммерческих отношений⁹.

В ней предусматривается также поддержка государственного сектора, который не должен быть разделен на частные предприятия, но «очищен», рабочие же должны участвовать в получении прибылей тех предприятий, на которых они работают.

«Исламская революция» в Сирии, по мнению руководителей «фронта», намерена поощрить развитие ремесла и промышленности не только из экономических соображений, но и потому, что «сам Аллах призвал людей к ремесленному производству». В программе впервые предлагается мир алавитам, которым «братья мусульмане» ранее грозили физическим уничтожением. Теперь от них требуется лишь решительное отмежевание от баасистского руководства¹⁰.

В разделе о палестинской проблеме указывается на то, что джихад является единственным средством спасти Палестину. Для этого предлагаются следующие меры: палестинский конфликт должен быть объявлен делом всех мусульман, которые должны всеми средствами решить его; резолюция ООН и других международных организаций должны быть отклонены; сирийская исламская революция решительно отклоняет существование «сионистского образования»; существование евреев в Палестине рассматривается как нелегальное, поскольку оно послужило подготовкой к созданию государства Израиль; возвращение в Иерусалим и Палестину под знаменем джихада.

«Исламский фронт» заявляет, что ее подлинная битва направлена против сионистов, в противоположность чему борьба

против баасистского режима в Сирии является лишь «авангардной стычкой»¹¹.

Однако на сегодняшний день, указывая «Исламский фронт», эта борьба стала более актуальной. Сирийская исламская оппозиция концентрирует свои усилия на физическом уничтожении правительственных деятелей и важных государственных учреждений.

Эта программа не была одобрена Иссамом аль-Аттаром, главой той части «братьев», которая под влиянием крупной дамаской буржуазии заняла к событиям в марте 1980 г. выжидательную позицию. Однако сам Аттар обвиняется руководителями «фронта» в том, что, прожив долгое время в эмиграции в Европе, он потерял реальную связь с сирийской действительностью. Последний же, в свою очередь, резко осудил их за «авантюризм», выразившийся в преждевременном применении силы против Баас с уже известным печальным результатом¹².

Руководители «Исламского фронта», большинство из которых в настоящее время находится за границей, признают допущенные ими ошибки. Теперь они придерживаются курса на умиротворение, предусмотренного в их программе и деятельности, считая, что объединенный религиозный фронт сможет сделать первый шаг к сближению с национальным фронтом, который охватит все политические силы страны. Им предстоит выяснить, в какой степени опубликованная политическая программа может удовлетворить потенциальных союзников. До сих пор многие двусмысленные формулировки программы, запрет на создание политических партий всем силам, кроме тех, которые не находятся в оппозиции к идеологии нации (т. е. к исламу), служили помехой для принятия идей «фронта» со стороны светской оппозиции.

Отсутствие всякой критики США и яростная атака на коммунистов, а также на СССР указывают на то, что хотя «фронт» формально отвергает сближение как с Западом, так и с Востоком, на самом деле он все-таки склоняется в сторону США.

Следует отметить и то обстоятельство, что программа от 1980 г. совершенно не выражает своего отношения к «исламской революции» в Иране. Это можно объяснить следующими обстоятельствами: «братья мусульмане» обратились к аятолле Хомейни за моральной поддержкой в своей борьбе против режима и не получили никакого ответа. Саид Хавва дал понять, что настоящей общиной мусульман можно считать такую общину, в которой «бытует единственная форма истины, условно признаваемая на протяжении всей истории и находящая свое воплощение в верованиях приверженцев сунны»¹³. Это поло-

жение исключает приспособление к режиму, проповедующему столь бескомпромиссный шиизм, как в современном Иране.

Резко осуждая мероприятия режима, религиозные оппозиционеры выступают в роли «защитника» гражданских прав.

Однако следует отметить, что поднимая вопрос политических и гражданских свобод, «братья-мусульмане» надеются использовать эти политические ценности для достижения своих целей в противодействие курсу правящего режима.

Примечания

¹ Orient, p. 644—653.

² Le Monde, 13. V. 1981.

³ Orient, p. 646.

⁴ Там же, с. 646. — 647.

⁵ Там же, с. 646.

⁶ Там же, с. 648.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 647 — 648.

⁹ Там же, с. 649.

¹⁰ Там же, с. 644.

¹¹ Le Monde, 11. IV. 1981.

¹² The Middle East, May, 1983, p. 27.

**ИСЛАМ И НАЦИОНАЛИЗМ В ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ
РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ СТРАН (1950 — 1960-е гг.)**

Проблема влияния ислама и национализма, двух важных факторов общественно-политической жизни арабских стран, на политику региона явилась в послевоенное время объектом пристального внимания со стороны западных политиков и ученых. После краха колониальной системы, когда перед молодыми государствами арабского мира встал вопрос выбора пути развития, западное буржуазное востоковедение занималось не только изучением различных аспектов экономики, политики и идеологии арабского мира, но и активно участвовало в разработке концепций развития этих стран по западному образцу. При этом усилия западных востоковедов были в значительной мере направлены на выявление потенциальных возможностей ислама и национализма решать две взаимосвязанные задачи, которые мыслились на Западе как приоритетные, а именно: сохранение арабского региона в сфере политического влияния Запада и модернизация этих стран.

Поскольку функционирование мирового капиталистического хозяйства тормозилось из-за сохранения на периферии капиталистического мира неадекватных его потребностям социально-экономических структур, Запад испытывал необходимость их модернизации. При этом экономическая модернизация чаще всего рассматривалась западными учеными как производная политической модернизации, которой в 50 — 60-е годы уделялось много внимания в рамках и традиционного востоковедения, и особенно в рамках «социологии развития» — быстро развивающегося направления буржуазной социологии, занимающегося проблемами модернизации. Как исламу, так и национализму отводилась в этих концепциях важная роль.

Под модернизацией западные ученые понимали, в частности, трансформацию исторически сложившейся и освященной исламом традиционной общественной структуры Ближнего Востока, получившей в ориенталистике название «мозаичной», в

современные национальные государства. «Мозаичность» социальной структуры арабского мира, сохранившаяся в значительной степени со времен халифата и Османской империи, заключалась в раздробленности всего общества на замкнутые группы: конфессиональные и этноконфессиональные общины, племена, суфийские ордена, цеховые объединения, семейные кланы и т. д., члены которых были лояльны прежде всего своей группе и своему лидеру, а не центральной власти. В начале 60-х гг. именно в преодолении «мозаичности» стали видеть путь к успешной национальной интеграции западные востоковеды.

«Идеологическим обеспечением» процесса политической модернизации в большинстве западных концепций того времени был призван служить национализм, но такой, идеология которого, направленная на национальную сплоченность и «классовый мир», устраивала бы и Запад, и местную буржуазию, чьи интересы и выражали определенные течения национализма. Американский исследователь М. Халпери в связи с этим писал: «В обществе, где семья и племя более не являются стабильными... где традиционное исламское государство, основанное на принципах восточного деспотизма уже не функционирует, и где община правоверных переживает упадок вследствие эрозии веры, национализм способен обеспечить создание нового и эффективного государства, которое будет в состоянии войти в продуктивные отношения с другими государствами»¹.

Между тем, хотя «эрозия веры» и имела место, религия продолжала занимать довольно прочные позиции во многих арабских странах. Поэтому политическая модернизация, согласно доминирующей в западном востоковедении точке зрения, должна была непременно сопровождаться процессом секуляризации, как необходимой предпосылки в деле построения современного национального государства. Применительно к арабским странам, секуляризация означала широкий комплекс мероприятий, направленных на вытеснение ислама: на внедрение светского законодательства, светских институтов и правил, которые должны были заменить шариат, призванный регулировать все области деятельности мусульманина.

Вместе с тем в западной литературе преваляло мнение, согласно которому сохранение регулирующей роли ислама в ограниченной сфере личной и общественной жизни является желательным². Обращает на себя внимание и тот факт, что не получила одобрения идея абсолютного подчинения религии государству, особенно после ряда реформ, проведенных в Египте режимом президента Насера в начале 60-х гг., реформ, направленных на «национализацию» ислама. Такая позиция объясняется желанием использовать ислам как идеологию «со-

циального мира» внутри общины, а также в качестве фактора препятствия возможным радикальным реформам, которые выходили бы за рамки капиталистического способа производства, и необходимость проведения которых с начала 50-х гг. все сильнее ощущалась во многих развивающихся странах, включая арабские.

Исходя из этих соображений, некоторые исследователи считали сохранение определенных аспектов ислама даже полезным для осуществления модернизации, однако при условии его ценностной переориентации, его способности придать процессу развития позитивное, с точки зрения Запада, значение, а также способности оценить этот процесс как социальную задачу. В качестве прецедента приводился пример протестантизма и неберовская оценка его роли в развитии буржуазных отношений в Европе XVI в. Именно с этих позиций американский религиовед Р. Белла считал возможным «... не выходя за рамки символической структуры исторической религии... переформулировать ее таким образом, чтобы направить дисциплину и энергию религиозной мотивации на дело преобразования светского мира»³.

В свете такого понимания роли ислама в 60-х гг. возобновился интерес к процессу модернизации самой исламской доктрины. Известно, что мусульманское реформаторство, или «модернизм», явившееся идеологической реакцией определенной части мусульманского духовенства и интеллектуальной элиты на западную политическую, экономическую и культурную экспансию, распространение западных идей и институтов, становление буржуазных отношений в мусульманских странах, было направлено на «... изменение религиозной системы ценностей под давлением новых условий»⁴. Во многих работах западных авторов, посвященных мусульманской реформации, высказывалась мысль о том, что пересмотр традиционных исламских установок, их интерпретация в духе буржуазных ценностей, приводили к религиозному скептицизму, расчищали дорогу новой идеологии национализма⁵.

Значительное внимание уделялось анализу идей наиболее видных представителей мусульманской реформации — Джамаль ад-Дина ал-Афгани, Мохаммеда Абдо, Рашида Риды⁶. Интерес к ним объяснялся не только тем, что они были основоположниками реформации в арабских странах и последующие модернисты, по существу, внесли немного нового в реформацию ислама, но и тем обстоятельством, что объективно их проповеди и деятельность их последователей способствовали приведению мусульманских установок в соответствие с буржуазными нормами. В свете появления радикальных теорий «арабско-

го социализма» в 60-х гг. или явно реакционных призывов к возврату ислама времен «праведных халифов», взгляды этих реформаторов приобретали для неточных западных исследователей ценность ввиду умеренности их реформизма. Не случайно, еще в начале 50-х гг. видный американский востоковед У. К. Смит одобрительно высказывался, в частности, о Мохаммеде Абдо за его «приверженность эволюционному развитию» и противопоставлял его позицию «революционным методам» Ораби⁷.

Таким образом, в концепциях западного востоковедения 50 — 60-х гг. и исламу, и национализму предназначалось играть важную роль в процессе буржуазной модернизации арабских стран. В то же время эти две идеологии рассматривались с точки зрения их эффективности в качестве «барьера на пути коммунистического проникновения», то есть «барьера» на пути революционных социальных преобразований, выхода этих стран из орбиты неокolonиальной зависимости.

В связи с этим в начале 50-х гг. на Западе предпринимаются попытки выявления антикоммунистического потенциала национализма и ислама. Между тем оценки этого потенциала западными специалистами нередко оказывались противоречивыми.

До середины 50-х гг. наиболее распространенной была точка зрения, согласно которой считалось, что, там, где ислам занимает сильные позиции, он является «надежным заслоном перед коммунистическим проникновением». Эта точка зрения была особенно популярна в правительственных кругах западных стран, в частности США. Отмечалось обычно принципиальное различие между исламом — религией, основанной на признании единого бога и абсолютной покорности его воле, и материалистическим и атеистическим мировоззрением, лежащим в основе коммунистического учения. Исходя из такой позиции, строилось, например, официальное заключение специалистов Комитета внешней политики госдепартамента США, согласно которому «ни исторические традиции, ни психологии народов, населяющих Восток, ... не благоприятствуют распространению коммунистической пропаганды»⁸.

Усилия пропагандистских служб того времени были нацелены, выражаясь словами консервативного американского политического деятеля Дж. Ф. Даллеса, «на развитие многих ценных свойств религий Востока, которые нельзя примирить с коммунистическим атеизмом и материализмом»⁹. В соответствии с этой линией некоторые западные востоковеды предпринимали попытки убедить арабов в том, что «ислам — родной брат христианства и иудаизма», что западные идеалы родствен-

ны мусульманским, а поэтому место арабов в лоне западной цивилизации¹⁰ и что «только ислам может найти эффективный и полный ответ коммунизму»¹¹.

Однако в исследованиях, посвященных проблеме «Ислам и коммунизм», в 50-е и особенно в 60-е гг. имела место и другая точка зрения, выражавшаяся, в частности, в скептической оценке способности ислама противостоять «коммунистической угрозе». Ряд авторов пришел к трезвой оценке притягательности социалистических идей для арабского мира, признавая, что опыт социалистического строительства, в частности решение национального вопроса в СССР, может стать привлекательным для Арабского Востока с его «мозаичной» этнической и конфессиональной структурой¹². Так, американский политолог Ф. Айрленд среди факторов, способствующих распространению идей социализма в арабских странах, называл «экономическое и социальное неравенство», вызывающее растущее недовольство среднего класса и широких масс, а также антиимпериалистическую позицию стран социалистического содружества во главе с Советским Союзом, способствующую росту популярности социализма в арабском мире¹³.

В то же время все больше западных исследователей склонялось к мысли, что атеизм, как органическая часть коммунистического учения, не может стать «автоматически надежным заслоном для коммунизма», так как ортодоксальных мусульман, которые вследствие своей глубокой набожности не могут принять коммунизма, становится все меньше, их влияние все слабее, а их призывы против коммунизма и безбожников направлены против любых новшеств вообще, что является тормозом для модернизации»¹⁴. Поэтому, не считая возможным надеяться на ислам как на долгосрочный «заслон коммунизму», многие западные исследователи (М. Хэлперн, Р. Ландау, Ж. Болен, Дж. Марлоу и др.) связывали надежды Запада с идеологией национализма, рассчитывая, что «скорее национализм, а не ислам остановит коммунизм»¹⁵, что «наиболее эффективной профилактикой против коммунизма в арабских странах является не ислам или Багдадский пакт, а арабский национализм»¹⁶.

В заключение следует еще раз отметить, что при оценке той или иной идеологической системы или общественно-политического течения в арабских странах главным критерием для Запада является прежде всего надежность реальной или возможной привязанности системы или течения к капиталистическому миру. В 50 — 60-е годы Запад видел в национализме, а также в реформированном исламе идеологию, которая может способствовать модернизации арабских стран по западному образцу и вместе с тем служить барьером на пути революционных пре-

образования в арабском мире. Такая точка зрения существовала в русле общих представлений о необратимости процесса секуляризации в арабских странах и находила известное подтверждение в политической практике ряда арабских режимов, а также в антикоммунистической риторике многих арабских идеологов национализма¹⁷.

Примечания

- ¹ Halpern M. The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa. N. Y., 1964, p. 202.
- ² Encyclopaedia Britannica, L., 1965, vol. 2, p. 165.
- ³ Велла Р. Социология религии. — Американская социология. М., 1979, с. 277.
- ⁴ Степаняк М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX — XX вв.). М., 1982, с. 25.
- ⁵ См. напр. Halm S. Arab Nationalism, Berkeley, 1962, p. 15—18.
- ⁶ Kedourie E. Afghani and Abduh, L., 1966; Kerr M. Islamic Reform: The Political and Legal Theories of M. Abduh and R. Rida. L. A., 1966.
- ⁷ Smith W. C. Islam Confronted by Western Secularism. Revolutionary Reaction.—In: Islam in the Modern World, Washington, 1952, p. 19.
- ⁸ Цит. по: Halpern M. The Politics of Social Change..., p. 156.
- ⁹ Dulles G. F. War and Peace. N. Y., 1960, p. 229.
- ¹⁰ Badeau J. The American Approach to the Arab World. N. Y., 1968, p. 75.
- ¹¹ Watt M. Islam and the Integration of Society, L., 1961, p. 293.
- ¹² См.: Morrison S. A. Middle East Tensions, N. Y., 1964, p. 106.
- ¹³ Ireland P. W. Islam, Democracy and Communism.—In: Islam in the Modern World, p. 73—74.
- ¹⁴ Halpern M. The Politics of Social Change..., p. 159.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Marlow J. Arab Nationalism and British Imperialism, L., 1958, p. 118.
- ¹⁷ См. напр.: Haykal M. Communism and Us; Seven Differences Between Communism and Arab Nationalism.—In: Political and Social Thought in the Contemporary Middle East, L., 1968. Sayegh F. The Nationalists, War Against Communism.—Там же Bourguiba H. Nationalism; Antidote to Communism.—Foreign Affairs, 1957, N. 4, в т. д.

О БААСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АРАБСКОГО ЕДИНСТВА

Концепция арабского единства основывается на утверждениях ее сторонников о том, что арабы составляют единую нацию, а арабские страны — неразделимую политико-экономическую единицу. Она является основным компонентом современного арабского национализма, хотя в рядах его сторонников имеются расхождения в вопросе о содержании этого единства, путях и формах его практического осуществления.

Призыв к установлению полного арабского единства и образованию единого арабского государства стал главной и определяющей частью идейной платформы деятельности баасистского движения, которое возникло в 40-х годах как первое общепарабское националистическое движение. Первая же программа Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), принятая в 1947 году, определила идею арабского единства как одного из важнейших принципов партии. Статья I партийной программы гласила, что «арабы — единая нация, имеющая естественное право жить в едином государстве и быть свободной в определении своей судьбы»¹. Партия считала, что ни одна арабская страна не сможет полностью решить стоящую перед ней конечную цель, если будет изолировано от других. Идея арабского единства нашла свое воплощение в программном лозунге ПАСВ «единство, свобода и социализм» и заняла в нем главенствующее положение.

Ознакомившись с соответствующими партийными документами, а также отдельными высказываниями баасистских лидеров и идеологов, особенно периода становления ПАСВ и ее выхода на политическую арену, можно в определенной мере обрисовать общую картину баасистской концепции арабского единства.

По мнению баасистов, их концепция отличается от других тем, что она вывела вопрос арабского единства из «плена общих идей и туманных фраз, придала ему дух и жизнь, открыла перед ним путь осуществления, органически связав его с борь-

бой арабских народов за освобождение, демократию и социализм»².

Баасистские идеологи исходили из тезиса о том, что революционное движение стран Востока прежде всего носит освободительный, антиимпериалистический характер». В отличие от Запада, где гнету подвергаются отдельные классы, — писал один из основателей ПАСВ М. Афляк, — Восток состоит из угнетенных наций, и арабская нация является одной из этих угнетенных наций»³. Поэтому баасисты призывали к объединению социальных и националистических аспектов в ходе борьбы арабских народов за лучшее будущее, иными словами, они стремились придать националистическим целям доминирующее положение.

Антиимпериалистическая направленность явилась одной из главных отличающих черт баасистской концепции арабского единства. Это было обусловлено историческими условиями возникновения баасистского движения и его выхода на политическую арену. Еще на заре возникновения баасизма его лидеры считали движение за арабское единство составной частью и одной из самых эффективных форм борьбы арабских народов за национальную независимость. Оно, по их мнению, одновременно является выражением борьбы против империализма, расизма, социальной несправедливости и отсталости. Стремление баасистов придать этому движению массовый характер также отличает их от многих других представителей арабского национализма. «Арабское единство в баасистском понимании, — пишет видный баасист Ильяс Фарах, — является революционной целью, которую нельзя отделить от действительно революционной силы — от трудящихся масс арабских народов и может быть осуществлена только с их помощью»⁴. Он отмечает, что борьба за арабское единство может увенчаться успехом в случае ее соединения с борьбой арабских народных масс за свои жизненные права.

Партия выступает против навязывания одним арабским государством своей воли другому под прикрытием лозунга об арабском единстве. Она считает, что подлинное единство может быть достигнуто не по инициативе «сверху» или с помощью какой-то «военной силы», а только в случае духовного возрождения арабского общества»⁵.

Баасистские лидеры считают, что успех в этом деле во многом будет зависеть от правильного решения вопроса о руководстве этим процессом, который должна возглавлять сила, руководствующаяся «арабской революционной идеологией» и способная мобилизовать широкие массы арабских народов на

осуществление этой цели. А такой силой они признают только ПАСВ.

Подход баасистской концепции арабского единства к вопросу о роли и месте ислама в деле создания единой «арабской родины» характеризуется большей реалистичностью. Он в определенной мере учитывает сложившиеся условия современного развития арабских стран, а также существующие в них глубокие корни традиционалистских воззрений. Баасисты исходили из той реальности, что ислам в арабских странах оказывает большое влияние на духовную жизнь общества. Баасистский национализм, будучи секуляристской идеологией, выступает против использования ислама реакционными силами арабского мира, но в то же время стремится поставить его под свой контроль с тем, чтобы он служил его идеологическим принципам. Баасисты, по мнению И. Фараха, «видит в исламе национальный аспект, который занимал важное место в становлении арабской истории и арабского национализма»⁶. Они, с одной стороны, выступают против «абстрактного национализма», игнорирующего роль ислама в движении за арабское единство, а с другой — против «религиозного национализма». По их мнению, светский характер будущего единого арабского государства будет способствовать освобождению религии от посягательств политики и ее конъюнктуры, и в таком случае религия может свободно выполнять свою миссию в жизни граждан и всего общества.

Баасисты считают свою концепцию арабского единства гибкой, незастывшей формой. С изменением конкретных исторических условий могут быть сокращены сроки, необходимые для осуществления арабского единства, внесены коррективы в его формы. В этой связи М. Афляк писал: «Действительность отличается от теоретически составленных проектов. Наша задача — как можно лучше использовать любую ситуацию»⁷. Правильное использование объективных и субъективных условий для баасистов является главным фактором в деле успешного осуществления арабского единства.

Начиная с конца 60-х годов баасисты стали проявлять определенную осторожность в своих призывах к арабскому единству. Уроки прошлого были подвергнуты критическому анализу. Это нашло свое отражение в документах IX, X и XI съездов национального руководства ПАСВ. Лидер иранских баасистов, президент Иранской республики С. Хусейн, в одной из своих бесед в 1979 г. так охарактеризовал некоторое изменение позиции ПАСВ в вопросе об арабском единстве: «Двадцать лет тому назад мы думали, что можно осуществить единство конституционными, политическими и директивными мера-

ми... А сейчас... видим, что единство или приближение к нему не может быть осуществлено только политическими и конституционными актами. И мы стали искать возможность для действий в направлении единства также в других областях»¹. Как отмечает советский востоковед З. И. Левин, баасисты начали выступать «за интеграцию арабских стран на добровольных началах, на основе конституционно закрепленного принципа децентрализации и сохранения присущих каждой из них особенностей»².

Следует отметить, что многие положения баасистской концепции арабского единства все еще не отличаются достаточной четкостью и ясностью, носят расплывчатый, а порою чисто декларативный характер. Направленность эволюции этой концепции во многом будет определяться характером идейно-политических процессов в самом баасистском движении.

Примечания

¹ Нидал ал-баас, т. IV, Бейрут, 1971, с. 24.

² Мишель Афляк, Фн сабил ал-баас, Бейрут, 1975, с. 50 — 51.

³ Мишель Афляк, Мааранат ал-масир ал-вахид, Бейрут, 1975, с. 29.

⁴ Ал-Каумийя ал-арабийя фи-л-фикр ва-л-мумараса, Бейрут, 1970, с. 397.

⁵ Мишель Афляк, Фн сабил ал-баас, с. 241.

⁶ Ал-Каумийя ал-арабийя фи-л-фикр ва-л-мумараса, с. 384.

⁷ Мишель Афляк, Мааранат ал-масир ал-вахид, с. 63.

⁸ Фуад Матар, Саддам Хусейн: ар-раджул ва-л-надийя ва-л-муссаибал, Бейрут, 1980, с. 282.

⁹ Левин З. И. Развитие арабской общественной мысли, М., 1981, с. 50 — 52.

О ТИПОЛОГИИ ИСЛАМСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В последние годы империалистические и реакционные силы стремятся в полной мере использовать «религиозный фактор» в осуществлении своих политических целей на Ближнем Востоке. Создание очагов напряженности для последующего вмешательства с целью «умиротворения»; разобщение прогрессивных сил в той или иной стране и в рамках региона; борьба против сторонников прогрессивной идеологии — марксизма-ленинизма; стремление изолировать Советский Союз от возможностей влияния на ближневосточные дела; совершение подрывных акций, направленных против советских граждан, ведение антисоветской пропаганды — вот только некоторые направления использования «религиозного фактора» империализмом и реакцией.

Важная роль в указанной деятельности отводится неправительственным религиозно-политическим организациям (далее — НРПО) в странах Ближнего Востока. Под ними подразумеваются политические объединения, использующие религиозную идеологию в качестве референтной, действующие вне связанного с государством религиозного комплекса (министерство религиозных дел, учебные и пропагандистские центры, сеть «огосударствленных» мечетей, корпорация священнослужителей, находящихся на содержании государства) и, соответственно, отвергающие контроль правительства за своей деятельностью. «Негативная» дефиниция через соотнесение с государством имеет свое основание в том, что все ближневосточные режимы используют религию в политических целях, претендуя одновременно на то, чтобы распоряжаться ею монополично.

Еще совсем недавно, в 70-х гг., вопрос о типологии НРПО не стоял: в арабском мире существовало всего несколько подобных организаций, например, «братья мусульмане», «исламская партия освобождения». Однако на рубеже 70 — 80-х гг.

этот феномен стал характеризоваться множественностью организаций. Практически в каждой арабской стране можно найти немалое количество мелких и мельчайших групп и группок, которые соседствуют с давно известными организациями. В одном только Египте в 1984 г., по свидетельству министра внутренних дел, существовало 15 основных неправительственных религиозно-политических организаций. Исследователи насчитывали в стране 99 таких объединений¹.

Множественность НРПО привела к их дифференциации и даже взаимной борьбе по ряду идеологических, политических и других вопросов. Однако не редки случаи, когда различные и даже враждебные одна другой НРПО подводятся публицистами, обозревателями, исследователями под один «знаменатель». Чаще всего они отождествляются с широко и печально известными «братьями мусульманами».

С другой стороны, появляются констатации существующих между НРПО различий². Накопленный материал по отдельным аспектам их деятельности, аналитические исследования советских и зарубежных авторов позволяют приступить к разработке типологии этих организаций.

Первым основанием, по которому необходимо проводить различие между неправительственными организациями, является уточнение характера взаимоотношений между НРПО и государством.

Уже в самом определении — «неправительственные» — учтен тот момент, что эти организации характеризуются оппозиционностью по отношению к государству в той или иной арабской стране. Но степень этой оппозиционности различна. Французский исследователь О. Карре предлагает разделить НРПО на три разряда: участвующие во власти; играющие роль группы давления; ведущие повстанческую борьбу против режимов³. В принципе с таким делением можно согласиться. Первую группу тогда составят не просто «участвующие во власти», а поддерживающие режим с позиций идеологической и организационной самостоятельности, так как ни в одной арабской стране не происходит идентификация какой-либо НРПО с режимом. Поназателен в этом отношении пример суданских «братьев мусульман» в последний период правления Д. Нимейри вплоть до его смещения в 1985 г. Во второй разряд попадают организации, которые играют роль группы давления на государство (например, «умеренные» «братья мусульмане» в Египте в период правления А. Садата). Наконец, к третьему разряду относятся те неправительственные организации, которые находятся в антагонистических отношениях с государством (например, экстремистские группировки сирийских «братьев мусульман»). Такая ха-

рактика третьего разряда НРПО предпочтительнее, чем через «повстанческую борьбу», так как она не выходит за рамки рассматриваемого основания для классификации — соотношения «НРПО — государство».

Естественно, предлагаемое деление не абсолютно — возможны переходные формы. К тому же относительно высокая степень оппозиционности неправительственных организаций не исключает сотрудничества в той или иной форме между ними и консервативными, реакционными государствами. Так, несмотря на то, что некоторые египетские НРПО на словах осуждали саадатовский режим, последний пользовался их услугами, когда речь шла о борьбе против представителей прогрессивной идеологии. Есть сведения, что в период правления А. Саада египетские «братья мусульмане» регулярно предоставляли в распоряжение министерства внутренних дел информацию собственных разведывательных служб о деятельности коммунистических групп в стране⁴.

Немало «братьев мусульман», не без поощрения правительства, становилось членами наемных банд, забрасывавшихся из-за границы в демократический Афганистан.

Обращение консервативных и реакционных государств к услугам оппозиционных НРПО возможно в первую очередь потому, что соответствующие режимы не возражали бы против их существования при условии, что те займут подчиненное положение и станут безотказным орудием борьбы против прогрессивных сил. Однако они стремятся к самостоятельности от государства, а немалая их часть выступает даже против государственных мероприятий, направленных на укрепление и развитие современного сектора, против всего, что может нарушить традиционный уклад жизни, отношений и воззрений. Объектом нападок становятся и носители преобразований. Подвергся обвинению даже «хранитель мусульманских святынь» — король Саудовской Аравии: отколовшаяся от «группы подражания благодетельным предкам» группа Джухаймана, совершившая известное нападение на храм в Мекке (ноябрь 1979 г.) обвиняла короля в том, что тот «нарушает нормы исламского шариата»⁵.

Здесь мы касаемся существенной трудности, возникающей при оценке деятельности некоторых НРПО. Спорадические выступления против режимов, избравших капиталистический путь развития, не делают их просоциалистическими, хотя в их идеологических построениях и может порой присутствовать социалистическая фразеология, как это было, например, с концепцией «социализма ислама», выдвинутой руководителем сирийского филиала организации «братья мусульмане» Мустафой ас-

Сибан. Рассматривая элемент критического отношения к капиталистическому развитию со стороны отдельных НРПО, уместно вспомнить слова В. И. Ленина: «... не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме стоит в обратном отношении к историческому развитию»⁶. Поэтому большое значение при оценке НРПО приобретает комплексное, всестороннее рассмотрение проводимого ими политического курса в теоретико-идеологической и политико-практической области с обращением особого внимания на конкретные акции той или иной организации в контексте региональных проблем Ближнего Востока, борьбы между двумя тенденциями социально-политического развития в мире.

Преобладающий тип религиозного сознания является одной из существенных характеристик различных НРПО. Работы советских авторов (А. И. Ионов, З. И. Левин, Л. Р. Полонская, М. Т. Степаняц) дают основание характеризовать подавляющее большинство, если не все НРПО, как «возрожденческие». Основываясь на отношении к религиозной догматике (формальный критерий) и путем социально-политической эволюции (содержательный критерий) М. Степаняц определяет «возрожденчество» как концептуальную и практическую деятельность, направленную на восстановление и реализацию в современной жизни зарубежных стран распространения ислама конкретных положений и институтов раннего ислама⁷. Автор совершенно обоснованно связывает «возрожденчество» преимущественно с сознанием крестьянства и многочисленных средних слоев, включающих ремесленников, мелких торговцев, городские низы и т. п.

Вследствие разношерстности социальной базы и действительности, присущей мелкой буржуазии, существует дифференциация внутри одного типа религиозного сознания. Выделяются «возрожденцы-регрессисты» (например, «братья мусульмане») и «возрожденцы-прогрессисты»⁸. Такое деление совпадает с данной Е. Примановым политической характеристикой двух течений в мелкобуржуазном исламском движении — мелкобуржуазно-консервативного и мелкобуржуазно-радикального⁹.

Другие типы религиозного сознания (ортодоксия, модернизм, реформаторство) реализуются в иных политических формах. Так, модернизм свойствен технократам государственного аппарата, ортодоксов чаще можно найти в «государственном» религиозном комплексе консервативных арабских режимов и т. д. Однако элементы перечисленных типов религиозного сознания встречаются и среди членов существующих НРПО, в некоторых из них могут стать преобладающими. Например, как

нам представляется, организацией, тяготеющей к реформаторству, является алжирская организация «призыв ислама» (инда ал-ислям), возникшая в 1984 г.

Заметный отпечаток на идеологию и деятельность НРПО, на их место в политической системе стран региона накладывает их конфессиональная религиозно-общинная принадлежность. Как хорошо известно, «братья мусульмане» — это организация суннитская, «партия призыва» — шиитская.

В последние годы немалая часть НРПО оказалась под социально-психологическим, идеологическим и организационным влиянием хомейнизма, вынесенного на политическую арену иранской революцией 1979 г. Возник ряд шиитских организаций, которые не скрывают своей связи с Ираном. На своем съезде весной 1982 г. выступающая против иракского режима «партия призыва» следующим образом определила свое отношение к исламской республике Иран: «Мы не просто союзники этого государства, а его неотъемлемая часть в любых обстоятельствах... Наша обязанность — принять и претворить в жизнь любую программу, предлагаемую исламским государством Ирана»¹⁰. 17 ноября 1982 г. в Тегеране было объявлено о создании «высшего совета исламской революции в Ираке», куда, кроме «партии призыва», вошли несколько других проиранских шиитских организаций («организация исламского действия», «борцы за веру», «партия аллаха» и др.). Проиранские шиитские НРПО есть и в Ливане, что стало одной из причин раскола в шиитском религиозно-политическом движении в этой стране.

И хотя последние годы показали также, что имеется ряд факторов, которые препятствуют экспорту исламской революции иранского образца, руководство Ирана имеет возможность использовать в собственных политических целях вышеназванные проиранские шиитские организации, действующие в арабских странах.

Исходя из того, что «идея такого экспорта в той или иной степени является органической частью внешней политики современных исламских режимов»¹¹, нужно отметить, что НРПО могут классифицироваться и в связи с их зависимостью от того или иного режима, который использует эти организации в целях воздействия на другие арабские режимы с применением методов государственного терроризма. Регулярно публикуются свидетельства поддержки той или иной арабской страной НРПО, действующих в других странах региона. С такой же регулярностью эти свидетельства опровергаются официальными лицами государств, которые в этой поддержке обвиняются. Но есть и признания официальных лиц, гласящие, что разжигание

религиозно-общинной розни стало одним из общих правил ведения психологической войны между странами региона¹².

Использование неправительственных организаций за границами того или иного арабского государства ставит вопрос о существовании межарабских или всеарабских НРПО, с одной стороны, и «страновых», действующих только в одной стране, — с другой. К первым, несомненно, принадлежат «братья мусульмане», «исламская партия освобождения», ко вторым — например, «организация исламской революции на Аравийском полуострове», действующая в Саудовской Аравии, и множество мелких групп, имеющих в каждой арабской стране. Наличие межарабских НРПО приводит к тому, что в той или иной стране действуют организации, куда входят граждане различных арабских стран. Например, среди арестованных в Египте в мае 1984 г. членов организации «обвинение в неверии и уход от мира» (ат-танфир ва-л-хиджра) было пятеро палестинцев, один суданец, один ливиец¹³. Из 25 членов «партии призыва», обвиняемых по делу о террористических актах в Кувейте в декабре 1983 г., было три ливанца, три кувейтца, семнадцать иракцев, двое без гражданства¹⁴. Межарабский характер некоторых организаций является одним из факторов, облегчающих реакционным силам ведение подрывной деятельности в других странах региона.

НРПО подразделяются на различные группы в зависимости от используемых форм и методов деятельности. Являясь политическими организациями, разные НРПО используют различные формы деятельности: идеологическую, психологическую боевую подготовку членов, пропаганду, оказание давления на государство в рамках конституции или программных установок режимов и, наконец, насилие и террор. Нередко одна и та же организация использует все формы деятельности, как это было с египетскими «братьями мусульманами» в период правления Насера (1952 — 1970 гг.). Но чаще происходит дифференциация и даже ведется взаимная борьба между ними по вопросу о формах и методах борьбы. Так, в конце 1980 г. на конгрессе сирийских «братьев мусульман», проходившем на территории ФРГ, произошел раскол. Меньшая часть руководства, возглавляемая «историческим» лидером сирийского «братства» Исамом ал-Аттаром, выступала за борьбу против режима с использованием преимущественно политических методов. Большая часть, представляющая так называемых «внутренних» «братьев мусульман», заявила, что будет продолжать борьбу с использованием террористических и других насильственных и экстремистских методов борьбы. Исследователи даже утверждают, что ал-Аттар вообще был отстранен от руководства и за-

менен триумvirатом сторонников насильственных методов — Али ал-Баяуни, Сандом Хава, Аднаном Саад-ад-Дином¹⁸. В 1981 г. произошел раскол самих «внутренних» «братьев»: от них откололась экстремистская военизированная группировка «боевой авангард» (ат-талият ал-мунатийя), которая заявила о том, что ставит своей целью свержение режима с использованием вооруженных методов борьбы. Таким образом, НРПО различаются в зависимости от используемых или объявляемых главными форм и методов деятельности — насильственных и ненасильственных.

Соответственно, они подразделяются на нелегальные и легальные. Отметим, что первые (насильственные) становятся в последнее время преобладающими в деятельности НРПО. Захват заложников, заминированные автомобили, вооруженные выступления разного масштаба — вот что приносит с собой в политическую жизнь арабских стран экстремистские НРПО. Именно они представляют особую опасность. И не случайно использование их возможностью империалистическими и реакционными силами на Ближнем Востоке в целях, расходящихся с задачами действительного национального освобождения и построения справедливого общества.

Примечания

- ¹ Нулл ал-араб, май 1984, № 91.
- ² См. загл.: Habib Boulares. L'Islam: la peur et l'espérance. P., 1983, с. 65.
- ³ Carre O., Michaud G. Les Frères musulmans (1928—1982). 1983, с. 210.
- ⁴ Briere C., Carre O. Islam, Guerre à l'Occident? P., 1983, с. 154.
- ⁵ Ахдас нуфимбар-мухаррам 1979 фи-с-Саудийя (Исламистическая партия Саудовской Аравии). 6 м. 1980, с. 11.
- ⁶ Левкин В. И. Поля, собр. соч., т. 20, с. 103.
- ⁷ Степанов М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX — XX вв.). М., 1982, с. 11.
- ⁸ Там же, с. 12.
- ⁹ Примиков Е. М. Волна «исламского фундаментализма»: проблемы и уроки. — Вопросы философии, 1985, № 6, с. 68.
- ¹⁰ Le Monde diplomatique, IV. 1984, № 362.
- ¹¹ Примиков Е. М. Указ. соч., с. 72.
- ¹² Признание бригадного генерала иранской армии Хашема Сабеха Фахри. — См.: Ал-Ватан ал-араби, 1983, № 351, с. 44 — 46.
- ¹³ Нулл ал-араб, май 1984, № 91.
- ¹⁴ Аш-Шарк ал-Авсат, 24.I.1984.
- ¹⁵ Carre O., Michaud G. Les Frères musulmans (1928—1982). с. 158.

ОБЩИНА ДРУЗОВ (этно-религиозный генезис)

Особенности социального быта и религиозной системы друзов — результат длительного процесса исторического развития. Стремление друзов к сохранению религиозной, общественной и политической самобытности и обособленности, к сосуществованию с «официальной», т. е. сильной центральной, властью обеспечивали выживание этой общины. Вместе с тем компактность населения, замкнутость и прочность социальной и религиозной организации способствовали постепенному превращению друзской общины в важный фактор общественно-политической жизни Ливана.

Положение друзской общины в арабском мире, ряд религиозных, этнографических и бытовых особенностей, которые отличают их от других арабов, исповедующих различные течения мусульманской или христианской религии, дали повод для появления различных псевдонаучных версий о якобы неарабском происхождении друзов и отсутствии каких-либо исторических связей их религиозной концепции с исламом, подхваченных буржуазными исследователями западных стран. Подобные теории, может быть, и не получили бы широкого распространения, если бы не соответствовали колониальным интересам европейских держав, стремившихся разжечь сепаратистские устремления отдельных общин и народностей Арабского Востока.

В последнее время «друзская проблема» приобрела особую актуальность в связи с возникновением внутривосточного кризиса и гражданской войны в Ливане, в ходе которой община друзов, в союзе с другими национально-патриотическими силами страны выступает за сохранение государственного единства и суверенитета Ливана, против империалистического разбоя США и захватнических устремлений сионистского Израиля. Последние события в Ливане наглядно продемонстрировали, что империалистические державы и их сионистские пособники искусственно создали проблему «неарабского этнического происхождения друзов» и, раздувая эту проблему, предлагают

сепаратистское решение «дружской проблемы» путем создания «Друзиленда» под протекторатом Израиля.

Именно с этой целью было построено множество различных гипотез относительно этнического происхождения друзов. Так, например, английский ориенталист Р. Покок считал друзов родственным англичанам¹. Французский исследователь Пюже де Сен-Пьер (XVIII в.) пытался объявить их потомками крестоносцев, в частности графа Де-Дрю², доказывая, будто этот граф после падения Айки (1291 г.) укрылся со своим войском в горах Ливана и там основал общину друзов³. Подобная версия оказалась весьма привлекательной для французских колонизаторов. Для подкрепления указанной гипотезы был использован исторический факт, имевший место в первой четверти XVII в., когда тосканский герцог Фердинанд I готовил очередной крестовый поход против турок. В этом походе определенная роль отводилась друзам, эмир которых из рода Мананов — Фахр ед-Дин (1613 — 1618 гг.) — прибыл с визитом к герцогскому двору. В Италии распространилась версия, будто Фахр ед-Дин являлся потомком Готфрида Булонского.

Версия о европейском происхождении друзов, очевидно, и поныне остается актуальной для определенных буржуазных кругов. Так, в 1967 г. ливанские друзы сочли необходимым перевести на арабский язык и издать сочинение Пюже де Сен-Пьера⁴.

Примечательно, что арабский перевод был озаглавлен «Друзское государство», вместо заглавия, данного Пюже де Сен-Пьером, — «История друзов. Народ Ливана как образец колонии франков»⁵.

В конце XIX в. в связи с возникновением сионистского движения была выдвинута версия о еврейском происхождении друзов. Авторы этой версии пытались аргументировать свою гипотезу наличием отдельных иудейских традиций, засвидетельствованных в повседневной жизни друзов.

Довольно распространено мнение и о том, что друзы являются этнической группой иранского происхождения⁶. Основанием для подобного предположения послужило влияние на друзизм различных иранских религиозных систем.

Некоторые авторы стараются доказать даже ассирийское⁷, каситское⁸, хеттское⁹ и другого рода происхождение друзов.

Не лишено интереса мнение американского ученого Ф. Хитти о расовой принадлежности друзов. Автор приходит к заключению, что друзы связывают свое происхождение с «желтым населением Дальнего Востока»¹⁰. Для подтверждения этого Ф. Хитти приводит данные из труда Гертруды Белл, которая

совершила в 1906 г. путешествие в Хауран (Джебель-друз) и отметила, что «друзы причисляют себя к японской расе»¹¹. Позднее Г. Белл изменила свое мнение и пришла к заключению, что друзы представляют собой смесь различных народностей, в которой преобладают арабы, слившиеся с горским автохтонным населением арамейского происхождения¹².

В 30-х гг. XX в. профессор Берлинского университета антрополог Феликс фон Лушан произвел обмер черепов 59 совершеннолетних друзов и пришел к заключению, что ни один из них не уместится по данным черепа в число «чистых» арабов¹³.

В более поздней своей работе Ф. Хитти фактически повторяет вышеуказанные заключения Г. Белл, что, согласно краниологическим данным, жители Ливана, как марониты, так и друзы, в расовом отношении являются народом иранско-арабского происхождения, смешанным с автохтонным арамейским населением. Для подтверждения этой точки зрения Ф. Хитти указывает на данные, собранные американскими антропологами в результате обмера черепов, произведенного в 30-х гг. XX в. В его труде марониты и друзы охарактеризованы как брахицефалы в отличие от долихоцефалов — «бедуинов и сирийских степных и северных арабов»¹⁴.

Некоторые зарубежные ученые считают друзов самобытным народом. Этому мнению придерживаются А. Гиз¹⁵ и др.

Из данного краткого изложения точек зрения буржуазных ученых явствует, что они, используя отдельные религиозные, языковые¹⁶ или антропологические особенности друзов, пытаются обосновать их неарабское происхождение и противопоставить их арабам.

Сами сирийские и ливанские друзы считают себя арабами, что подтверждается исследованиями друзских историков и публикациями религиозных и политических деятелей друзов. Ливанский историк и переводчик Хафез Абу Муслим доказывает в своем труде, что «друзы по крови являются самыми чистыми арабами, благодаря тому, что они не смешивались с другими народами... они истинные арабы, ведущие свое происхождение от арабских племен таи, лахам, джазам, вышедших из Аравийского полуострова (Немена)»¹⁷.

Предводитель друзской общины Ливана (шейх амл ад-друз) Мухаммед Абу Шахра отмечает, что «друзы, как часть арабской нации всегда находились в авангарде арабского национального движения»¹⁸.

Друзы отвергают попытки западных и израильских исследователей отделить их религиозное учение от ислама или про-

тивопоставить ему. А. Наджар считает, что «...учение друзов — это ответвление ислама..., которое своеобразно толкует коран»¹⁸. Сели Макарим прямо заявляет, что «друзы считают Коран основой своей духовной жизни ... они одни из первых и истинных мусульман»¹⁹.

В этой связи для уяснения данной проблемы следует прежде всего обратиться к истории возникновения и формирования общины друзов. Начало инфильтрации арабского населения в регионы севернее Аравийского полуострова относится к периоду III — II вв. до нашей эры, о чем свидетельствуют многочисленные надписи, найденные на территории Сирии, Ливана и Палестины вплоть до Синайского полуострова. Наличие компактного арабского населения в этом регионе подтверждается фактом существования Набатейского царства. Таким образом, в Сирии издавна существовало арабское население. В дальнейшем, с VII в. арабы завоевали указанные территории. Этот процесс сопровождался переселением арабских племен с Аравийского полуострова. Они оседали на этих землях, распространяли ислам. С ними ассимилировалось местное население. Аналогичные процессы имели место и на территориях, заселенных арабизированными племенами, принявшими впоследствии друзизм.

К завершающему этапу формирования религиозной общины друзов (1031 г.) все население пользовалось литературным арабским языком в качестве письменного, и диалектом в качестве разговорного языка. Этот говор вполне уместен в рамках сирийско-ливанского и палестинского арабских диалектов. Следовательно, не только арабский язык, но и характерная для всего арабского мира диглоссия (литературный арабский — разговорный арабский) так же свойственны друзам, как и любому арабу.

Друзы, религия которых противопоставляется ими догматике ортодоксального ислама, пользуются именно классическим арабским языком, на котором и написаны их религиозные книги. Этот весьма существенный факт, безусловно, подтверждает арабское происхождение друзов и их генетические связи с исламской традицией.

В оценке друзизма как религиозной системы среди ученых имеются расхождения. Одни из них общину друзов относят к ненсламским религиозным сектам, другие придерживаются противоположного мнения, считая ее исламской сектой.

Сложность исследования вероучения друзизма усугубляется скудостью материалов, касающихся сущности их религиозного учения и обрядов богослужения.

Уяснению сущности учения друзов препятствуют также

характерные для них скрытность (тайный) собственного вероучения и строгая секретность его правил. Поэтому большинство элементов друнизма до настоящего времени остается неизвестным для ученых.

Сами мусульмане вероучение друзей относят к числу самых крайних ересей шиитского направления, и их религиозную общину обозначают термином «фирка» (группа, община, отделившаяся от основного направления ислама). Часто мусульмане именуют общность друзей — «милла», т. е. религиозной общины.

Ряд исследователей подчеркивает синкретический характер религии друзей. Этот взгляд основан на наличии в религиозной системе друзей элементов различных вероучений.

С точки зрения понимания сущности религиозной системы друзей, основополагающим вопросом следует считать ее взаимосвязь с исламской религией, из недр которой появилось это вероучение, отпочковавшись от крайнего шиитского течения — исмаилизма.

Для научного исследования данного вопроса необходимо прежде всего учесть специфику исторического происхождения дружеской общины. Общеизвестно, что первоначально ислам распался на два основных течения — суннизм и шиизм. От последнего в VIII в. отделилась резко отличающаяся от обоих основных течений ислама религиозная доктрина исмаилизма. Спустя три века, в XI в., в недрах фатимидского исмаилизма зародился друнизм, который принял законченный вид в учении второго проповедника этой религиозной системы — Хамзы. В процессе развития от шиизма к друнизму это вероучение утратило обязательные догмы шиитского течения. Кроме того друнизм впитал в себя или актуализировал элементы других религий, в частности христианства, иудаизма, зороастризма, манихизма и даже язычества. В религиозном учении друзей можно заметить влияние философских учений — неоплатонизма и гностицизма.

Таким образом, «проблема друзей» и по сей день остается злободневной и актуальной в связи с событиями на Ближнем Востоке. Острота «дружеской проблемы» обусловлена настойчивыми попытками империалистических кругов использовать общину друзей в своих корыстных политических целях.

Примечания

¹ Pococke R. A. Description of the East and Some Other Countries.—London, 1745, p. 54.

² *Paquet de Saint-Pierre. Histoire des Druzes. Peuple du Liban, formé par une colonie de Français.—Revue de l'Orient.—Paris, 1845. X.*

³ *Puget de Saint-Pierre. Histoire des Druzes*, p. 240.

⁴ Цыгуа М. С. Современное положение друзов в Ливане, Сирии и Израиле. — Дис. канд. — М., 1977, с. 13.

⁵ *Puget de Saint-Pierre. Ad-dawlat ad-Durziya*.—Beirut, 1967.

⁶ *Conder C. R. The Latin Kingdom of Jerusalem 1099—1291*.—London, 1897, p. 235.

⁷ *Lamartine. Voyage en Orient 1832—1833*.—Oeuvres Completes.—tome 7. II, p. 169.

⁸ *Carnarvon. Recollections of the Druzes of Lebanon*.—London, 1880, p. 42—43.

⁹ *Parfit J. T. Among the Druzes of Lebanon and Bashan*.—London, 1817, p. 33.

¹⁰ *Hitti Ph. K. The Origins of the Druze people and religion*.—p. 10—17.

¹¹ *Bell G. L. Syria, the Desert and the Sown*.—New York, 1907, p. 103.

¹² Druzes.—*Encyclopedia Britannica* (Eleventh edition).

¹³ *Luschan F. The Early Inhabitants of Western Asia*.—*Journal of the Royal Anthropological Institute*.—London, 1911, p. 232.

¹⁴ *Hitti Ph. K. Lebanon in History, from the earliest times to the present*.—London, 1957, p. 257.

¹⁵ *Guyss H. La Nation Druze; Hitti Ph. K. The Origins*.

¹⁶ Друзское население говорит на диалекте арабского языка, которым пользуются все друзы Сирии и Ливана.

¹⁷ *Puget de Saint-Pierre. Ad-dawlat ad-durziya*. Beirut, 1967, с. 37.

¹⁸ *Ал-Ханидис*, № 762, *Ал-Биан*, 18.6.1971, с. 25.

¹⁹ *Ал-Ниджар Абд Аллах, мидхал ал-муахидин ад-дуруз*, Каир, 1965, с. 16.

²⁰ Семь Насиб Махарим, *Адуа ала маслак ат-таухид «Ал-дурзия»*. — *Ал-Биан*, Бейрут, 1966, с. 69.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СИСТЕМЕ ЕГИПТА В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА
Г. А. НАСЕРА

Египетская революция 1952 г., пройдя несколько этапов развития, создала для каждого из них свою модель политической организации. Подход руководства страны к этому вопросу был весьма однозначным—в новом, революционном Египте нет места партиям! Подобное отношение было обусловлено целым рядом объективных и субъективных причин, вытекающих из эмпирического характера подхода руководства к вопросам экономического, политического и социального преобразования страны. Сказались отсутствие у правящей верхушки четкой политической программы, острая нехватка подготовленных руководящих кадров, разногласия в самом руководстве, элитарность и кастовость оказавшихся у власти офицеров, а также печальный опыт сотрудничества (в первые шесть месяцев пребывания у власти) со старыми партиями. Не последнюю роль сыграло и негативное отношение самого Насера к партийности вообще и партиям в частности. В политическом лексиконе лидера египетской революции термин «партия» в его изначальном смысле появился лишь в 1963 — 1964 гг.

Однако стремясь остаться у власти, «свободные офицеры» должны были создать себе опору, найти ту почву, на которой можно было начать определенные политические, экономические, культурные преобразования. Создали подобной почвы и должно было послужить, по их мнению, основание именно политической организации, а не партии. Руководство страны исходило из того, что объединение всех классов и слоев общества под одним знаменем должно было стать эффективным средством изоляции оппозиционных сил и группировок, а в дальнейшем привести к их окончательной ликвидации. Отметим, что в условиях, когда речь шла преимущественно о задачах национально-освободительной революции, минимальной идеологической базой должно было стать национальное единство. На

праздновании второй годовщины революции 23 июля 1954 г. Насер заявил следующее: «По существу, наше государство является государством всего народа и выражает интересы всех классов... Наше государство служит всей нации»¹. Тезис о единстве всех слоев египетского общества лег в основу при создании политических организаций, существующих в стране в годы президентства Г. А. Насера.

Специфика трех созданных в рассматриваемый период политических организаций — «Освобождение» (1953 — 1956 гг.), Национального союза (1956 — 1961 гг.) и Арабского социалистического союза (1962 — 1978 гг.) — заключалась в том, что все они насаждались сверху в административном порядке президентскими декретами, что влекло за собой не только слияние административного и партийного аппаратов на высших ступенях государственной системы Египта, но и перемену их функций. В насеровском Египте на бумаге политическим организациям отводилась роль одного из руководящих звеньев общества, на деле же они не обладали реальной властью.

Начав с создания схематической модели политической организации, руководство страны, внося в схему новые компоненты, скорее достраивало, чем меняло коренным образом слелет этих организаций. Так, все созданные в рассматриваемый период политические организации были массовыми (вне сферы их деятельности осталась лишь армия), вбирая в свои ряды практически все взрослое население страны, поскольку отсутствовали принципиальные ограничения членства в них. В каждой из этих организаций существовало разделение членов на активных и ассоциативных. Члены всех высших исполнительных комитетов назначались главой государства. Для руководящих деятелей государственного аппарата обязательность членства в политической организации оговаривалась законом. Наконец, структура этих организаций являла собой пирамиду, основанную на географическом (деревня, район, марказа, губерния) признаке.

Первой в ряду политических организаций была организация «Освобождение». Американский востоковед П. Ваткинотис очень точно заметил, что в создании «Освобождения» сказались заинтересованность военных в создании средства, которое могло бы предупредить политическую агитацию Вафда и «братьев мусульман», и одновременно она должна была стать средством преодоления пропасти между офицерами и народом². Эта организация должна была сыграть роль проводника постепенно выкристаллизовавшейся идеологии правящего режима в массах. Однако расплывчатость ее целей, общий характер лозунгов, отсутствие четкого ограничения членства в ней на клас-

совой основе привели к тому, что «Освобождение» попыталась использовать в своих интересах оппозиция. Генри Шедид, анализируя причины неудачи, постигшей режим при создании этой организации, писал: «Первыми, кто с энтузиазмом присоединились к организации «Освобождение», были представители оппозиции. Они увидели в новой организации шанс, возможно, последний, на провозглашение и последующее возвращение на утраченные позиции»³. По этому же поводу один из лидеров движения «свободных офицеров», в дальнейшем вице-президент Египта и Генеральный секретарь Арабского социалистического союза (АСС) Али Сабри горько заметил, что «ее (т. е. «Освобождения»). — Г. Н.) единственной и основной целью было разрушение политических организаций, стоявших в оппозиции революции, и она оказалась бессильной в осуществлении этой задачи»⁴. Лишь один раз, в период наивысшего накала борьбы за консолидацию власти в руках военных в феврале—марте 1954 г. организация «Освобождение» смогла направить и возглавить народные массы, поддержка которых в этот момент обеспечила победу Насеру и его сторонникам. В конечном же итоге организация «Освобождение» оказалась настолько аморфной, что ее не смогли использовать в качестве орудия своей политики ни «свободные офицеры», ни оппозиция. Пассивность «Освобождения» была предопределена отсутствием принципиального, классового подхода при ее создании, поскольку «никто, включая и самих организаторов, не мог себе ясно представить разницу между вступлением и невступлением в эту организацию»⁵. В период же тройственной агрессии 1956 г. «Освобождение» продемонстрировало всю свою несостоятельность в качестве организатора народных масс, что явилось еще одной причиной ее самоликвидации.

Следующим звеном в цепи политических организаций стал Национальный союз, при создании которого в 1956 г. проявились первые признаки возможного дифференцированного подхода руководства страны к вопросу о роли и месте политического аппарата. Отличительным моментом в создании Национального союза был следующий: он мыслился уже как одно из руководящих звеньев в системе государственной власти. В частности, предполагалось, что кроме выдвижения кандидатов в Национальное собрание страны, эта организация будет контролировать выполнение программ экономического и культурного развития страны. И хотя подобная установка не была претворена, тем не менее руководство Египта приближалось к пониманию необходимости создания уже руководящего партийного аппарата. Эта тенденция наиболее полно проявилась при переходе к этапу социалистических преобразований, проводимых

правительством Насера с первой половины 60-х гг. и затронувших все сферы жизни египетского общества.

В программном документе революции — «Хартии национальных действий», — принятом в июне 1962 г., были изложены основные положения политической платформы руководства, стремящегося проводить курс поэтапного развития египетской революции. Следует отметить, что начало 60-х гг. было вообще очень тяжелым для страны. Усугубился кризис в отношениях руководства с египетскими коммунистами и с местной крупной и отчасти средней буржуазией. Среди целого ряда негативных факторов следует отметить и выход Сирии из состава ОАР. Создавшееся положение было следствием экономических экспериментов и идеологических исканий правящей верхушки, а точнее — самого президента Насера, что, безусловно, наложило сильный отпечаток на Арабский социалистический союз, который следует считать серьезной и наиболее удавшейся попыткой создания политической организации в Египте в период с 1952 по 1970 гг.

К моменту создания АСС в стране произошло как бы смещение политических акцентов, поскольку изоляция традиционной египетской крупной и отчасти средней буржуазии, предоставление на определенном этапе привилегий мелкой буржуазии и военным привели к появлению в стране новой элитарной прослойки как в бюрократическом, так и в военном аппаратах. Кроме того, противоборство между прослойками основных классов египетского общества, невозможность достижения ими непосредственного политического компромисса привели к тому, что эти силы «были вынуждены уступить инициативу и лидерство в дальнейшем процессе буржуазной модернизации новой общественно-политической силе — бюрократической буржуазии и ее политическому представителю — военной и гражданской бюрократии»⁶. Эти обстоятельства, в свою очередь, подготовили качественный взрыв в идеологии президента Насера, связанный с признанием им роли масс, и АСС был детищем новых тенденций в мировоззрении египетского лидера. Кроме того, в период до 1967 г. серьезную угрозу режиму нес в себе именно «военный класс», и АСС, создание которого по времени совпало непосредственно с крахом египетско-сирийского альянса, по замыслу Насера, должен был стать заслоном на пути военной элиты, которая в лице маршала Амера и его сторонников, рвалась к политической власти.

Арабский социалистический союз создавался сразу в качестве правящей организации. В преамбуле его Устава отмечалось, что «АСС является социалистическим авангардом, который руководит народом, направляет национальные действия и

осуществляет эффективный контроль над прогрессом в рамках Хартин». Он должен стать «позитивной движущей силой революционных действий, защищать принципы и цели революции, ликвидировать любые остатки влияния капитализма и феодализма, предупредить происхождение иностранного влияния, реакции и оппортунизма...»⁷. Однако в течение последующих двух лет (в 1962 — 1964 гг.) Союз не играл практически никакой роли в политической жизни страны, в связи с чем в египетской печати появился целый ряд статей, авторы которых, освещая проводимые на высшем уровне дебаты относительно недостатков АСС, отмечали, что, в общем, его позиция остается неясной⁸.

В 1965 — 1967 гг. связь между АСС и государством была таковой: высший эшелон руководства Союза был представлен ветеранами движения «Свободных офицеров», а также гражданскими и военными лицами, занимавшими важнейшие посты в государственной системе, и находился под непосредственным контролем президента. Второй эшелон, представленный профессионалами (технократами, юристами, врачами и т. п.), являлся исполнительным органом в структуре Союза и назначался, в основном, первым эшелоном и высшим исполнительным комитетом (ВИК) АСС. А состав руководства последнего эшелона, т. е. местных комитетов АСС, предположительно избираемый снизу, фактически назначался вторым эшелоном, и следовательно, политический вес основания пирамиды был незначителен.

В системе «политическая организация — государство» можно выделить как бы два противостоящих звена: ВИК АСС и Совет министров, второй эшелон — АСС и Национальное собрание.

Можно без преувеличения сказать, что ВИК АСС играл роль «теневое кабинета» в стране⁹, более того, зачастую имел решающий голос при рассмотрении того или иного вопроса.

Сложными были и взаимоотношения второго эшелона АСС и Национального собрания. Второй эшелон АСС стремился взять на себя определенные функции Национального собрания, которое, будучи законодательным органом страны, не собиралось сдавать своих позиций, более того, стремилось поставить Союз под свой контроль. Однако назначенный в октябре 1965 г. Генеральным секретарем АСС Али Сабри приложил максимум усилий для повышения роли и влияния Союза. Предпринятые им меры по реорганизации привели к усилению роли второго эшелона АСС и практически свели на нет все попытки контроля со стороны Национального собрания.

С этого момента и начинается противопоставление АСС

государственному аппарату. Борьба за власть между правящей бюрократией в лице управленческого аппарата и традиционно консервативного Национального собрания и группой Али Сабри наглядно проявилась в дебатах, развернувшихся в связи с принятием временной конституции, вокруг понятий «подлинная демократия» и «социальная демократия», терминов «народ» — как рабочие и крестьяне, и «социальные силы» — рабочие, крестьяне, интеллигенция, национальный капитал, профессионалы. Ставился вопрос о том, кому должна принадлежать верховная власть в стране. Часть государственных деятелей считала, что она должна принадлежать народу, а не партии, и Национальное собрание представляет народ. Группа Сабри придерживалась мнения, что верховная власть должна находиться в руках АСС. Во время дискуссий в созданном 30 мая 1966 г. подготовительном комитете по разработке основных положений конституции ряд юристов утверждал, что АСС — высшая власть в государстве, и Национальное собрание должно стать инструментом АСС и передать ему свои законодательные функции.¹⁴ Эти дебаты не имели реальных последствий.

Новый виток в борьбе по вопросу о роли и месте АСС в государственной системе Египта был вызван падением престижа армии после поражения в арабо-израильской войне 1967 г. Этим обстоятельством не замедлило воспользоваться руководство АСС для усиления роли организации в стране. Насер, Хейкал и другие по-прежнему считали, что АСС должен оставаться массовой политической организацией, контролируемой государством. Во время дискуссии по этому вопросу один из лидеров профсоюза заявил, что «АСС периодически оказывается в фокусе власти, становится государством в государстве, что недопустимо. АСС не может и не должен конкурировать с правительством. Союз есть и должен находиться под непосредственным контролем Насера»¹⁵. Сторонники Али Сабри, влияние которых к тому времени заметно усилилось, открыто выступили в специальном выпуске журнала «Ат-Тална» за 1967 г. против этой концепции, считая, что руководство страны, в котором преобладают представители средней и мелкой буржуазии, должно отказаться от власти: «... должна быть создана партия классово-патриархальный класс. Новая партия должна создать, а противовес патриархальной, альтернативную элиту, и капитал должен быть национализирован»¹⁶.

Отметим, что вопрос создания ядра правящей политической партии поднимался еще в Хартин¹⁷, а в 1963 — 1964 гг. руководство страны предприняло определенные шаги в этом на-

правления. Речь идет о создании внутри Арабского социалистического союза тайного политического аппарата, получившего название «Авангарда социалистов». Однако смерть президента Насера прервала процесс создания партии правящего режима.

Из всего вышесказанного следует ряд выводов:

1. Правящий режим в Египте подошел вплотную к пониманию объективной необходимости создания именно монолитной партии в качестве своей политической базы. Однако в силу ряда объективных причин, таких, как отсутствие опоры режиму в лице какого-либо класса, четкости в идеологии, а также наличия серьезных разногласий по большинству вопросов в самом руководстве, ему не удалось осуществить этой задачи.

2. Насаждаемые сверху политические организации, став предметом государственной машины, практически не играли самостоятельной роли во внутривластной жизни страны и создавали лишь видимость демократии.

3. Практическая бездеятельность этих политических организаций была предопределена серьезными просчетами, допущенными при их создании. Не последнюю роль сыграл саботаж как в самом руководстве, так и в низовых звеньях организаций.

4. Отсутствие правящей партии наряду с факторами экономического и социального характера способствовало резкому изменению внутри- и внешнеполитического курсов страны в пост-насеровский период.

Примечания

¹ Маджмуд хутуб на тасрихат на байанат ар-раис Гамаль Абд ан-Насер, ал-юмн ал-иввал, с. 178

² Yatikiotis P. J. The Egyptian Army in Politics, Bloomington, 1961 p. 82—83.

³ Chedid H. Political organisation in Egypt since 1952. The Arab Socialist Union, Beirut, 1969, p. 30.

⁴ Baker R. Egypt's uncertain revolution under Nasser and Sadat, Cambridge. London, 1978, p. 94.

⁵ Chedid H. Указ. соч., с. 31.

⁶ См.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного, М., 1984, с. 382.

⁷ Ал-Масак, ал-Кахира, 1962, с. 6 — 7.

⁸ Ал-Талля, ал-Кахира, № 3, 1965, с. 9 — 28.

⁹ Подробнее см.: Hrair Dekmejian R. Egypt under Nasir. A study in political dynamics, London, 1972, p. 148.

¹⁰ Perlmutter A. Egypt: the praetorian State, New Jersey, 1974. p. 167173.—

¹¹ Ал-Талля, ададун хасс (6), 1968, с. 82.

¹² Ал-Талля, ададун хасс (6), 1967, с. 53 — 55.

¹³ Ал-Масак, с. 66.

СУДАН В ПЕРИОД ДИКТАТУРЫ НИМЕЯРИ

Судан является одной из наименее развитых в социально-экономическом отношении арабских государств. Генеральная Ассамблея ООН в ноябре 1971 г. на основе резолюции № 2768 включила Судан в группу из 25 «наименее развитых стран» исходя из следующих критериев: 1) валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения — менее 100 долларов в год (т. е. менее чем 34,8 суд.ф.); 2) доля промышленности в создании ВНП — менее 10%; 3) доля неграмотных в общей численности населения — более 80%.

В Судане до обретения политической независимости в 1956 г. господствовали докапиталистические уклады, причем в западных и южных районах страны преобладало полукочевое скотоводческое население, существовавшее в рамках натурально-патриархального уклада. Использовалось некоторое количество наемных рабочих на кустарных промыслах и батраков в сельском хозяйстве в период сезонных работ.

Немногочисленные промышленные предприятия принадлежали государству или иностранным компаниям. Самые плодородные земли, пригодные для выращивания хлопка, принадлежали колониальной администрации и иностранным компаниям.

После завоевания политической независимости в Судане к власти пришли представители имущих классов — коалиция помещиков и буржуазии.

В мае 1969 г. произошел переворот, осуществленный демократически настроенными военными при поддержке других прогрессивных слоев суданского общества. Этот переворот получил название «Революция 25-го мая».

Новое руководство, выразившее интересы революционно-демократических сил нации обнародовало программу действий, основными целями которой являлись: перевод страны на некапиталистический путь развития, борьба с империализмом и ослабление экономической зависимости от иностранного капита-

ла, улучшение жизненного уровня широких масс трудящихся, участие в борьбе за мир и в движении неприсоединения, развитие отношений с прогрессивными арабскими режимами и социалистическими странами.

В национальной Хартии, опубликованной в ноябре 1970 г., говорилось, что для достижения выдвинутых целей в области экономики и социального развития правительство намерено руководствоваться в своей деятельности следующими принципами:

1) установление государственного контроля над основными средствами производства; 2) непосредственное осуществление государством разработки природных богатств; 3) расширение государственного сектора экономики; 4) привлечение частного сектора к участию в осуществлении планов экономического развития; 5) создание смешанного сектора экономики; 6) расширение и укрепление кооперативного сектора¹.

Объективные потребности в ликвидации восторонней отсталости побудили правительственные круги устанавливать добрососедские отношения с африканскими странами. В январе 1970 г. в Хартуме состоялась очередная конференция стран Восточной и Центральной Африки, в которой участвовали руководители государств: Танзании, Кении, Уганды, Эфиопии, Сомали, Конго (Киншаса), Конго (Браззавиль), Бурунди и другие молодые государства континента. Правительство Судана налаживало торговые, экономические и культурные отношения с ними.

Совместное коммюнике о необходимости укрепления контактов между ДРС и Египтом было опубликовано 31-го июля 1969 г. В сентябре 1969 г. произошла антимоноархическая революция в Ливийской Арабской Республике (ЛАР), правительство которой пошло на сближение с АРЕ и ДРС. Встреча руководителей трех государств состоялась на конференции глав государств и правительств арабских стран в декабре 1969 г. в Рабате.

В Триполи состоялось совещание лидеров Судана, Ливии и Египта, на котором стоял вопрос по обеспечению интересов этих стран в арабском регионе и международном масштабе. Переговоры предусматривали взаимопомощь в борьбе против происков международного империализма. Ливия присоединилась к тройственному соглашению об экономической интеграции, инициатором которой в ходе переговоров выступил Дж. Нимейри.

Соглашение об интеграции охватывало широкий перечень мероприятий: создание совместных банков, освоение земель, создание промышленных и торговых предприятий, осво-

ение полезных ископаемых, льготный таможенный режим, свободное передвижение граждан и капиталов, создание единой транспортной системы. Предполагалась координация экономического планирования трех стран, внешней торговли, создание совместных компаний по торговле. Сторонники Дж. Нимейри в Судане поддерживали его; вот что писала правительственная газета: «У Ливии есть деньги, у Египта — опыт, а у Судана — земля. Этого достаточно для осуществления больших замыслов»².

Новая встреча лидеров трех государств: Нимейри, Каддафи и Садата состоялась в ноябре 1970 г. в Каире, где было принято решение о создании Федерации трех арабских государств — Египта, Судана и Ливии во главе с высшим исполнительным комитетом³.

Значительная часть суданцев не желала присоединиться к тройственному союзу, так как считала, что антикоммунизм Каддафи может плохо повлиять на взгляды и позицию суданского руководства, а затем произойдет проникновение в массы.

Суданская коммунистическая партия тоже не поддержала образование федерации, считая, что единство не может быть навязано насильственно и обращала внимание на различие в социально-экономическом строе Египта и Судана.

Дальнейшее развитие событий показало, что после 22 июля 1971 г. в правительстве ДРС задавали тон представители прозападной группировки суданской буржуазии, традиционно враждебной Египту. Когда Нимейри реорганизовал свое правительство, то он отказался от всех обещаний вступить в Федерацию.

С первых дней существования нового режима в Судане между ДРС и СССР установились тесные дружественные отношения. Дальнейшее развитие экономических связей нашло отражение в подписанном соглашении от 21 ноября 1969 г.

Советский Союз предоставил Судану два долгосрочных кредита на льготных условиях для оказания технического содействия в строительстве промышленных объектов, лечебных учреждений, проведения геолого-разведочных работ и др.

Первый кредит на сумму 20 млн. руб. из 2% годовых с погашением в течение 12 лет и второй — в размере 5 млн. руб. из 2,5% годовых с погашением в течение 10 лет⁴.

Экономическое и техническое содействие СССР Судану включало следующие формы: 1) выполнение проектно-изыскательных работ; 2) поставку комплектного оборудования, строительных материалов и механизмов; 3) оказание технического содействия в строительстве, пуске и эксплуатации предприятий; 4) помощь в подготовке национальных кадров.

При содействии СССР в Судане построено несколько предприятий, имеющих важное значение для экономики страны. В их числе заводы овощных и фруктовых консервов в Карейме и Вау, молочно-консервный завод в Бабанусе, зерновые элеваторы в Порт-Судане и Гедарефе, завод по сушке лука в Кассале. Названные объекты построены в отдаленных сельскохозяйственных районах страны и имеют определенное значение для развития этих областей.

Развитие отношений между ДРС и социалистическими странами встречало некоторые трудности: общая отсталость страны, низкая эффективность суданского государственного аппарата. Некоторые из суданских руководителей, не считаясь с реальными возможностями, получали от социалистических государств крупные кредиты на длительные сроки, в то время как еще не были освоены даже те кредиты, которые были получены раньше.

Наряду с двусторонними соглашениями с капиталистическими странами Судан обращается за помощью к международным организациям Запада. В феврале 1974 г. правительство Нимейри заключило соглашение с организацией продовольствия и сельского хозяйства ООН (ФАО) о продовольственной помощи Судану на 4,5 млн. долл.⁶

Ассоциация международного развития предоставила стране 35 млн. долл. для развития сельского хозяйства и железнодорожного транспорта, а Международный валютный фонд (МВФ) — кредит в 40 млн. долл. для восстановления платежного баланса Судана⁶.

Саудовская Аравия считала консервативный режим Нимейри своим важным политическим союзником и пыталась создать с помощью Хартума фронт арабских государств бассейна Красного моря против прогрессивных режимов в Эфиопии и Южном Йемене. Частные капиталы Саудовской Аравии помещены в крупные проекты развития животноводства в Судане. Среди межправительственных проектов — создание саудовско-суданской организации по использованию богатств Красного моря в целях добычи цинка, меди и серебра. Эта совместная организация запланировала истратить около 45 млн. долл. на разведку в Красном море.

Правые арабские режимы стремятся превратить Судан в плацдарм экономической, политической и идеологической экспансии в странах экваториальной Африки.

Экономическая политика Судана в этот период предусматривала проведение важных общегосударственных мероприятий в социально-экономической области.

Правительство приняло и осуществило в мае 1970 г. закон

о национализации всех иностранных банков, в том числе «Барк-ляйз банк» и торговых, в основном английских компаний, которые, как выразился Нимейри «... господствовали в суданской внешней торговле, монополизировав экспортные и импортные торговые операции»⁷. Было объявлено также о намерении правительства провести в долинах рек Белый Нил и Голубой Нил реформу частных хлопководческих хозяйств и поставить их под контроль государства.

Для разработки программ экономического и социального развития страны создавалось министерство планирования и развития. Были мобилизованы суданские специалисты и приглашены советские специалисты. 18 марта 1970 г. на совместное обсуждение Революционного Совета и Совета Министров ДРС был представлен пятилетний план развития экономики на 1970/71 — 1974/75 гг.

Капиталовложения по пятилетнему плану определились в 364 млн. суд.ф., из которых 193 млн. предназначались в государственный сектор и 171 млн. — в частный⁸. Этим планом были поставлены следующие задачи: 1) доведение темпов среднегодового роста ВВП до 7,6% против 4,8% в предыдущем пятилетии; 2) увеличение объема продукции сельского хозяйства на 61% и промышленности — на 57,4%; 3) привлечение национального частного капитала к участию в осуществлении плана и реализация частных капиталовложений на сумму 170 млн. суд.ф.⁹.

С мая 1969 г. до середины 1971 г. правительство ДРС проводило активную наступательную антиимпериалистическую политику, которая осуществлялась под давлением антикапиталистических и антиимпериалистических выступлений народных масс и левого крыла национально-демократических сил, включая СКП.

19 июля 1971 г. левонастроенные офицеры предприняли безуспешную попытку осуществить государственный переворот с целью более последовательного выполнения задач Майской революции.

После неудавшегося переворота правительство начало кампанию жестоких репрессий против компартии и всех прогрессивных сил.

Вслед за этим последовала переориентация курса развития страны, от социально-экономических преобразований прогрессивного характера к ориентации на капиталистическое развитие страны.

Предприятия, национализированные в 1970 г., были возвращены их прежним иностранным и национальным владельцам.

В отношении иностранного капитала проводилась противоречивая политика: с одной стороны, он вытеснялся и вытесняется в Судане из важных сфер народного хозяйства, которые перешли в руки государства, а с другой — проводился и проводится курс на активное привлечение иностранных инвестиций.

В августе 1972 г. был принят новый закон о капиталовложениях. В нем предусматривались меры, которые ограждали частные иностранные инвестиции от конфискации и национализации. Под предлогом «исправления ошибок революции» прежним владельцам (которые вернулись в Судан в 1972 — 73 гг.) были возвращены конфискованные предприятия и иная собственность. Был восстановлен антирабочий закон 1942 г., принятый еще британскими колонизаторами, местные рабочие вновь оказались зависимы от произвола предпринимателей.

В феврале 1977 г. был принят шестилетний план развития (1977 — 1983 гг.). Он предусматривал капиталовложения в сумме 2,7 млрд. суд. ф. (в государственный сектор — 58%).

Среднегодовые темпы прироста валового национального продукта планом определены в 7,5% (против 3% в 1971 — 1974 гг.). В области сельского хозяйства был взят курс на самообеспечение продовольствием и расширение производства экспортных культур, промышленности — на увеличение мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья и освоению минеральных ресурсов, транспорта — на строительство новых дорог и расширение средств связи.

Как на Западе, так и в ряде стран Арабского Востока упомянутый план вызвал большой интерес: правители стран Персидского залива и их империалистические покровители за несколько лет до принятия плана разработали программу, которая предусматривала превращение его в «житницу арабского мира» с помощью нефтедолларов и западной технологии. В 1975 г. правительство Нимейри подписало соглашение с Арабским фондом экономического и социального развития о предоставлении помощи (главным образом Саудовской Аравии и Кувейта) в течение 10 лет. Предусматривалась реализация 100 проектов развития земледелия и животноводства, транспорта.

Империалистические монополии делают все возможное для установления контроля над суданским государственным сельскохозяйственным сектором, извлекая при этом большие прибыли. Они осуществляли проект строительства гидрокомплекса на р. Рахад, финансируемого Арабским фондом экономического развития МБРР и правительством США. В 1977 г. была введена в строй первая очередь проекта, что дало возможность возделывать хлопчатник на площади 126 тыс. га. Вторая оче-

редь предусматривает ввод в эксплуатацию еще 210 тыс. га орошаемых земель.

Широкое распространение получило создание новых государственных и смешанных государственно-частных предприятий. При финансовом участии саудовской компании (49%) построен нефтеперерабатывающий завод в Порт-Судане. Кувейт финансировал строительство трубопровода для транспортировки нефтепродуктов из Порт-Судана в Хартум, который был введен в эксплуатацию в 1977 г.

Подводя итоги, можно сказать, что к началу 70-х годов стала отчетливо видна ограниченность революционных потенций мелкобуржуазного руководства. Двойственность и противоречивость его позиции все заметнее проявились по мере укрепления их политической позиции. Используя свое положение для личного обогащения, правящие круги отходили от радикального курса, опасаясь проводить дальнейшие прогрессивные преобразования. Быстрыми темпами развивался процесс бюрократизации государственного аппарата. Его коррумпированная верхушка сближалась с торговой и компрадорской буржуазией.

Поправление верхних слоев национальной буржуазии, смятение их интересов с интересами бюрократической буржуазии приводили к деформации политического курса в сторону отказа от радикальных перемен, постепенному переходу на рельсы капиталистического развития, что обеспечивало им главенствующую роль в обществе..

Примечания

¹ Ал-Багяр Сейф ал-Наср. Развитие экономики и внешнеэкономических связей Судана до и после майской революции, 1969 г. Дисс., М., 1983, с. 59.

² Ал-Айям, 17.II.1969.

³ Правда, 10.X.1979.

⁴ Bank of Sudan, 18th Annual Report, Kh. 1978, с. 48.

⁵ Ал-Айям, 21.II.1974.

⁶ Ал-Айям, 25.II.1972.

⁷ Ас-Сахафа, 26.V.1970.

⁸ Ал-Ахрам, 28.V.1970.

⁹ Гусаров В. Н. Социально-экономическое развитие Судана, М., 1983, с. 39.

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ НЕКОТОРЫХ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Резкая активизация исламской деятельности в мусульманском мире в последние годы и превращение политизированной исламской религии в одну из главных политических сил на Ближнем и Среднем Востоке привлекли повышенное внимание к ней ученых, политологов и обозревателей всех стран. В советских и зарубежных исследованиях, посвященных изучению данной проблемы, в последние годы довольно часто можно встретить не употреблявшиеся ранее понятия и термины или употреблявшиеся в несколько ином, чем в настоящее время смысле. Это такие понятия как исламский фундаментализм, модернизм, консерватизм и т. п. В связи с этим назрела, видимо, необходимость попытаться проанализировать основные тенденции развития современного ислама и дать их общую классификацию.

В ходе исторического развития под влиянием внутренних и внешних условий, определявших жизнь исламского мира в различные периоды времени, в зависимости от географического положения, политической и экономической ситуации и т. п. факторов выработались и утвердились несколько основных тенденций исламской практики, которые до настоящего времени характеризуют ислам как социально-политическое и религиозно-культурное явление надстроечного типа. Каждая из этих тенденций по сути своей является наиболее подходящей религиозной надстройкой, способной наиболее полно соответствовать интересам и чаяниям определенной части населения региона (классовой группы), способной проникать до самых глубин сознания каждого представителя этой классовой группы и тем самым являться своего рода отдельной религией (в рамках единого ислама), удовлетворяющей в основном потребности каждой классовой группы населения мусульманского мира.

Примером этого могут служить события в 1979 — 1982 гг. в Сирии, когда под флагом ислама в стране имели место серьез-

ные антиправительственные вооруженные выступления, инспирированные экстремистами ассоциации «братья мусульмане». В различных городах страны эти выступления имели разный накал, который во многом определялся социальной структурой населения и, следовательно, расстановкой классовых и политических сил. Социальный состав соответственно определял и позицию духовенства, степень поддержки им религиозных экстремистов. Иными словами, только в тех городах, где тенденция исламской практики в наибольшей степени соответствовала политической программе, выдвинутой «братьями мусульманами», вооруженные выступления носили наиболее острый характер, как это было, например, в г. Хама.

Исламские тенденции, будучи по своей сути явлением интернациональным, в каждом отдельном исламском государстве имеют свою национальную специфику. Как классовая борьба в одном государстве вызывает симпатию (а соответственно помощь и поддержку) родственного класса в другом государстве, так противоречия между различными тенденциями ислама вызывают соответствующую реакцию аналогичных тенденций в других государствах исламского мира. При этом любая классовая борьба в этих странах зачастую выглядит в глазах масс как борьба за «правильное» понимание религиозных догм, которое по мнению апологетов ислама, если будет достигнуто, позволит создать подлинно исламское государство или нечто вроде современного «халифата всеобщего благоденствия и справедливости».

В период формирования ислама как мировой религии аналогичные причины привели к выделению сент в исламе. Различные тенденции исламской практики в то время способствовали внедрению и адаптации в исламе национальной специфики различных этносов, постепенно формировавших понятие исламский мир. Значение каждой из тенденций исламской практики в различные периоды времени было далеко не одинаковым и зависело от политической, экономической конъюнктуры, культурных и других особенностей народов исламского мира.

В трудах некоторых зарубежных исследователей современного ислама весьма часто можно встретить добросовестные описания характерных черт и особенностей различных тенденций современного ислама. Однако отсутствие анализа классового содержания этих тенденций порождает у большинства западных ученых и политологов «удивление» мобильностью, живучестью и способностью ислама к «всеохватываемости». Среди такого рода исследований можно назвать работы профессора Нью-Хемпширского университета Джона Уолла «Прошлое ислама и его нынешнее возрождение»¹, итальянского исследовате-

ля Ф. Тана¹ и др. В этих работах описываются основные признаки тенденций исламского развития, их функции в различных условиях и даже динамика их развития. Изучение такого рода работ представляет определенный интерес, поскольку в них в той или иной степени рассматриваются вопросы методологии и предлагаются конкретные методы изучения процессов, происходящих в современном исламском мире.

Как уже отмечалось, значение каждой из исламских тенденций в различные периоды исторического развития было далеко не одинаковым, однако в настоящее время на карте «исламского мира» мы можем найти государства, придерживающиеся в своей политической практике всех основных тенденций. Для первой тенденции характерны адаптация и синтез. В период ранних халифатов и позднее, во времена мусульманских империй, он выражался в реализме мусульманских лидеров, в использовании ими широкого диапазона приемов и методов при формировании структур своих империй. Эти лидеры приспосабливались к социально-политической реальности и были готовы пойти, в случае необходимости, на компромиссы ради сохранения исламского характера государства.

В настоящее время опыт, выработанный и накопленный в политической практике государств данной тенденции, используется мусульманскими деятелями в странах, где ислам не является государственной религией или его позиции подорваны секуляристской политикой стоящего у власти режима или правительства. Примерами таких государств могут служить страны АСЕАН, некоторые государства Африки, расположенные южнее Сахары, Албания, Югославия и в некоторой степени Турция. Исламские деятели этих государств делают все возможное, чтобы проникнуть в массы. Для этого они готовы изменить некоторые элементы мусульманской обрядности, представить в качестве своей главной цели борьбу за высокие общечеловеческие ценности (элмир, высокий моральный облик человека и т. п.), стать «союзником» правительства во всех возможных для ислама сферах деятельности. В настоящее время эту форму (тенденцию) исламской практики (экспансии) можно назвать постепенным вращением (и закреплением там) ислама в духовную, социальную, политическую жизнь общества. Сторонники этой тенденции могут поддерживать практически любое правительство во всех его действиях, кроме атеистической пропаганды и мероприятий, прямо ведущих к секуляризации.

Вторую тенденцию в зарубежных* исследованиях называ-

ют консервативной** . Она проявляется в строгой защите ранее завоеванных исламом позиций от любых новшеств и модернизаций. Это, однако, не мешает апологетам и проповедникам консервативного ислама использовать в тактических целях методы и приемы, характерные для других тенденций.

Эта тенденция характеризуется борьбой исламских деятелей за укрепление ранее завоеванных исламом позиций, за строгое соблюдение исламских законов и традиций. Ее значение очень велико в исламском мире. По своему влиянию на мусульманские массы она значительно превосходит все остальные, а проповедники ее, если и не находятся у власти, то оказывают серьезное влияние на политику практически всех исламских государств. Необходимо также отметить, что в рамках консервативной тенденции наиболее отчетливо заметно большое количество различных «исламских течений», которые нередко в практической жизни вступают даже в определенные противоречия.

Исламские консерваторы (основная масса которых — сунниты) идут на союз и оказывают поддержку различным режимам или правительствам, политика которых не подрывает позиций ислама.

Примером идеологии исламских консерваторов может служить позиция улемов известного идеологического центра Египта ал-Азхар, которая в значительной степени определяется их статусом государственных служащих. Улемы ал-Азхара поддерживали и дали теологическое объяснение египетско-израильскому мирному договору, они поддерживали также политику «инфитаха» («открытых дверей»), проводимую А. Садатом, которую они оправдывали с помощью разрабатываемой ими доктрины «исламской экономики». Примером такого рода работ могут служить труды известного исламоведа доктора Рауфа Шалаби³.

В противоположность консервативной тенденции существует радикальная форма — фундаментализм. Ввиду того, что именно он является основной движущей силой всех исламских выступлений последнего времени, а мусульманские лидеры фундаменталистского толка оказывают наиболее серьезное влияние на все основные преобразования в исламском мире, то он заслуживает особого внимания.

Фундаменталисты после событий 1967 г. и особенно в 70-е гг. стали активно пропагандировать идею о том, что Западу и западной цивилизации исламские страны должны противоп-

* В советских исламоведческих исследованиях этот термин встречается значительно реже и не всегда в том смысле, в котором употребляют его западные ученые.

** От англ. to conserv — сохранять, консервировать.

ставить свою веру в священные устои Корана. Отвергая все другие идеологические доктрины, они считают, что общественная жизнь в исламских странах должна целиком и полностью базироваться на исламе и законах шариа. Однако до сих пор фундаменталисты не могут четко представить себе модель исламского государства, поскольку Коран дает в их распоряжение больше этические нормы, чем экономико-политические без каких-либо указаний на законченную систему. Как направление в исламе фундаментализм характеризуется прежде всего радикальностью взглядов и решительностью в действиях.

Как известно, это направление в суннитской ветви ислама представлено организацией «братьев мусульман», которая в последние годы возродила свои попытки выдвинуться на роль координатора всех фундаменталистских движений и выступлений в регионе. Режим А. Садата в Египте пытался использовать официальный «консервативный» ислам для сдерживания активности «братьев мусульман». Однако результатом было убийство главы египетского государства во время военного парада 6 октября 1981. Этим актом фундаменталистские организации, помимо всего прочего, продемонстрировали свои возможности и глубину проникновения в египетское общество.

Филиалы ассоциации «братьев мусульман» есть в Судане, Иордании и других странах. В Сирии они являются частью широкого суннитского движения, выступающего против «политического засилья» в стране алавитов (шиитской секты). Они играют здесь главную роль в развертывании политического террора против официальных лиц, в большинстве случаев — алавитов. Сирийское руководство сталкивается с серьезными трудностями в борьбе с «братьями мусульманами», которые получают к тому же поддержку из сопредельных государств (Иордании, Саудовской Аравии).

Основы ваххабизма, получившие распространение в Саудовской Аравии, можно рассматривать как идейно-политическую доктрину фундаментализма. Однако динамика развития этой исламской доктрины в Саудовской Аравии может также являться примером того, как зародившееся и развившееся фундаменталистское движение, придя к власти, постепенно обретает форму консервативного ислама. Это, кстати, является одной из причин, почему западные политологи и официальный Вашингтон считают возможным и уместным не обострять своих отношений ни с одной из исламских тенденций, а лишь усилить свое тайное воздействие с целью ускорения этого процесса.

Четвертая тенденция — персонализированный фундаментализм. Он наиболее характерен для государств, где большинство мусульман составляют шииты. Эта тенденция выражается

в признании за шиитскими улемами «наследственных» прав на управление и определение политики исламского государства, перешедшие от «удалившегося» имама («мессии»), возвращению которого ждут шииты. До его появления все правители признаются лишь как временные. И если появляется пользующийся огромным авторитетом воинствующий лидер шиитов, выступающий с позиций строгого шиитского фундаментализма, то в условиях революционного столкновения классов этот процесс может пойти по пути резкой политической и социальной активизации ислама. Характерным примером такого лидера является аятолла Хомейни в Иране.

Таким образом, наиболее радикальными и воинствующими тенденциями современного ислама являются его фундаменталистские течения. Они всегда выступали и продолжают выступать за коренную перестройку исламского общества, за возвращение его к тому идеалу, который существовал, по их мнению, при жизни пророка. Они готовы вступить в конфликт с другими исламскими тенденциями и проявляют большую активность в борьбе с любыми явлениями, способствующими процессу секуляризации. Главным своим идейным врагом они считают атеизм.

Борьбу фундаменталистов за исламские ценности активно используют в своих целях правящие классы и элита стран мусульманского мира. В условиях глубокого проникновения исламской религии во все сферы жизни государств Ближнего и Среднего Востока классовая борьба практически не может полностью освободиться от религиозных пут и на определенном этапе она может почти полностью утратить свой первоначальный прогрессивный заряд, что мы и наблюдаем сейчас в Иране. Причина этого заключается, прежде всего, в неразвитости экономики стран региона и слабости пролетариата — единственного класса, который может быть последовательным носителем атеистического мировоззрения. Именно поэтому в настоящее время мы вынуждены говорить о религиозно-политической борьбе на Ближнем и Среднем Востоке, о противоречиях между исламскими тенденциями и сектами и в значительно меньшей степени — о классовых противоречиях, хотя они и являются подлинным источником напряженности в регионе.

Примечания

¹ Current History, April, 1980, pp. 7—12.

² Rinascita dell'Istegramtalo Islamico-Politika Intern., Firenze, 1979, № 4,

³ Ал-Азар, № 12, 1978, с. 136.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ

Открытие больших запасов нефти в районе Персидского залива и превращение его в основной топливный арсенал капиталистического мира принципиально изменили роль и место арабских стран в мировом хозяйстве. Они сделали важный шаг на пути экономического прогресса, а некоторые нефтеэкспортеры по целому ряду агрегированных экономических показателей обогнали не только большинство развивающихся государств, но и многие страны среднеразвитого капитализма. Однако большое своеобразие социально-экономического развития нефтедобывающих стран требует особой осторожности в обращении с количественными показателями. Оперирование последними без соответствующего качественного анализа нередко маскирует сущность явлений. Так, например, если в большинстве развивающихся стран низкий доход на душу населения является отражением их экономической отсталости, то в нефтяных монархиях — исключительно высокий доход на душу населения вовсе не свидетельствует об адекватном развитии их хозяйств, а является прежде всего результатом благоприятной конъюнктуры на мировом нефтяном рынке. В то же время, если мы обратимся к демографическим показателям или такому комплексному социальному показателю, как индекс физического качества жизни*, то, например, Саудовская Аравия и Ирак окажутся в одном ряду со странами, во много раз уступающими им по показателю ВВП.

Состояние демографической сферы, где изначально формируются качественные и количественные характеристики трудовых ресурсов, является достаточно надежным индикатором глубины социально-экономической трансформации общества,

* Индекс физического качества жизни рассчитывается на основе трех показателей: детская смертность, средняя продолжительность жизни, общая грамотность.

поскольку стереотип демографического поведения отражает не только специфику, но и уровень развития нации в широком смысле этого слова.

Прежде, чем перейти непосредственно к особенностям воспроизводства населения в арабских странах, остановимся кратко на характеристике того социально-экономического фона, на котором формируется стереотип демографического поведения.

В прошлом, вплоть до 30 — 40-х гг. XX в. страны арабского региона помимо географической и религиозно-этнической близости объединяли многие сходные черты: бедность, отсталость, застойное состояние производительных сил, сохранение глубоких феодально-племенных пережитков. Все это и определяло господство традиционного режима воспроизводства трудовых ресурсов.

Огромный приток нефтедолларов стал основой и мощным катализатором создания в нефтедобывающих странах современного капиталистического производства. Современный уклад, стремительно расширяясь, в малых государствах (Кувейт, Катар, ОАЭ, Бахрейн), где практически вся жизнь сосредоточена в столицах и морских портах, уже занял доминирующие позиции. Ограниченность географического пространства позволила ему в короткие сроки почти полностью вытеснить традиционный уклад не только в сфере производства, но и в сфере занятости, предоставив работу, или по крайней мере доход значительному количеству собственных граждан, а также основной массе иностранных рабочих. В настоящее время для малых нефтедобывающих стран традиционный сектор — явление остаточное. С ним, как правило, связано не более 5% экономически активного населения. Практически утратил свое значение и неформальный сектор в городах.

В более крупных нефтеэкспортерах современное капиталистическое производство, быстро расширяясь в локальных рамках, в первую очередь, в крупнейших городах и промышленных зонах, лишь частично преобразует и подчиняет себе национальную экономику. И если в производстве ВВП современные уклады играют ведущую роль, то в сфере занятости им еще весьма прочно противостоит докапиталистический рынок труда, особенно в сельском хозяйстве. В городах по-прежнему значительны позиции неформального сектора, существование которого является объективно необходимым в условиях, когда предложение рабочих рук в результате высоких темпов естественного прироста и массовой миграции сельских жителей превышает трудопоглощающие возможности современного производства и качественно не соответствует его потребностям. Поразительная живучесть традиционных укладов является отражением усили-

вающегося дуализма развития и возрастающей рассогласованности социальных и экономических процессов.

Нефтяной бум придал новые черты традиционному производству в нефтедобывающих государствах. Для подъема выделяются большие средства, которые используются, главным образом, на потребительские нужды. В результате при сохранении в широких масштабах архаичного характера производительных сил, уровень и образ жизни населения изменился. Возросшие доходы обеспечивают значительной его части праздное существование, уменьшают роль материальных стимулов к труду и создают условия для найма неквалифицированной рабочей силы из трудонезбыточных аграрных районов соседних стран.

Изменение роли и места современного и традиционного укладов в хозяйственной структуре сопровождалось изменением характера занятости местного населения. Поскольку их экономическое развитие носит зависимый и в значительной степени ориентированный вовне характер, ведущие отрасли хозяйства, финансирующие процесс модернизации, мало связаны с внутренней экономической и социальной жизнью, а основная масса занятых в современном секторе, сосредотачивается, как правило, в сфере услуг, национальных вооруженных силах и полиции, где получают высокую заработную плату, практически ничего не делая. Большинство тех, чьим делом еще в недавнем прошлом был малоотходный труд в традиционном производстве, ныне относятся к категории занятых в современном секторе, однако по таким параметрам, как профессионально-образовательный уровень, физическая и психологическая подготовленность, эффективность трудовых затрат, они не отвечают критериям капиталистического производства.

В отличие от стран-нефтеэкспортеров, в остальных арабских государствах развитие современного сектора, тормозящееся нехваткой капитальных ресурсов и квалифицированных кадров, происходит значительно более медленными темпами, несоизмеримыми с темпами роста населения, что, с одной стороны, стимулирует эмиграцию местной рабочей силы в страны Персидского залива, а с другой — создает предпосылки для упрочения, особенно в аграрной сфере позиций докапиталистических укладов как наиболее доступных для основной массы населения. С традиционным производством в середине 70-х гг было связано, например, в ИАР, около 60% всех занятых, в Сирии — около 50%. Важную роль как источник занятости и дохода городских низов играет неформальный сектор, причем в последнее время наметилась тенденция к дальнейшему расширению использования в нем рабочей силы.

Если преобразование экономического пространства, несмотря на всю противоречивость, неравномерность и избирательность этого процесса происходит довольно быстрыми темпами, особенно в малых нефтедобывающих странах, то модернизация социальной сферы, в частности, уменьшение господства феодальных пережитков, традиционного образа жизни, мышления, системы ценностей протекает значительно более медленно, во-первых, потому, что эта сфера обладает большой инерцией и ее трансформация требует длительного времени, а во-вторых, в силу того, что правящие круги стремятся ограничить модернизацию исключительно хозяйственной сферой. Однако в условиях вынужденных перемен эрозия традиционных социальных структур, какими бы устойчивыми они не были, неизбежна. Важная роль в этом процессе принадлежит огромному притоку нефтедолларов и усилению власти денег, увеличению охвата молодежи системой образования, расширению контактов местного населения с внешним миром, как посредством общения с иностранцами у себя в стране, так и в ходе поездок местного населения за рубеж (например, в 1979 г. Саудовскую Аравию посетило 2,5 млн. иностранцев из 72 стран мира, в том же году 900 тыс. саудовцев, или 1/5 всего населения, побывали в других странах¹.

В странах, не располагающих большими запасами нефти, главными носителями перемен, стимулирующими социальные сдвиги, выступают мигранты. Работа одного или нескольких членов семьи в странах Залива резко повышает ее доход, меняет образ жизни, способствует возникновению новых ценностных ориентаций. Большое число детей растет без отцов в обществе, где традиционно мужчины осуществляют родительский контроль, нередко даже случаи, когда на заработки в соседние страны уезжают женщины, выполняя тем самым функции кормильца семьи. Возвращаясь из эмиграции, молодые рабочие имеют намного больше денег, а следовательно, почта, чем старшие люди, разрушая тем самым традиционное старшинство в обществе.

Происходящие в арабских странах социально-экономические перемены находят свое отражение в демографическом поведении населения. Однако в полной мере выявить воздействие новых условий на этот процесс оказывается весьма сложно, что в большей степени обусловлено отсутствием во многих арабских странах налаженной системы проведения переписей населения. Количество выборочных демографических обследований, хотя и возросло в последнее время, тем не менее остается немногочисленным, а достоверность и точность получаемых данных не велика. Регистрация актов гражданского состояния также

практически не налажена. Даже такой показатель как общая численность населения для отдельных стран нередко является весьма спорным. В частности, в одной из публикаций ЭКЗА отмечалось, что из-за отсутствия более или менее надежных демографических данных оценка общей численности населения, например, Омана и Катара колеблется соответственно между 766 тыс. и 1,5 млн. человек и 92 тыс. и 170 тыс. человек².

Общая демографическая ситуация в арабском мире характеризуется высокой, приближающейся в отдельных случаях к биологическому максимуму рождаемостью, снижающейся смертностью и очень высоким естественным приростом.

В бедных странах высокая и не проявляющая тенденции к понижению рождаемости отражает господствующие там традиционные общественные отношения и отсталость социально-экономических условий жизни основной массы населения.

Сохранение высокой рождаемости в нефтедобывающих странах, несмотря на усиление в последнее время действия таких важных для ее снижения факторов, как сокращение детской смертности и повышение доходов, объясняется наряду с анклавностью развития современного производства, также и тем, что высокопроизводительный экономический механизм начал там функционировать сравнительно недавно и не успел проявить себя в достаточной мере в модернизации архаичных структур. Последнее означает сохранение традиционной социальной иерархии, предопределяющей место и функции каждого члена общества, в том числе зависимое и приниженное положение женщины, ограничение ее функций рамками домашнего хозяйства. Создание современной и в значительной степени общедоступной системы здравоохранения способствовало повышению репродуктивности супружеских пар.

Воздействие на динамику рождаемости такого фактора как расширение современной занятости пока незначительно, поскольку процесс этот в известной мере носит формальный характер: большинство национальных трудящихся сосредоточено в третичном секторе и не участвует в производстве материальных благ, будучи связанными с современным сектором, главным образом, по каналам распределения. Такая наименее прогрессивная форма использования трудовых ресурсов без изменения функций членов семьи на основе технического переворота во всем хозяйственном комплексе обуславливает замедленные темпы изменения господствующего стереотипа воспроизводства населения.

Важную роль в поддержании рождаемости на высоком уровне в большинстве арабских стран играют прочные позиции ислама с его культом многодетности, а также государственная

пронаталистская политика. Лишь правительства Египта, Марокко и Туниса признают негативную роль высоких темпов роста населения в процессе экономического развития и пытаются осуществлять программы контроля над рождаемостью.

В отличие от рождаемости, смертность в арабском регионе колеблется в более широких пределах. Во второй половине XX столетия снижение этого показателя является универсальной тенденцией для развивающегося мира, хотя в каждом конкретном случае темпы этого процесса весьма различны.

Наиболее заметные сдвиги в этой сфере произошли в арабских странах с небольшим населением, где увеличение средней продолжительности жизни (до 71 лет — в Кувейте, 67 лет — на Бахрейне, 71 года — в ОАЭ) и снижение детской смертности (23% в — в Кувейте, 45% — в Катаре, ОАЭ, 37% — Бахрейне)² обусловили уменьшение общего показателя смертности до уровня развитых государств и даже ниже, что стало возможным благодаря более молодой возрастной структуре населения. В Кувейте и на Бахрейне, например, коэффициент смертности составляет соответственно 6% и 7%. Главным фактором снижения смертности являются огромные средства, выделяемые на развитие здравоохранения и удовлетворение основных нужд местного населения.

Что касается группы государств с низким уровнем дохода, то в наиболее развитых в демографическом отношении из них — Тунисе, Сирии, Иордании, Ливане — показатель смертности уже испытал весьма значительное снижение и сейчас стабилизировался на уровне 10 — 11%, в самых же отсталых странах региона — НДРЯ и ЙАР — смертность превышает 20%.

Следствием преобладающего в регионе режима воспроизводства является молодой возрастной состав населения: на детей и подростков до 15 лет в большинстве стран приходится около половины всего населения, а на пожилых людей старше 64 лет — примерно 3%. Такая структура населения выступает в качестве одного из важнейших факторов низкой экономической активности населения.

Демографическая ситуация, являясь производной социально-экономического развития стран региона, сама оказывает воздействие на специфику этого процесса. В бедных и богатых странах оно весьма различно. В странах, не располагающих большими нефтяными ресурсами, интенсивный демографический рост, опережающий экономический прогресс и значительно превышающий материальные возможности этих государств по созданию нормальных условий для воспроизводства быстро расширяющегося контингента трудовых ресурсов, обостряет про-

блемы занятости и бедности, ухудшает условия формирования качественных признаков рабочей силы.

В самых малых нефтедобывающих государствах большие финансовые возможности позволяют временно смягчить или несколько отодвинуть в будущее такого рода проблемы, а уже в таких странах как Саудовская Аравия, Ирак, Ливия, система государственных субсидий и дотаций не позволяет полностью решить проблему бедности. Например, в ходе социологического обследования, проводимого в начале 80-х гг. в Саудовской Аравии — одной из богатейших стран мира, 11% глав семейств, проживающих на окраине Джидды в качестве своего главного желаний назвали возможность один раз в неделю есть мясо⁴. Уделом значительной части населения по-прежнему остается малопродуктивный и низкопроизводительный труд в докапиталистических укладах.

Весьма остро во всех арабских странах стоят проблемы урбанизации и внутренней миграции. Беспрецедентный размах получили внешние миграции. Демографические дисбалансы, порождаемые этими процессами, представляют серьезную угрозу для их политической стабильности и вызывают необходимость существенной корректировки стратегии дальнейшего развития с учетом этих факторов.

В будущем под воздействием экономических и социальных сдвигов модернизация затронет демографическую сферу, тем не менее этот процесс, сдерживаемый спецификой социального развития, господствующими традициями и пережитками, будет весьма длительным.

Медленное созревание предпосылок для изменения режима воспроизводства населения обуславливает тот факт, что годами многочисленные проблемы, порождаемые или усугубляемые демографическими процессами, будут приобретать все более трудно разрешимый характер.

Примечания

¹ Ibrahim S. E. The new social order. A Study of the social impact of the oil wealth. L., 1982, p. 107.

² Population bulletin of ECWA. № 12, 1977, p. 3.

³ Population data sheet. New York, 1985.

нии из-за сравнительной малочисленности населения). Очевидна ведущая роль нефтеэкспортеров в общем воспроизводственном процессе арабского региона. Огромные доходы от экспорта нефти (1,1 трлн. долл. в 1970 — 1983 гг.) позволили осуществить значительное стоимостное и материально-вещественное накопление капитала в нефтеэкспортирующих странах, а с учетом «вторичного» использования этих доходов — через механизм финансовой помощи и переводы мигрантов, работающих в странах Залива и Ливии, — они оказались важным источником инвестиций в основной капитал группы нефтеимпортирующих стран.

На поставщиков нефти приходится, по нашим расчетам, более половины всех арабских стран, 4/5 населения, свыше 9/10 суммарного общественного продукта, 70% капиталовложений. Львиную долю этих показателей обеспечивают 7 арабских стран — членов ОПЕК. Нефтегазовое хозяйство, включая переработку углеводородов, обеспечивает, по нашей оценке, 60% суммарного общественного продукта нефтеэкспортирующих стран и до половины всего арабского региона. После освобождения и особенно в 70-е годы арабскому миру удалось существенно поднять норму и увеличить массу накопления в значительной степени за счет капитализируемой части общественного продукта стран — поставщиков горючего. Именно эти страны лидировали и в темпах роста ВВП.

В 70-е и в начале 80-х гг. происходили и продолжают иметь место позитивные сдвиги в общественном продукте арабского региона в целом и в отдельных странах в пользу отраслей материального производства, особенно промышленности и строительства. Растут продукция обрабатывающей индустрии и ее доля во всем промышленном производстве. Нефтяные монархии уже к концу 80-х — началу 90-х годов могут превратиться в одну из заметных промышленных зон Азии.

Вместе с тем необоснованные расчеты на форсированную индустриализацию при прямой и косвенной опоре на нефтяную ренту и, таким образом, стремление ликвидировать в короткие сроки историческую отсталость обернулись серьезными издержками и глубокими диспропорциями в воспроизводственном механизме, в том числе застою в ряде стран сельского хозяйства, анклавностью экспортно-ориентированных производств, разрывами в межотраслевых и междунациональных связях, быстрым увеличением зависимости от империализма в области импорта продовольствия и важных компонентов вещественного накопления.

Общие сравнительно высокие темпы экономического развития в арабских странах сопровождались весьма низкой эффективностью инвестиций. По нашим расчетам, приростная ка-

питалоемкость у главных нефтеэкспортеров выросла с 2,6 в 1974 г. до 5,6 — в 1978 г., доля увеличения производительности труда в приросте ВВП в 1970 — 1981 гг. колебалась в диапазоне 13 — 26%. Следовательно, экономический рост обеспечивался в основном увеличением массы овегцественного и живого труда и повышением цен на нефть, т. е. не интенсивными, а экстенсивными факторами. По уровню развития, в том числе по размерам условной чистой продукции на душу населения и месту обрабатывающей промышленности в общей структуре общественного продукта, арабские страны существенно уступают новым индустриальным государствам. Арабский регион пока более чем на 9/10 остается поставщиком на мировой рынок минерального и сельскохозяйственного сырья, а для большинства его стран характерна монотоварная специализация. Таким образом, арабским странам в целом еще далеко до создания индустриальной системы производительных сил.

По критерию формационной принадлежности, путям исторического развития вычленяются две основные группировки — капиталистического развития и социалистической ориентации.

Страны первой группы с учетом ряда количественных и качественных индикаторов автор разделяет на следующие подгруппы по уровню буржуазного развития (по меркам региона): высшую (Египет, Ливан), верхнюю среднюю (малые нефтеэкспортирующие страны Аравийского полуострова), нижнюю среднюю (Саудовская Аравия, Тунис, Иордания, Марокко) и низшую (Оман, Мавритания, Судан, Джибути, Сомали).

Сделана попытка дифференцировать арабские страны и по другим критериям, в том числе по первичному и вторичному потенциалам, а также по комплексу из 65 индикаторов, показывающих конкретный уровень экономического развития и положение стран в МКХ. Исходя из имевшихся в нашем распоряжении совокупных данных только по 15 странам, они были разделены на следующие группы по нисходящему уровню развития: I (Ливан), II (крупные нефтеэкспортеры со сходным типом воспроизводственного механизма — ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт, Ливия), III (Ирак, Алжир, Сирия, Тунис, Иордания), IV (Марокко, Египет), V (НДРЯ, ИАР, Сомали).

Группа крупных нефтеэкспортеров выделяется размерами общественного продукта в целом и на душу населения, темпами роста обрабатывающей промышленности, а также избытком капитала, положительным балансом сбережения и накопления, огромными масштабами накопления государственного и личного потребления, активной ролью во внешнеэкономических связях (превышением экспорта над импортом), экспортом капитала и многим другим. Темпы роста нефтегазового сектора да,

счет сферы услуг превышают общеэкономические, что ведет к снижению удельного веса нефти - и газодобывающей промышленности.

Обильные доходы от экспорта нефти у главных поставщиков углеводородов стали основным стимулом развития межабразского экономического сотрудничества. Заинтересованность нефтеэкспортирующих стран в притоке дефицитных трудовых ресурсов, а нефтеимпортирующих — в финансовой помощи первых в определенной степени сглаживает политические расхождения. Разнонаправленные потоки рабочей силы и финансов гораздо больше способствуют центростремительным тенденциям в арабском мире, чем многие шаткие и сугубо временные политические союзы. Однако сама концепция экономического сотрудничества оказалась поставленной на службу не интересам подлинного социального прогресса, а целям ускоренной капиталистической трансформации аравийских монархий и капиталистическому развитию большинства арабских стран, в немалой степени и интересам транснациональных корпораций.

Нефтяной фактор играет одну из ведущих ролей в социально-политическом развитии арабского региона, оказывает значительное влияние на характер, формы и темпы преобразований в базисе и надстройке. В то же время не следует и переоценивать его значение в плане принципиального движения по путям исторического развития. Во всех крупных нефтеэкспортирующих странах развитие по капиталистическому пути (или переход на путь социалистической ориентации) произошло вне прямой зависимости от удельного веса нефтяного сектора в структуре общественного продукта. Другое дело, что в рамках избранного пути нефтяная рента позволила создать такие значительные фонды производительного и личного потребления, которые дали возможность прежде всего обильно финансировать восхождение по ступеням капиталистической формации.

Стремительный переход нефтяных монархий от полуфеодалных отношений с остатками родо-племенного строя к капитализму под влиянием огромной нефтяной ренты представляет собой феномен, не имеющий аналогов в истории с точки зрения темпов и форм буржуазного преобразования. Пока преобразуется лишь базис, а надстройка остается архаичной с всевластным родо-племенной аристократии. При этом происходит процесс обуржуазивания феодальной верхушки, в который активно втягивается и неродовитый торгово-финансовый капитал. Вместе они образуют правящую элиту, называемую автором нефтекратией, — одну из самых реакционных сил современности. Сама же абсолютная по своему социальному содержанию превращается в буржуазную, выражающую интересы как старых, так и новых

эксплуататоров. Власть полуфеодалной верхушки при слабости местной буржуазии привела к созданию мощного государственного сектора, контролирующего и развивающего главные отрасли хозяйства. Сам госсектор практически принадлежит многочисленным монархическим кланам, которые неслыханно обогащаются буржуазными методами. Государство держит курс на максимально возможную приватизацию экономических объектов и вращивание местного промышленного капитала, который энергично развивается. Существующий режим несет в себе различные уклады, находясь на этапе перехода от одной формации к другой. Как считает автор, современное общество в нефтяных монархиях можно условно определить как симбиоз многоукладного базиса (с растущим капитализмом) и феодальной политической надстройки и назвать «феодалным капитализмом», в котором сложился «государственный феодально-монополистический капитализм».

Отсталость общества в странах, находящихся на этапе национально-демократической революции, нашедшая выражение в слабом развитии как буржуазии, так и рабочего класса, а с другой стороны, в значительном удельном весе и особой политической активности промежуточных слоев в условиях сильного влияния ислама и арабского национализма привела к тому, что уникальная возможность финансировать переход к социализму за счет нефтяной ренты оказалась нереализованной. Революционный потенциал некоторых нынешних режимов, видимо, исчерпал себя. Вместо старого общества с преобладанием докапиталистических укладов в ряде случаев образован, по существу, госкапиталистический строй с господством бюрократической буржуазии и при растущем частном капитале, которому власти однако не дают овладеть командными высотами. В социально-политическом плане доходы от нефти перераспределяются прежде всего в интересах укрепления власти непролетарских, немарксистских партий и обогащения бюрократической и других слоев т. н. новой буржуазии. Разумеется и в таких странах в принципе не перекрыты возможности преодолеть существующий барьер и перейти к социалистической реконструкции общества. Но для этого требуется сочетание ряда объективных и субъективных благоприятных условий.

Правящие круги нефтяных монархий превратили местный индустриальный пролетариат в рабочую аристократию, отгородили его стеной имущественных и других социальных привилегий от более многочисленной иностранной рабочей силы (4 млн. чел.), стремясь таким образом (и не без успеха) перевести социальные противоречия из вертикальных в горизонтальные, вывести их из своего общества вовне и предотвратить нежела-

тельные политические последствия. Рост общего уровня жизни под влиянием массивированной нефтяной ренты и дефицит местных трудовых ресурсов значительно подняли стоимость рабочей силы и одновременно зарплату местным рабочим. Мелкобуржуазные режимы в странах, находящихся на этапе национально-демократической революции, за счет нефтяной ренты тоже «подкармливают» своих рабочих, мешают их классовому созреванию, препятствуют проникновению в рабочую среду марксистской интернациональной идеологии и превращению пролетариата в социальную опору коммунистического движения.

Что касается влияния миграции рабочей силы на страны и ее источники, то она хотя и приводит к пополнению их валютных поступлений, но одновременно способствует инфляции, увеличению импорта, прежде всего предметов роскоши, создает дефицит рабочей силы.

При оценке характера и уровня потребления в обществе «нефтяного процветания» арабских монархий следует иметь в виду, что они смогли установить национальный суверенитет над нефтяными ресурсами не в результате решительной борьбы с империализмом, а лишь воспользовались плодами национально-освободительного движения других арабских стран. Сами же монархии оказались на обочине революционного процесса. Вместе с тем наблюдается нежелание немалой части местных жителей заниматься физическим трудом. Местное общество обогащается в значительной степени за счет даровой силы природы, эксплуатации иностранных рабочих, высокого уровня спроса на главный экспортный товар и монопольной ренты. Поэтому общество потребления здесь приобрело социально паразитический характер.

На перераспределение доходов от нефти оказывают влияние традиционные исламские институты. Принципы «заят» и «риба» освящают льготную финансовую помощь богатых нефтяных государств прежде всего арабским и другим мусульманским странам, что, однако, не мешает реализовать ее в политически определенных целях. Поступления от экспорта нефти стали материальным фактором развития современного международного исламского движения, концепций об особом «исламском экономическом порядке» и «исламской экономике», которые при всей своей явной антибуржуазности на деле прокладывают дорогу капитализму в мусульманских странах.

Использование нефти в региональных отношениях показывает, что она является гораздо более эффективным средством в

осуществлении политики отдельных стран, чем в общеарабских целях противоборства с империализмом. Происшедший в арабском мире в последние годы явный спад антиимпериалистического и социально-прогрессивного движения произошел в немалой степени под давлением аравийских монархий, которые используют в этих целях свои нефтяные деньги.

Реализация нефтяной ренты приводит к развитию буржуазного общества в большинстве арабских государств и к все более глубокой интеграции арабских нефтеэкспортирующих стран и всего арабского региона в систему мирового капиталистического хозяйства. Таким образом приходится констатировать, что в социально-политическом плане, с точки зрения развертывания мирового революционного процесса и укрепления внешнеполитических позиций социалистического содружества нефтяной фактор сыграл и продолжает играть сугубо отрицательную роль.

Можно предполагать, что до конца нынешнего столетия все арабские страны и прежде всего нефтеэкспортирующие могут сделать новый шаг в своем экономическом развитии.

Учитывая вероятные темпы роста добычи нефти (1,5 — 2%) и цен на нее, можно предположить рост валютных поступлений нефтеэкспортирующих стран (2 — 3%) в 80-е и 90-е гг. в среднем на 2,5 — 3% в год, а с учетом более высоких темпов развития обрабатывающей индустрии общие темпы ВВП прогнозируются автором в 3,5 — 4,5%, т. е. где-то на уровне инфляции. Следовательно, реального увеличения валютных поступлений в неизменных ценах фактически в течение всего прогнозируемого периода может и не быть, получится своеобразный стоимостный бег на месте. «Золотые 70-е годы» остались позади.

Существенное ограничение нефтяных перспектив не сможет принципиально изменить соотношение экономических сил в арабском регионе. Группа основных нефтеэкспортеров по-прежнему будет лидировать по ряду таких индикаторов, как общие и душевые размеры ВВП, накопление и личное потребление, по которым разрыв с нефтеимпортирующими странами сохранится.

Нефтеэкспортирующие страны поднимаются до среднеразвитого уровня. Но весьма сомнительно, чтобы они, преодолев количественный разрыв в уровнях развития с индустриальными государствами в плане душевого размера ВВП, могли бы в среднесрочной перспективе взять гораздо более трудный барьер — совокупность качественных показателей, характерных

для современного типа социально-экономического и научно-технического развития. Тем самым будет сохраняться положение группы арабских капиталистических стран как зависимой и неравноправной части мирового капиталистического хозяйства.

С другой стороны, данное обстоятельство усилит несовместимость национальных интересов арабских стран и центров мирового капитализма. Следовательно, антиимпериалистический потенциал в арабских капиталистических странах, так же как и в арабском мире в целом, сохранится. Он будет постоянно дополняться противоречием между трудом и капиталом и тем самым регулярно воссоздавать объективные факторы для развития в регионе революционного процесса.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ МАГРИБА (ТУНИС, МАРОККО)

Ликвидация остатков колониализма, преобразование отсталых социально-экономических структур в сельском хозяйстве стали одним из необходимых условий создания основ независимой национальной экономики в странах Северной Африки. После завоевания независимости в этих странах были проведены аграрные преобразования с целью модернизации социально-экономических структур и развития сельского хозяйства.

В Тунисе в результате законодательной деятельности государства значительно сократилась база феодального землевладения, подорванная в развитых сельскохозяйственных районах иностранной земельной колонизацией еще до независимости. Ликвидация в конце 50-х годов общественных и частных хабусов, продажа государством хабусных и национализированных колонистских земель, сдача их в аренду частным лицам, передача в частную собственность части обширных земель, проведение аграрной реформы, увеличившей число земельных собственников в долине р. Меджерды содействовали развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Проводившаяся под руководством бывшего министра экономики и планирования Бен Салаха политика преимущественно развития кооперативного сектора в сельском хозяйстве в 1962 — 1969 гг., а также установление государственного контроля в сфере обращения хотя и затруднили быстрое развитие частнокапиталистического уклада, но не прервали этот процесс окончательно, поскольку позиции аграрной буржуазии не были поколеблены.

Победа в 1969 г. либерально-буржуазной группировки в руководстве страны привела к устранению Бен Салаха и изменениям в аграрной политике, что выразилось в отказе от курса на развитие производственного кооперирования в деревне, рас-

пуске подавляющего большинства кооперативов, ориентации на преимущественное развитие частного сектора.

В Марокко развитие капиталистических отношений в земледелии отягощено докапиталистическими пережитками и носит затяжной характер. В стране, где крупные помещики являются одной из опор феодально-монархического режима, сохраняется феодальное землевладение. Правящие круги видят свою цель в ускорении трансформации социально-экономических структур на капиталистической основе, принимая с этой целью меры по развитию частного предпринимательства.

Поставленные перед необходимостью повышения темпов сельскохозяйственного производства и решения продовольственной проблемы, правительства стран Магриба предпринимают усилия по внедрению элементов «зеленой революции», расширению орошаемого земледелия, одним словом, к развитию интенсивных систем земледелия. Основным социальным ядром складывающихся в Тунисе и Марокко таких интенсивных систем являются, в первую очередь, средние и крупные частные хозяйства современного типа, которые и дают основную часть товарной продукции. Ускорение капиталистической трансформации деревни стало в 70-е годы основным направлением аграрного развития как в Тунисе, так и в Марокко.

В Тунисе развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве значительно активизировалось с начала 70-х годов. Этому, в частности, содействовали: роспуск основной массы кооперативных хозяйств, продажа частным лицам земель из государственного фонда, усиление материальной и финансовой помощи государства частному сектору, в особенности предпринимательским хозяйствам. Усилилась концентрация земли в руках аграрной буржуазии. Вышедшие из кооперативов феллахи уже не могли прокормиться со своих участков и свести концы с концами, разорялись, а их земли скупались сельскими предпринимателями.

В Марокко благоприятные условия для развития капитализма в сельском хозяйстве обеспечивались такими мерами правительства, как развитие сельскохозяйственного кредита, распределение между крестьянами земли в ходе аграрной реформы в начале 70-х годов, принятие кодекса сельскохозяйственных инвестиций, расширение ирригационного строительства. Плодами этого комплекса мер воспользовались крупные землевладельцы и сельская буржуазия. В их руках концентрировались плодородные орошаемые земли, на которых возделывались экспортные культуры.

Дальнейшее проникновение капитализма в земледелие, происходящее под влиянием проводимой в странах Магриба аг-

рарной политики, усилило имущественную и классовую дифференциацию, привело к значительным сдвигам в социальной структуре сельского общества, выразившимся, в первую очередь, в развитии основных классов буржуазного общества. Эти процессы нашли свое отражение, в частности, в росте численности наемных рабочих в аграрном секторе. Так, их число в Тунисе увеличилось со 180 тыс. в 1956 г. до 192 тыс. в 1975 г., что составило соответственно 33% и 42% всей мужской рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве¹. Постоянно росла и численность сельскохозяйственных рабочих в Марокко: с 336 тыс. человек в 1960 г. до 419 тыс. в 1971 г. и 458 тыс. человек в 1977 г.². Вместе с тем удельный вес сельскохозяйственных рабочих в Марокко остается пока сравнительно низким: 20% экономически активного населения в сельском хозяйстве в 1960 г. и 21,7% — в 1977 г.

Под влиянием мер, направленных на ускорение капиталистической модернизации деревни, в странах Магриба происходило размывание мелкокрестьянской прослойки, выталкивание крестьян из сферы сельскохозяйственного производства, разбухание «сферы бедности». В Тунисе по данным сельскохозяйственной переписи 1961 — 1962 гг. полностью безземельными были 235 тыс. семей, что составляло 42% всех сельских семей³. В промежутке между сельскохозяйственными переписями 1961 — 1962 и 1970 — 1971 гг. количество земледельческих хозяйств сократилось на 5 тысяч⁴.

Земельный голод — одна из наиболее острых проблем марокканской деревни. По данным аграрной переписи Марокко 1973 — 1974 гг. в стране насчитывалось 450 тыс. безземельных хозяйств, что в целом составило 23,4% всей численности сельских хозяйств⁵.

Следует при этом заметить, что для социальных процессов, протекающих в магрибинской деревне, характерна не столько пролетаризация крестьянства в результате его разорения, сколько его обнищание, пауперизация. Абсолютное преобладание мелких и мельчайших хозяйств — характерная черта социально-экономических структур аграрного сектора в странах Магриба. В Тунисе, например, по данным сельскохозяйственной переписи 1970 — 1971 гг. число мелких крестьянских хозяйств (размером до 10 га)⁶ составляло 63,6% общей численности хозяйств, причем в 1976 г. их удельный вес возрос до 64,2%. При этом 41% всех хозяйств имели в начале 70-х гг. менее 5 га на семью, что не позволяло обеспечить ее доходами с земледельческого хозяйства, вследствие чего главы семей вынуждены были искать возможности приработка на стороне⁷.

¹О масштабах обнищания тунисского крестьянства свиде-

тельствует тот факт, что в начале 70-х гг. для 160 тыс. глав сельских семей деятельность в сфере сельскохозяйственного производства не являлась главным источником доходов, и они, чтобы прокормить семью, вынуждены были искать работу вне аграрного сектора. По численности эта группа населения составляла 29% всей мужской рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. Эта категория сельских жителей представляла собой наиболее обездоленную прослойку туниссского общества и состояла в основном из безземельных и малоземельных крестьян, сельскохозяйственных рабочих, безработных.

Громадное количество мелких и мельчайших хозяйств, доходов с которых совершенно недостаточно для поддержания жизненного уровня крестьянской семьи, существует и в Марокко. В соответствии с аграрной переписью 1973 — 1974 гг. хозяйства размером до 10 га составляли до 68% общей численности хозяйств, им принадлежало 45% земли. При этом мелкие и мельчайшие хозяйства имевшие менее 5 га, составляли 56,5% общей численности хозяйств. Каждое хозяйство в этой группе имело только 1,6 га земли в среднем, что не обеспечивает прожиточного уровня крестьянской семье. При этом с 1960 по 1971 гг. удельный вес беднейших хозяйств удвоился⁸, крестьяне с трудом сводили концы с концами.

С 1960 по 1977 гг. число людей, проживавших в сельской местности и находившихся, в соответствии с официальными данными, «ниже порога бедности», возросло на 23,4%, а удельный вес абсолютно бедных хозяйств достиг к середине 70-х гг. 80% всех хозяйств. Они охватывали главным образом безземельных и феллахов, располагавших менее 5 га земли⁹.

Поскольку развивающиеся в деревне стран Магриба современные формы производства, несмотря на усилия правящих кругов этих стран, не способны полностью поглотить продукты разложения традиционного мелкого хозяйства, происходит рост «избыточного» населения в аграрном секторе, увеличивается безработица и неполная занятость. По подсчетам французского экономиста А. Тьяно, уже в 60-х годах уровень неполной занятости в аграрном секторе Марокко составлял 50%. С тех пор положение с занятостью населения в сельской местности мало изменилось, о чем свидетельствует большое число сезонных рабочих и лиц, имеющих случайный заработок. Как свидетельствует аграрная перепись Марокко 1973 — 1974 гг. удельный вес постоянных рабочих в общей численности сельскохозяйственного пролетариата в 800 тыс. человек составил 23,5%, в то время как временных — 76,5%¹⁰.

Высокий уровень аграрного переизбытка, нищета подавляющего большинства сельских жителей обуславливают усиле-

ние миграционных потоков из сельской местности в городские центры. Так, в Тунисе средний ежегодный уровень миграции сельских жителей в городе уже в 1970 — 1971 гг. в среднем возрос по сравнению с 1960 — 1968 гг. в 5 раз, составив 14,3 тыс. чел.¹¹ В Марокко средний ежегодный поток сельских мигрантов, составлявший в 1952 — 1960 гг. в среднем ежегодно 46 тыс. чел., а в 1960 — 1971 гг. — 86 тыс. чел., к концу 70-х гг. удвоился, достигнув, 170 тыс. чел.¹² Массовый отток жителей из сельской местности и стягивание их в городские центры создает новые экономические и социальные проблемы, ведет к обострению политической обстановки.

Не способствовала разрешению острых социальных противоречий в деревне Туниса и земельная реформа, которая проводилась лишь на орошаемых землях в долине р. Меджерды. В целом она не затронула позиции аграрной буржуазии, а напротив, была направлена на укрепление фермерской прослойки в этом плодородном районе. То же самое можно сказать и о земельной реформе в Марокко, которая проводится на базе бывших колониальных хозяйств, а также общинных и хабусных земель, без ущемления имущественных прав крупных землевладельцев. Здесь к 1976 г. среди крестьян было перераспределено около 380 тыс. га, что составило лишь 37% земель, находившихся прежде в руках колонистов. В целом было перераспределено не более 4% обрабатываемых земель, а количество семей, получивших землю, было незначительным по сравнению с общим числом безземельных крестьян¹³.

В то же время владения марокканской аграрной буржуазии, представители которой сумели выкупить часть колониальных и уже официально деколонизованных земель, за годы независимости значительно выросли: с 300 тыс. га до 1 млн. га. Если в 60-е гг. насчитывалось несколько сот семей земельной буржуазии, то к концу 70-х годов численность крупной и средней сельской буржуазии в Марокко составила уже 5 тыс. человек. Хозяйства аграрной буржуазии дают более половины всего объема товарной продукции. С середины 60-х до середины 70-х гг. размеры земельных владений зажиточных крестьян, помещиков и крупной сельской буржуазии увеличились на 55% площади обрабатываемых частных земель, а число крупных землевладельцев — на 5,7%, что свидетельствует об усилении концентрации земли в руках эксплуататорской верхушки¹⁴. Отметим также, что в результате аграрной политики, ориентированной на развитие частного предпринимательства в деревне и создание «класса-буфера» из зажиточного крестьянства, в последнее десятилетие в Марокко значительно укрепилась кулацкая прослойка.

В тунисской деревне после изменения курса аграрной политики с начала 70-х гг. наблюдался быстрый рост предпринимательской прослойки. Так, удельный вес группы хозяйств, располагавших от 50 до 100 га земли, возрос с 3,8% в 1970 — 1971 гг. до 4,6% в 1976 г.¹⁵ Эти данные отражают изменения в социальной структуре сельского населения, происходящие под влиянием проводимой тунискими властями аграрной политики, направленной на развитие «средних классов», т. е. крепких фермерских хозяйств, способных обеспечить необходимый экономический рост и давать значительную часть товарной продукции.

Сказанное выше свидетельствует о глубоко зашедшем процессе социальной и классовой дифференциации в современной магрибинской деревне. Однако особенность протекающих здесь социально-экономических процессов заключается в том, что становление современных укладов не сопровождается адекватным преобразованием докапиталистических структур и не может полностью поглотить продукты их распада. Вследствие этого докапиталистические структуры в Тунисе и Марокко в меньшей или большей степени сохраняются в застойном состоянии весьма длительное время. Развивающемуся в деревне стран Магриба капитализму не удалось создать и соответствующую современному обществу социальную структуру. Развитие капиталистических отношений в аграрном секторе на данном этапе характеризуется преобладанием промежуточных социально-экономических структур, социальных категорий переходного типа, ростом «сферы бедности», увеличением численности маргинальных слоев.

Примечания

¹ Видясова М. Ф. Экономика стран Магриба. М., 1982, с. 103.

² Seddiqi A. Structures agraires et proletarianisation de la paysannerie magrépine, Alger, 1984, p. 16.

³ Зудина Л. П. Аграрные отношения в Тунисе. М., 1976, с. 93.

⁴ Зудина Л. П. Аграрные преобразования и развитие сельского хозяйства в странах Магриба. М., 1983, с. 53.

⁵ Al-Bayane. 6. IV. 1977.

⁶ Считается, что в Северной Африке на суходольных землях участок размером до 10 га позволяет удовлетворить основные нужды в продовольствии средней крестьянской семье из 5 человек.

⁷ Зудина Л. П. «Аграрные преобразования...», с. 53—54; Revue tunisienne de sciences sociales (RTSS), Tunis, № 65. 1981. p. 45.

⁸ Taha J. E. Decomposition des structures precapitalistes et mobilité primitive de la force de travail au Maroc (1900—1980). Alger, 1984, p. 18.

* *Tebaa J. E.* Decomposition des structures precapitalistes..., p. 17; *Seddiki A.* Structures agraires et proletarianisation..., p.17.

¹⁰ *Seddiki A.* Structures agraires et proletarianisation de la paysannerie marocaine..., p. 16, 18.

¹¹ RTSS № 65, 1981, p. 85.

¹² *Seddiki A.* Structures agraires..., p. 19.

¹³ *Зудина Л. П.* Аграрные преобразования..., с. 62—63; *Tebaa J. E.* Decomposition des structures precapitalistes..., p. 17.

¹⁴ *Зудина Л. П.* Аграрные преобразования..., с. 60; *Куца А. А.* Аграрные отношения в Марокко. М., 1984, с. 42, 55.

¹⁵ RTSS, № 65, 1981, p. 45.

АРАВСКИЕ НЕФТЕДОВЫВАЮЩИЕ СТРАНЫ В 80-Е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Для арабских стран—экспортеров нефти, главным образом членов ОПЕК, так же как и других развивающихся стран—членов этой организации, 80-е годы оказались годами больших испытаний и потрясений.

Внешне это проявилось в значительном сокращении экспорта нефти и доходов от нее, падении темпов экономического роста, снижении темпов импорта, сокращении экономических программ, и, наконец, в ухудшении финансового положения, сопровождаемого обострением проблем задолженности.

В основу этих трудностей легли, прежде всего, значительные изменения в конъюнктуре мирового рынка нефти. При этом еще большим изменениям подверглось положение участников ОПЕК на этом рынке.

Противоречивое воздействие на экспортеров нефти оказывал высокий курс доллара — традиционной валюты платежа за нефть. Стали проявляться первые результаты экономического развития этих стран, сущности и методов их экономической политики.

После двух скачков цен на нефть (в 1973 — 1974 и в 1979 гг.), ее повышении до 32 — 40 долл. за баррель в январе 1981 г., т. е. более чем в 20 раз по сравнению с уровнем 1973 г., рынок нефти стал характеризоваться ситуацией, типичной для «рынка покупателя», когда значительно возросший круг продавцов и предлагаемый ими объем товара встречал весьма малый спрос со стороны основных потребителей нефти — развитых капиталистических стран¹.

Более эффективнее, чем предполагали многие исследователи в 70-е годы, меры по энергосбережению, значительные изменения в структуре потребления первичных энергисточников за счет увеличения доли альтернативных традиционных (уголь, газ, атомная энергия) и нетрадиционных (биофотосинтез, энергия солнца, морей и т. д.), оказали серьезное депресси-

рующее воздействие на спрос на нефть в 80-е годы. В итоге общее удорожание энергетического компонента в производстве товаров и услуг предопределило значительное снижение темпов роста потребления энергии в несоциалистическом мире: менее 2,2% в год, начиная с 1973 г., по сравнению с 5% в предыдущие два с половиной десятилетия². В значительной мере новая динамика предопределялась снижением энергоемкости валового национального продукта (ВНП) прежде всего развитых капиталистических стран и появлением начиная со второй половины 70-х годов тенденции отставания динамики энергопотребления от темпов экономического роста.

Немаловажным фактором снижения спроса на нефть был мировой экономический кризис начала 80-х годов, захвативший не только развитые капиталистические страны, но и развивающиеся государства. В итоге мировые цены на нефть снизились до 25 — 27 долл. за баррель в 1984 г.

Одновременно, наряду с абсолютным сокращением объема экспорта нефти, происходило падение доли ОПЕК на фоне роста производства и экспорта жидкого топлива в различных районах мира.

Если в 1973 г. экспорт нефти из стран — членов ОПЕК в несоциалистические государства достигал 1480 млн. т. условного топлива (т. у. т.) и составлял 36,5% их общего энергопотребления, то в 1984 г. эти показатели сократились более чем вдвое — до 730 млн. т. у. т. и 17,8%³. При этом некоторое общее сокращение добычи и экспорта нефти в мире сопровождалось более интенсивным их перераспределением в пользу относительно новых и не входящих в ОПЕК нефтеэкспортеров (Мексика, Англия, Норвегия и др.). В 1983 г. доходы участников ОПЕК сократились до 160 млрд. долл. тогда как еще в 1980 г. они достигли своего пика — 279 млрд. долл.⁴ Снижение цен на нефть и сокращение ее продажи поставило практически всех участников ОПЕК перед дилеммой свертывания социально-экономических программ или увеличения внешней задолженности. Сокращению подверглись также зарубежные финансовые авуары (т. н. «излишки») ряда арабских стран (Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия).

В новых, сложных условиях 80-х гг., ряд, в том числе арабских, стран — экспортеров нефти шли на нарушение договоренностей в рамках ОПЕК относительно страновых квот по производству и экспорту нефти и пытались увеличивать продажу путем предоставления скрытых скидок, заключения бартерных сделок и т. д. Основная же часть сокращений экспорта приходилась на долю вышеуказанных арабских стран, которые стремились выступать в роли «стабилизаторов», в условиях все

ухудшающейся конъюнктуры рынка нефти в 80-е гг. В целом же в этот период наблюдалось серьезное ослабление регулирующих функций ОПЕК, а цены на рынке больше отражали различные факторы спроса и предложения.

Наряду с падением доходов от нефти, ее экспортеры, прежде всего из числа развивающихся стран, испытывали весьма противоречивое воздействие валютно-финансовой ситуации в мире в 80-е гг. Как известно, она характеризовалась высоким обменным курсом доллара и процентными ставками на долларо-вые вклады.

Повышение обменного курса и покупательной способности доллара вне США оказывали известное смягчающее воздействие на сокращение объема доходов нефтеэкспортеров. Иначе говоря, «нефтяные счета» подавляющего большинства импортеров сократились ненамного или не сократились вовсе в связи с падением курсов практически всех валют по отношению к доллару и сохранением такого положения до середины 80-х гг.

Определенный сдерживающий эффект на понижение доходов от нефти имели также доходы от помещенных главным образом на Западе финансов-излишков ряда нефтеэкспортеров и прежде всего Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ⁵. Более 70% этих средств составляют долларо-вые авуары, дающие высокие проценты и дивиденды.

Высокие обменный курс доллара и процентные ставки на долларо-вые депозиты оказывали также и негативное влияние на валютную выручку стран—экспортеров нефти.

Дополнительным соображением в пользу сдерживания импорта нефти для Западной Европы и Японии был, естественно, подорожавший доллар США. Известно, что богатые арабские нефтедобывающие страны делили с западным финансовым капиталом выгоды от повышения процентных ставок. Однако очевидно и то, что по той же причине на плечи многочисленной группы нефтеэкспортеров—должников легли резко возросшие выплаты (в особенности по процентам) иностранным кредиторам. Так в 1985 г. чистая задолженность этой группы Западу оценивается в 100 млрд. долл.⁶

Такое, весьма противоречивое воздействие доллара на страны—экспортеры нефти не могло не влиять на возможности ОПЕК контролировать ситуацию на рынке жидкого топлива и способствовать усилению социально-экономической дифференциации внутри самой группы нефтеэкспортеров.

Финансовая помощь и уступки по квотам добычи нефти испытывающим большие трудности нефтеэкспортерам, со стороны «богатых» участников ОПЕК, оказывались далеко недостаточными, чтобы вывести, например, такую страну, как Нигерия, из

состояния острейшего кризиса платежеспособности. Даже скрытое увеличение экспорта нефти и сокращение импортных программ не могли приостановить резкое ухудшение показателя ликвидности «бедных» нефтеэкспортеров⁷. Начиная с 1982 г., он был почти вдвое хуже, чем в 1973 г., т. е. до резкого повышения цен на нефть⁸.

Следует особо подчеркнуть и тот факт, что дефицит платежных балансов стали испытывать малонаселенные монархии Аравийского полуострова. Так, у Саудовской Аравии в 1983 г. дефицит составил 18 млрд. долл.⁹.

На основе некоторых оценок и прогнозов предполагается и способность нефтеэкспортеров адаптироваться к условиям сокращающегося импорта и относительной стабильности экспорта. Такое мнение представляется весьма спорным, т. к. если для малонаселенных стран Персидского залива сохранение экспорта нефти на нынешнем низком уровне будет какое-то время оказывать депрессирующее воздействие на их финансовые «излишки», то для другой подгруппы стран, в условиях серьезных трудностей в получении иностранных кредитов, такое положение означает сокращение жизненно важных статей импорта с последующими тяжелыми последствиями для экономического развития и социально-политической ситуации.

Что же касается «излишков» главным образом ряда арабских стран Персидского залива, то вопрос здесь состоит в том, какое воздействие на почти 400-миллиардный рынок нефтяных денег (70% из них — нефтедоллары) окажут будущая динамика экспорта нефти и цен на нее, положение с долларом, борьба ОПЕК за сохранение статуса кво на рынке (включая помощь наиболее пострадавшим ее участникам), единство самой ОПЕК, политики экономического развития ее участников и ряд других факторов.

Неодинаковое воздействие падения доходов от нефти на арабские нефтедобывающие страны с высокими и низкими абсорбционными способностями, предопределило существенные различия в наборе экономических проблем обеих подгрупп стран.

Представители первой подгруппы в большинстве своем оказались практически в типичной ситуации кризиса задолженности, с которым столкнулись многие другие развивающиеся государства. Это прежде всего относится к таким странам, как Алжир и, с определенными оговорками, Ирак. Как и другие нефтедобывающие страны, обладающие значительной индустриальной базой и достаточно диверсифицированной экономикой (Венесуэла, Индонезия, Мексика, Иран, в какой-то мере Нигерия), они в связи со значительно увеличившимися в 70-е гг. нефтяными доходами, рассматривались в финансовых кругах Запада как

клиенты с благоприятными показателями кредитных рисков. В связи с этим, в условиях ускоренного роста, дополнительные финансовые потребности легко покрывались путем привлечения иностранного капитала (главным образом банковских кредитов). Когда же сокращение экспортных доходов и соответствующее снижение темпов роста в 80-е гг. совпало с необходимостью резкого увеличения платежей по процентам в связи со значительным повышением их ставок, указанные страны оказались в типичной для этого периода долговой «ловушке». Даже если должники не обращались к кредиторам с просьбой об отсрочке выплат, их резко возросшие объемы вынуждали указанных нефтэкспортеров идти на серьезное сокращение импорта, внутреннего, в том числе производственного потребления, приостановку многих инвестиционных программ, девальвацию национальных денежных единиц, сталкиваться с ростом инфляции, безработицы, недогрузки производственных мощностей и др. В итоге они втягивались в острый кризис экономического развития, зачастую сопровождаемого стагнацией или даже сокращением валового национального продукта (ВВП). Так, ежегодные выплаты по внешней задолженности (проценты и амортизация) съедают более трети экспортных доходов Алжира, а вся внешняя задолженность превышает две трети валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Хотя последний показатель превысил 90% ВВП Ирана (34 млрд. долл. в 1984 г.), львиная часть этой суммы приходится на помощь других арабских нефтедобывающих стран Залива. Поэтому основная часть выплат прежде всего по краткосрочной задолженности (4,3 млрд. долл.) не превышает одной десятой экспортной выручки¹⁰. Ирак и так был бы неспособен платить больше в условиях заткнувшейся войны и сокращения экспорта нефти.

Неблагоприятные условия 80-х гг. оставили также свой значительный след на осуществление программ развития в таких странах, как Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). То, что наиболее богатые нефтедобывающие страны оказались перед лицом серьезных экономических трудностей, правда несколько другого порядка, чем другие нефтеэкспортеры, сам по себе факт интересный и относительно новый.

Как уже отмечалось, основная часть сокращений экспорта нефти участников ОПЕК пришлось на малонаселенные арабские монархии Персидского залива. При этом некоторое время осуществление импортных программ продолжалось на базе заложенных ранее в планах, высоких темпах роста. Особенно этот процесс был характерен для Саудовской Аравии, где уже в 1983 г. испытывался такой дефицит платежного баланса

(18 млрд. долл.), что по данному показателю страна оказалась на втором месте после США¹¹. Конечно, огромные для масштабов указанных трех стран зарубежные активы, или т. н. «нефтяные деньги» (в основном нефтедоллары), в значительной мере смягчали трудности с платежными балансами.

Сокращение этих активов, начиная с 1983 г., указывало на то, что доходы на них уже не обеспечивали балансирования внешних расчетов указанных арабских стран.

Резкое ухудшение финансового положения частных и государственных организаций в условиях сокращения госрасходов довольно ярко вскрыло имманентную слабость и искусственность многих основополагающих элементов программ развития указанных государств в течение последних 10 — 12 лет.

В основе стратегии развития малонаселенных и богатых монархий Аравийского полуострова лежало стремление ускоренной культивации местного, частного капитала на базе мощной финансовой, законодательной и всякой другой поддержки со стороны государства. А последнее располагало для этого уникальными финансовыми возможностями, которые практически без ограничения использовались для финансирования, субсидизации бизнеса. Для многих частных предприятий государство являлось основным, а иногда и единственным источником первоначального накопления капитала. Законодательная же защита прежде всего заключалась в «саудизации», «кувейтизации» банков, других частных предприятий, которые могли только открываться местными гражданами и с преимущественным участием их капитала. Были также приняты другие меры, поощряющие развитие национального частного предпринимательства.

Однако опыт создания «здорового и крепкого» капитализма в этих странах оказался в целом негативным. Государству, как правило, не удалось вывести местный бизнес за пределы торгово-ростовщических операций, спекуляций с недвижимым имуществом, транспортных и других видов услуг. А там, где норма прибыли была ниже (т. е. в промышленности, промышленной инфраструктуре, некоторых других сферах экономической активности), действовали главным образом государственные организации.

В особом положении было сельское хозяйство этих стран в результате щедрых субсидий их правительств. В Саудовской Аравии была достигнута самообеспеченность в производстве зерна, мяса, молока, ряда других сельскохозяйственных продуктов. Однако для того, чтобы обеспечить рентабельность ферме, государство закупает у фермеров их продукцию по весьма завышенным по сравнению с мировыми стандартами ценам.

До сих пор значительная доля спроса в экономике указан-

ных стран создается государством. А это значит, что последнему не удалось развить частный сектор так, чтобы он мог хотя бы частично воспроизводиться на собственной основе. В 70-е гг. подавляющая роль государства представлялась «естественной» в связи с необходимостью создания основных элементов производственной и социальной инфраструктуры, строительства крупнейших предприятий нефтепереработки, нефтехимии, других базовых отраслей промышленности. Однако последующий этап развития, который по замыслу руководителей этих стран должен был привести к активизации роли частного капитала, не дал ожидаемых результатов.

Более того, падение экспортных доходов и темпов экономического роста в 80-е гг. и связанная с этим необходимость сокращения государственных расходов показали всю слабость частного сектора и его крайнюю зависимость от щедрот госбюджета. В принципе признаки этой слабости были уже видны на примере провала в 1982 г. фондовой биржи «Сук эль-Манак» в Кувейте. Спекулятивное завышение цен акций отражало прежде всего положение с земельными участками и недвижимым имуществом. В то же время реальное производство товаров и услуг, производительность труда и другие показатели были еще в целом на низком уровне, т. е. «Сук эль-Манак» не был основан на «реальной экономике».

Отсутствие адекватной оценки активов частных компаний, банков привело к тому, что в условиях кризиса значительная часть финансовых обязательств оказалась не выполненной, что поставило многие банки на грань банкротства. Только вмешательство государства спасло в данном случае положение.

В условиях дефицита госбюджета и снижения внутреннего спроса в Кувейте за предшествующий год произошло падение цен на недвижимое имущество на 30 — 40%, схождение курсов акций и соответственно сокращение доходов от инвестиций на 20%¹².

Примерно такое же положение наблюдалось в Саудовской Аравии, где не обладающие крупным капиталом фирмы не выдерживают снижения цен и нормы прибыли. Невыплаченная банкам в срок задолженность компаний составляет 5 млрд. долл.¹³

Таким образом, в 80-е гг. наиболее богатые арабские нефтедобывающие страны, избравшие капиталистический путь развития, столкнувшись с финансовыми трудностями, обнаружили слабость и нереальность избранной ими модели развития. Десятилетие тепличных условий для частного предпринимательства в этих странах сменилось необходимостью выжить в условиях ослабления государственной поддержки, падения доходов от

экспорта, темпов роста экономики и занятости и т. д. В результате адаптация к дефицитам платежных балансов, сокращению нефтодолларовых авуаров протекала в условиях острейшего кризиса социально-экономического развития указанных государств.

Примечания

¹ World Financial Markets, Sept. 1982, с. 6.

² The World Today, April 1985, с. 62.

³ Там же.

⁴ Petroleum Economist, June 1984, с. 217.

⁵ По различным оценкам зарубежные активы Саудовской Аравии достигали 170 — 180 млрд. долл., Кувейта — 90 — 100 млрд. долл., ОАЭ — порядка 50 млрд. долл.

⁶ OPEC—The Financial Crisis Solomon Brothers Inc., Jan. 1985, с. 8.

⁷ Показатель ликвидности выражается в количестве недель или месяцев, в течение которых импорт может оплачиваться существующими у страны золото-валютными резервами.

⁸ OPEC—Financial Crisis Solomon Brothers Inc., Jan. 1985, с. 1.

⁹ The Banker, May 1985, с. 58.

¹⁰ Там же, с. 58 — 60.

¹¹ Там же, с. 58.

¹² Kuwait: A Special Report, International Herald Tribune, 18. 04. 1985, с. 9.

¹³ Euromoney, July 1985, с. 143.

СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ФИРМ НА РЫНКЕ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА АРАБСКИХ СТРАН

Экономическое положение арабских стран в начале 80-х гг. определялось сложным переплетением различных факторов, среди которых ведущую роль играло ухудшение общих условий их хозяйственного развития, вызванное в первую очередь влиянием циклического и структурных кризисов конца 70-х — начала 80-х гг. в мировом капиталистическом хозяйстве, возросшей степенью их зависимости от внешних экономических связей, внутренними сложностями перестройки отсталых социально-экономических структур, обострением экономических и политических противоречий между странами региона, усилением империалистического давления на них.

Особо неблагоприятное воздействие на процесс экономического развития большинства арабских стран оказало ухудшение (с точки зрения стран — экспортеров) конъюнктуры мирового рынка нефти, выразившееся в падении спроса на жидкое топливо, снижении мировых цен на этот товар, уменьшении доли арабских стран в мировой добыче и экспорте нефти, сокращении нефтяных доходов, ухудшении их валютно-финансового положения и, в конечном счете, замедлении темпов экономического роста и общем снижении деловой активности в регионе.

Изменение в начале 80-х гг. некоторых внешних и внутренних факторов экономического роста арабских стран, оказало отрицательное воздействие на конъюнктуру регионального рынка капитального строительства. Снизилась общая стоимость заключаемых контрактов, ужесточились условия контрактных обязательств, обострилась конкуренция между фирмами за пополнение портфеля заказов, повысилась роль политических факторов при определении возможных партнеров. Участились случаи нарушения платежной дисциплины и обращения государственных организаций стран региона с просьбой о предоставлении рассрочек платежей по контрактам. Расширилось использова-

ние нефти и некоторых других видов минерального сырья в качестве платежного средства. В результате, региональный рынок го многом приобрел черты «рынка покупателя», что укрепило позиции входящих в него стран.

Общая стоимость контрактов в капитальном строительстве заключенных в арабских странах, достигнув своего максимального уровня в 69,2 млрд. долл. в 1981 г. снизилась до 47,4 млрд. долл. в 1982 г., 37,8 млрд. долл. в 1983 г. и 24,5 млрд. долл. в 1984 г.¹. Устойчивая тенденция снижения притока заказов наблюдалась и в группе 100 крупнейших (по стоимости подписываемых контрактов) подрядно-строительных компаниях, действующих в странах региона (в млрд. долл.): в 1981 г. — 39,1, в 1982 г. — 32,7, в 1983 г. — 21,9. Спад деловой активности в наибольшей мере затронул капитальное строительство в таких отраслях, как (в скобках — падение стоимости новых контрактов с 1981 по 1984 гг., в %) обрабатывающая промышленность, исключая нефтепереработку (88,9), транспорт и связь (62,1), гражданское строительство (55,7), образование и здравоохранение (52,4).

Наибольшее сокращение притока новых заказов наблюдалось (в скобках — падение стоимости новых контрактов с 1981 по 1984 гг., в %) в Ливии (94,6), Ираке (84,0), Бахрейне (74,0), Катаре (69,9), Марокко (69,4) и Саудовской Аравии (55,7).

Так, в Ливии общая стоимость новых контрактов в области капитального строительства сократилась с 14,7 млрд. долл. в 1981 году до 0,8 млрд. долл. в 1984 г., в результате чего она по данному показателю переместилась с 3 на 9 место в регионе. В 1982 г. впервые Ливия перестала быть страной, расчеты с которой производились только за наличные, преимущественно за свободно конвертируемую валюту. Ухудшение конъюнктуры ливийского строительного рынка выразилось и в использовании нефти в качестве платежного средства по новым контрактам, а также для погашения просроченных платежей по завершенным и действующим контрактам. В последние годы, по некоторым оценкам, «нефтяной бартер» достигал 40% ливийского экспорта. Ставшие в последнее время нормой просрочки платежей, а также значительно усложнившаяся процедура оформления и оплаты счетов по текущим обязательствам привели, по сути дела, к своеобразному фирменному кредитированию ливийской стороны на льготных условиях.

Иракский рынок объектов капитального строительства также не только сужается, но и характеризуется резким ухудшением условий работы для иностранных подрядчиков. В апреле 1982 г. было официально объявлено о введении курса «жесткой экономики» в отношении новых контрактов. В условиях ост-

рого дефицита платежных средств в стране большинство иностранных инженерно-строительных компаний столкнулось с практикой задержки платежей по действующим контрактам, общая сумма которых достигла внушительных размеров.

Многим подрядчикам было предложено с помощью своих правительств самим изыскивать средства для завершения работ на объектах. Ирак, также как и Ливия, в ходе обсуждения вопросов по погашению просроченных платежей по действующим контрактам, а также на переговорах по новым контрактам, все активнее стал поднимать вопрос об осуществлении части платежей нефтью. Спад деловой активности на рынках объектов капитального строительства Ливии, Ирана, а также некоторых других крупных арабских стран, оказал особо неблагоприятное воздействие на общую конъюнктуру регионального рынка.

По мере сужения рынка капитального строительства, сокращения программ развития и ужесточения конкуренции отчетливо проявилась тенденция активизации совместных выступлений подрядно-строительных фирм на национальном, региональном и международном уровне. Практика строительства хозяйственных объектов с участием консорциумов становится все более распространенной. Нередко создаваемые консорциумы не ограничиваются реализацией одного или нескольких проектов, а носят долгосрочный характер, получают юридическое оформление. Это обстоятельство повысило и без того высокую степень монополизации регионального строительного рынка, еще больше затруднило проникновение в арабские страны новых инженерно-строительных компаний.

Обострение конкурентной борьбы, ужесточение условий контрактных обязательств, а также возросшая роль политических факторов привели к заметному перераспределению позиций иностранных фирм на региональном рынке объектов капитального строительства. Наряду со стабилизацией или снижением удельного веса заказов фирм и организаций большинства развитых капиталистических и социалистических стран наблюдается существенное увеличение доли новых контрактов, приходящихся на фирмы развивающихся стран (Южной Кореи, Турции, Индии, Филиппин, Бразилии и др.). Эти компании развернули свою деятельность в арабских странах лишь в середине 70-х гг., однако к настоящему времени заняли видное место на региональном рынке и имеют солидный портфель заказов на перспективу.

Сокращение притока заказов с начала 80-х гг. у большинства иностранных подрядчиков затронуло инженерно-строительные фирмы из развивающихся государств в меньшей степени. Так, у группы фирм из развивающихся стран, вошедших в число 100 крупнейших компаний в регионе, стоимость подписан

ных контрактов сократилась с 14,5 млрд. долл. в 1981 г. и 14,9 млрд. долл. в 1982 г. до 11,9 млрд. долл. в 1983 г. Доля этих компаний в общей стоимости контрактов фирм «первой сотни» увеличилась с 31,5% в 1981 г. до 37,0% в 1983 г. В наибольшей степени свою долю на региональном рынке увеличили южнокорейские компании (с 18,9% в 1981 г. до 28,8% в 1983 г.). В целом за три года (1981 — 1983 гг.) удельный вес компаний из развивающихся стран в общей стоимости контрактов, подписанных 100 крупнейшими фирмами, составил 32,8% в том числе южнокорейских фирм — 20,2%.

В последние годы первые места в списке 100 крупнейших фирм также занимают строительные компании из данной группы стран. В 1982 г. этот список возглавила бразильская компания «Конструктора Мендеш жуниор» (приток заказов — 3 млрд. долл.), в 1983 г. — южнокорейская фирма «Донг А. контрашн индастриал К^э» (3,4 млрд. долл.).

Особенно успешно в арабском регионе действуют южнокорейские строительные фирмы. Эти компании в основном специализируются в области гражданского и транспортного строительства, а также экспорта рабочей силы. Немалая часть оборудования поставляется ими по реэкспорту. Нередко в качестве субподрядчиков по контрактам южнокорейских компаний выступают японские и американские фирмы, считая такой путь одним из эффективных способов проникновения на региональный рынок.

В 1983 г. число южнокорейских компаний, действующих в арабских странах, превысило 60, из которых 13 вошли в список 100 крупнейших подрядчиков, заключив контракты на общую сумму 6,3 млрд. долл.

Важной сравнительно новой чертой современного положения на рынке капитального строительства арабских стран является рост числа и значительное укрепление позиций местных строительного-монтажных и инженерно-консультационных фирм. Особенно это заметно в странах региона, наиболее развитых в хозяйственном отношении. В этих государствах местные фирмы имели достаточно времени, чтобы приобрести необходимый опыт и занять прочное место на рынке капитального строительства. Многие из этих фирм располагают необходимыми производственными мощностями и рабочей силой для осуществления на высоком уровне достаточно сложных крупномасштабных проектов, преимущественно в области инфраструктуры. Некоторые из них превратились в диверсифицированные строительные концерны, проводящие работы во многих отраслях региона.

Местные подрядно-строительные компании начинают оказывать все более серьезную конкуренцию иностранным фирмам.

Если в 1981 г. в список 100 крупнейших инженерно-строительных компаний вошли 6 фирм из арабских стран, которые заключили контракты на общую сумму 2,1 млрд. долл. (5,4% общей стоимости контрактов «первой сотни»), то в 1983 г. в указанный список попали 27 местных фирм, получивших заказы на общую сумму 3,8 млрд. долл. (17,1%). В среднем на арабские строительные фирмы приходится примерно 15 — 20% общей стоимости контрактов, заключаемых в регионе. Эти цифры относятся к контрактам, по которым местные фирмы выступают в качестве генподрядчиков. Если принять во внимание значительную часть строительных работ, которые данные компании получают по субподрядам, то их доля на региональном рынке капитального строительства окажется значительно выше, достигая по отдельным странам и отраслям 50% и более.

Последние годы отмечены усилением протекционизма государственных органов арабских стран в отношении местных строительного-монтажных и инженерно-консультационных компаний. Все чаще раздаются призывы усилить государственное вмешательство в капитальное строительство с целью уменьшения зависимости от иностранных подрядчиков. Принимаются меры по существенному расширению участия местных фирм в реализации контрактов на строительство. Многие из этих мер закрепляются законодательно.

В ряде арабских государств приняты постановления, предусматривающие более широкое привлечение национальных строительных фирм в качестве субподрядчиков при сохранении общей ответственности со стороны иностранной фирмы, выступающей в качестве генподрядчика. Для реализации этих постановлений зачастую проводится практика максимального «раздробления» контрактов на отдельные составляющие. В переговорах по новым контрактам представители этих стран все больше настаивают на максимально широком использовании в проектах оборудования и материалов местного производства.

Так, в Саудовской Аравии в 1983 г. было принято законодательное положение, согласно которому на национальные строительные фирмы должно приходиться не менее 30% общей стоимости работ, предусмотренных в контрактах, заключаемых по линии госсенатора. Помимо этого, все контракты с государственными ведомствами и учреждениями должны распределяться на основе проведения торгов. Такого же направления придерживается и Кувейт, торгово-промышленная палата которого выступила с предложением отдавать предпочтение при заключении контрактов местным фирмам, даже если их тендерное предложение по цене несколько превышает предложение иностранной фирмы.

Активные мероприятия по поддержке национальных строительных фирм наблюдаются и в других странах региона. В Иордании, например, готовится проект закона, в соответствии с которым все контакты по линии государственных органов стоимостью менее 5,4 млн. долл. должны предоставляться местным фирмам. При заключении контрактов с иностранными компаниями предпочтение будет отдаваться фирмам тех стран, которые импортируют иорданские фосфаты. По сообщениям западной экономической прессы, правительство этой страны планирует начать осуществление выплат платежей в размере 35 — 50% по контрактам с иностранными фирмами в виде фосфатной руды. Помимо этого генеральный директор «Джордан фосфейт майна К^о» объявил о том, что Японии, Британии, ФРГ, Австрии, Франции и Южной Кореи, т. е. странам, подрядно-строительные компании которых активно работают на иорданском рынке, стали предъявляться требования импортировать фосфаты на сумму, равную 5% стоимости их экспорта в Иорданию.

Усиление протекционизма в отношении местных фирм заставило иностранные компании активизировать свои усилия по образованию совместных строительно-монтажных и инженерно-консультационных компаний. Выступление под вывеской местной фирмы позволяет им обходить многие ограничения, налагаемые на деятельность компаний третьих стран, способствует усилению конкурентных позиций, ведет к увеличению заказов. Число совместных фирм растет с каждым годом. Многие из них вошли в 100 крупнейших подрядно-строительных компаний в регионе и заняли видное место на рынке капитального строительства арабских стран. В качестве примера можно привести такие фирмы, как (в скобках — место в списке «первой сотни» 1983 г., стоимость полученных контрактов, в млн. долл.) саудовско-западногерманская «Пегель Арабия» (22; 250,0), саудовско-турецкая «Эйна Арабия» (31; 177,5), саудовско-пакистанская «Ал-Хуссайни-АДА» (55; 112,1), саудовско-американская «Тафраб» (70; 81,5) и другие.

Таким образом, в настоящее время рынок капитального строительства арабских стран претерпевает довольно существенные количественные и качественные изменения. В целом, независимо от того, как будет обстоять дело с ценами на нефть и доходами от ее экспорта, маловероятно, что расходы на капитальное строительство вернутся на уровень, достигнутый в начале 80-х гг. Однако они по-прежнему будут высоки по сравнению с затратами на хозяйственное строительство в других регионах освободившихся государств. Региональный рынок будет и

в дальнейшем предоставлять значительные возможности для деятельности иностранных подрядно-строительных компаний. Принимая во внимание это обстоятельство, большинство инженерно-строительных фирм третьих стран остаются на региональном рынке и активно пытаются заполучить заказы даже в условиях низких текущих доходов и с риском задержки платежей.

Примечания

¹ Здесь и далее сведения о контрактах в капитальном строительстве рассчитаны на основе данных журнала *Middle East Economic Digest* за соответствующие годы, как правило, отличающихся полнотой и достоверностью. К капитальному строительству отнесены контракты на поставку оборудования, строительных материалов, проведение строительно-монтажных и пуско-наладочных работ, оказание инженерно-консультационных услуг, техобслуживание, обучение кадров, использование иностранной рабочей силы и специалистов.

РЕСУРСОПОЛЬЗОВАНИЕ И РЕНТООБРАЗОВАНИЕ В НЕФТЯНОМ ХОЗЯЙСТВЕ АРАБСКИХ СТРАН: ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКИ

Резкое повышение роли нефтегазовой промышленности в экономике арабских стран — крупных производителей и экспортеров углеводородного сырья, а также в капиталистической энергетике, определялось преимущественно внешними по отношению к этим странам факторами — динамикой развития и структурными сдвигами в энергетическом хозяйстве капитализма, где за послевоенный период вплоть до второй половины 70-х гг. наблюдался почти неуклонный рост значения жидкого топлива. Но в первой половине того же десятилетия данные процессы совпали по времени с упрочением национального суверенитета нефтеэкспортирующих государств над их основными природными богатствами, послужив одним из существенных стимулов для процесса экономической деколонизации этой группы освободившихся стран. Содержание их ресурсного суверенитета определяется возможностью реализовать государственную монополию на крупнейшие в несоциалистическом мире разведанные запасы наиболее дешевых жидких углеводородов — нефти и газового конденсата (более 62% величины их общих достоверных запасов к началу 1985 г. и около 68% ресурсов с издержками добычи 12 долл./т. на 1981 г.)¹. Нефтегазовая промышленность развивающихся, прежде всего арабских, стран — одна из первых и пока немногих областей, где эта возможность начала раскрываться практически, выйдя за свои прежние формально-юридические рамки.

Собственность государства на земные недра является правилом для большинства освободившихся стран, включая арабские. Однако до начала 70-х гг. при системе традиционных концессий это право оставалось чисто формальным, поскольку нефтегазовыми ресурсами реально пользовались и распоряжались транснациональные нефтяные компании (ТНК, — концессионеры. Важнейшие отраслевые параметры — уровни нефтедобычи,

объемы, направления и основные условия нефтяного экспорта, включая валютно-финансовые, — определялись ими почти безраздельно. Государства — концеденты (предоставившие концессии) в своей экономической политике, при осуществлении программ социально-экономического развития (там, где таковые имелись) были вынуждены руководствоваться результатами деятельности ТНК, прежде всего суммами их концессионных платежей. Национальная энергосырьевая политика ливийской и аравийских нефтяных монархий за рассматриваемый период характеризовалась по преимуществу пассивностью. Некоторые второстепенные различия между ними отражали в первую очередь разную фирменную тактику т. н. независимых компаний — аутсайдеров и крупнейших монополий — членов Международного нефтяного картеля (МНК), служили своего рода фоном, на котором разворачивалась конкуренция этих групп ТНК. Попытки отдельных государств — Ирана, Алжира — проявить самостоятельность в данной области приводили к ограниченным результатам, поскольку их усилия блокировались нефтяным империализмом.

Главными субъектами ценообразования и распределения ренты на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива и на внутренних рынках стран — основных его импортеров и потребителей выступали частномонополистическая практика ТНК и политика государственно-монополистического капитализма (ГМК). Под их определяющим воздействием в потоке топливно-сырьевых ресурсов с отсталой и зависимой периферии в развитые центры капитализма серьезно деформировалось проявление ряда «классически-капиталистических» закономерностей производства и обращения. Ввиду отсутствия или недостаточной зрелости «естественной» монополии арабских государств на свои природные богатства нарушался такой основополагающий принцип, как равенство цен на эквивалентные потребительские стоимости, сильно ограничивалась конкуренция между взаимозаменяемыми энергоносителями. Поэтому на мировом капиталистическом рынке к концу 60-х — началу 70-х годов тонна каменного угля стоила почти втрое дороже тонны арабской нефти среднего качества, если при сравнении учесть более высокую калорийность жидкого топлива и его технологические преимущества перед твердым².

Поддерживался также непомерный разрыв между общими объемами прибылей (за вычетом издержек) от сбыта нефтепродуктов потребителям, особенно в Западной Европе, куда направлялась основная часть арабской нефти, и долей стран — экспортеров в этих доходах, которая, например, применительно к условиям Франции в феврале 1973 г. в среднем все еще составляла

лишь 13,1%. Одновременно 59,1% прибылей присваивались французским ГМК в виде налогов и 27,8% — нефтяными ТНК в основном через систему трансфертных цен⁴. Монопольно высокие цены на сырье и монопольно высокие на готовую продукцию позволяли извлекать рентные составляющие главным образом на стадиях переработки, транспортировки и сбыта, оставляя нефтедобывающим государствам наименьшую долю дифференциальной нефтяной ренты. Для «классического» распределения основной части этой ренты в пользу владельцев природных ресурсов и, тем более, для формирования рентных доходов иного типа вплоть до осени 1973г. в развивающихся странах отсутствовала важнейшая необходимая предпосылка — земельная собственность, «которая не только юридически существует, но и фактически оказывает сопротивление капиталу, защищает это поле деятельности от вторжений капитала и представляет последнему место только на известных условиях»⁴.

Это необходимое условие было создано по мере ликвидации системы традиционных нефтяных концессий и условно-расчетных справочных цен в первой половине 70-х гг., когда освободившиеся государства — члены ОПЕК овладели главными инструментами энергосырьевой стратегии в рамках национальных границ, самостоятельно определяя объемы добычи, внутреннего использования и экспорта углеводородного сырья, и отчасти — на мировом капиталистическом рынке этих товаров, контролируя в известных пределах их предложение и тем самым цены. Им в значительной мере удалось (впервые с начала эксплуатации их природных богатств) реализовать «классические» буржуазные принципы рентиобразования и распределения рентных доходов. Упрочение экономического суверенитета нефтеэкспортеров наряду с необходимостью освоения ресурсов все более «дорогих» углеводородов, а также их экономии и замены вынудили ТНК и ГМК отказаться от ряда искусственных ограничений и иных приемов хозяйственной практики, которые препятствовали свободной конкуренции между разновидностями топлива и энергохимического сырья, взаимозаменяемыми и произведенными в различных регионах несоциалистического мира. Благодаря этому были восстановлены некоторые ценностные пропорции. Так, после первой «революции» цен 1973 — 1974 гг. равные весовые количества аравийской легкой нефти на мировом рынке стали продаваться примерно в 1,7 раза дороже высококалорийного каменного угля, а после второго скачка цен на рубеже 70 — 80-х гг. ценовое превосходство нефти временно еще более увеличилось. В капиталистическом энергосырьевом хозяйстве в целом установились более тесные стихийно-рыночные взаимосвязи между ценами на эквивалентные потребитель-

ные стоимости, существенно возросли обороты и значение (особенно в качестве «барометра» конъюнктуры) так называемого «свободного» нефтяного рынка наличного товара и его воздействие на условия реализации жидкого топлива по долго- и среднесрочным контрактам.

Развитие экономической деколонизации позволило государствам — экспортерам углеводородного сырья политико-экономическими методами перераспределить в свою пользу практически все наличные, объективно существующие разновидности дифференциальной ренты, которая базируется на более высокой производительности капиталов и трудовых затрат и более низких текущих эксплуатационных издержках в арабской нефтегазовой промышленности. Помимо сближения цен на конкурирующие энергоносители о полноте реализации этих типов ренты свидетельствует повышению доли доходов государств — членов ОПЕК в общей стоимости их нефтяного экспорта от менее половины до 95 — 96% за 70-е гг. и в структуре средних цен нефтепродуктов на внутренних рынках западноевропейских стран с 8 почти до 38% к началу 80-х гг. Верхняя граница дифференциальной ренты резко повысилась, и ее масштабы существенно возросли в 70-е гг. по мере широкого вовлечения в хозяйственный оборот запасов «дорогой» нефти из морских и арктических месторождений и соответственно роста интернациональной регулирующей цены производства жидкого топлива.

По нашей приблизительной оценке, основные производственные фонды равной стоимости обеспечивали в 70-е гг. добычу, переначку по трубопроводам до побережья и отpravку морем примерно в 8,5 — 9 раз большего количества нефти из Ливии, чем из незамерзающего порта Валдия на юге Аляски, куда доставлялась по суше продукция месторождений, расположенных на севере этого полуострова. По средней выработке продукции в расчете на одного занятого в нефтегазодобывающей промышленности Ливия превосходила США в полтора раза на рубеже 80-х гг. Хотя эти данные не вполне сопоставимы, они позволяют судить о значительно больших масштабах различий в производительности овегцественного, нежели живого труда между регионами добычи «дешевой» и «дорогой» (применительно к современным условиям) нефти. Следовательно, есть основания для вывода о перераспределенческом характере значительной части рентных нефтяных доходов дифференциального типа. Они включили прибавочную стоимость из менее капиталоемких отраслей материального производства, поскольку для всей нефтедобывающей промышленности средняя (в политикоэкономическом смысле) норма прибыли начисляется на инвестиции с

наивысшим органическим строением в разработку «худших месторождений»¹.

После первой «революции» цен на жидкое топливо нефтеэкспортирующим государствам эпизодически удается реализовать также новую разновидность рентных доходов — государственную монопольную ренту, которая отличается от дифференциальной широким участием субъективных факторов — энергосырьевой политики экспортеров и импортеров жидкого топлива — не только в процессах распределения и перераспределения, но и в начальной стадии монопольного рентиообразования. Экспортеры преимущественно стимулируют, а импортеры сдерживают формирование монопольных рентных доходов, величина которых сильно колеблется в зависимости от соотношения сил между ними и, главным образом, от конъюнктуры на мировом капиталистическом нефтяном рынке. При резких ее взлетах, например в 1979 — 1980 гг., монопольная рента могла достигать почти половины мировых цен на нефть и той же доли доходов нефтеэкспортирующих государств. При депрессивном состоянии спроса на жидкое топливо и особенно на продукцию членов ОПЕК, которое длится с 1981 г., вместе с ценами падала величина государственной монопольной ренты в такой степени, что в середине 80-х годов ее формирование могло временно приостановиться.

Монопольное рентиообразование стимулируется ограничительной производственной и экспортной политикой ряда государств, которые практикуют консервацию освоенных нефтяных месторождений или сдерживают начало разработки выявленных запасов углеводородного сырья, относительно дешевых и легкодоступных.

По расчетам советского исследователя М. С. Моделевского, при современных объемах и тенденциях суммарное потребление нефти во всех несоциалистических странах в 1981 — 2000 гг. (около 60 млрд. т) могло быть в принципе обеспечено полностью наиболее дешевыми ресурсами этого сырья, т. е. практически его запасами, сосредоточенными преимущественно в арабских странах, Иране и, в меньшей степени, — в государствах Латинской Америки, в Нигерии и Индонезии². Следовательно, использование более «дорогих» источников жидкого топлива в значительной мере связано с консервацией ресурсно-потенциала перечисленных государств.

Противоположное воздействие на рентиообразование оказывают государственно-монополистические мероприятия в странах — крупнейших импортерах нефти: налоговая политика, субсидирование, прямое административное регулирование, манипуляции со стратегическими запасами и проч., — при помощи

которых внутренние цены на нефтепродукты поддерживаются значительно выше мировых, ограничивается потребление импортного углеводородного сырья, искусственно стимулируется рентабельность национального энергопроизводства и применение альтернативных топливных ресурсов. Приблизительные подсчеты показывают, что в 1980 г. только в результате более продолжительных интенсивных усилий по снижению нефтеемкости валового внутреннего продукта (ВВП), приложенных ранее государствами—членами ЕЭС и Японией в сравнении с США, удалось сэкономить около 300 млн. т жидкого топлива, которое иначе потребовалось бы дополнительно ввести за тот год на западноевропейский и японский рынки⁷. Поскольку подобные методы ГМК повышают барьеры между национальными или региональными и мировым рынками энергоносителей, постольку они служат средствами сбивания мировых цен на жидкое топливо и ограничения доходов его экспортеров.

В 80-е годы особое значение среди субъективных факторов цено- и рентообразования на мировом капиталистическом рынке нефти имеет энергосырьевая политика четырех арабских государств: трех аравийских нефтяных монархий — Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, — а также Ливии. В этих странах сосредоточена основная часть (до 57% к началу 1983 г.) действующего производственного потенциала нефтедобывающей промышленности участников ОПЕК. Производительность нефтепромыслов и особенно экспортные возможности двух других крупнейших поставщиков жидкого топлива — Ирана и Ирака — резко сократились главным образом вследствие разрушений, вызванных затяжным военным конфликтом между ними. Но даже этот несколько ограниченный (относительно конца 70-х гг.) производственный потенциал ОПЕК в 1984 г. был загружен приблизительно лишь на 56%⁸. Падение спроса на продукцию стран—участниц этой организации было связано как с депрессией на капиталистическом рынке жидкого топлива, так и с возросшим его производством за пределами ОПЕК.

Консервация почти половины мощностей (около 680 млн. т в год) нефтепромыслов государствами—членами ОПЕК к середине 80-х годов наряду с установлением ими системы квот, ограничивающих верхние пределы добычи нефти, были преимущественно вынужденными мерами с целью предотвратить обесценивание жидкого топлива. Преобладающая часть формирующегося таким образом резервного производственного потенциала (более 470 млн. т в год или 70%) также оказалась сосредоточенной в трех аравийских монархиях и в Ливии⁹. По своим масштабам эти производственные резервы заметно превосходят суммарную производительность нефтепромыслов в

двух крупнейших регионах капиталистического мира по добыче наиболее «дорогой» нефти — Северного моря и Аляски. Следовательно, рыночная рентабельность последних в основном зависит от ограничительной нефтяной политики ОПЕК и прежде всего четырех отмеченных ее участников.

Эти четыре арабские государства располагают наиболее широкими, по сравнению с другими членами ОПЕК, финансово-экономическими возможностями для маневра уровнями добычи и экспорта нефти, благодаря «эластичности спроса» на нефтяные доходы. Сокращение последних в первой половине 80-х гг. сначала было «самортизировано» уменьшением оттока «избыточного» денежного капитала за рубеж и лишь затем потребовало сдерживания импорта и других валютных расходов или обращения к накопленным ранее резервам.

Кроме того, с технико-экономической точки зрения, консервация менее капиталоемкого и относительно несложного оборудования арабских нефтепромыслов, особенно на суше, не столь затруднительна и убыточна, как приостановка эксплуатации морских или арктических месторождений, на которых основные фонды подвержены сильному физическому износу даже в нерабочем режиме, а также испытывают быстрое моральное старение.

Наконец, после удовлетворения первоочередных финансовых потребностей перед нефтеэкспортирующими государствами встают вопросы, связанные с объективной особенностью исчерпаемых природных ресурсов и экономических интересов их владельцев. Эксплуатация данного типа ресурсов (в противоположность возобновимым) взаимноисключает максимальный рост текущих и суммарных (за весь конечный период использования) доходов при долгосрочной тенденции к подорожанию соответствующих рентных товаров. Отсюда возникают проблемы, связанные с тем, как распределить применение ограниченных невозобновимых ресурсов во времени.

Свойства исчерпаемых запасов нефти и газа по-разному преломляются в национальных энергосырьевых и общэкономических стратегиях. Практика 70-х гг. показала, что производство и экспорт жидкого топлива в масштабах, значительно превышающих текущие финансовые нужды государств-производителей, зачастую не только противоречила их долговременным интересам, но и влекла за собой прямые потери. Так, по расчетам американского специалиста Дж. Т. Абеда, «перепроизводство» нефти шестью арабскими участниками ОПЕК (без Алжира) за период 1974 — 1980 гг. в сумме достигло 2,1 млрд. т, которые, будучи законсервированы, смогли бы принести не менее 150 млрд. долл. дополнительных доходов с учетом фактического подорожания

жидкого топлива за указанный период¹². В целом опыт самостоятельного распоряжения этих стран нефтегазовыми ресурсами убедительно продемонстрировал ограниченные возможности аккумуляции и рациональной реализации ими сбережений в рамках мирового капиталистического хозяйства и в условиях переходного периода от самого широкого применения углеводородного сырья к его экономии и диверсификации топливно-сырьевой базы.

Примечания

¹ Рассчитано по: сб. Топливо-энергетические проблемы зарубежной Азии и Северной Африки. М., 1985, с. 23; *Oil and Gas Journal*, Tulsa, 31. 12. 1984, vol. 82, № 53, p. 74, 75.

² Park Y. S. *Oil Money and the World Economy*. L., 1976, p. 36.

³ Рассчитано по: Шевалье Ж.-М. Нефтяной кризис. М., 1975, с. 13, 18.

⁴ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 329 — 330.

⁵ Кукушкин В. Ю. Нефть и развитие: Ливия Алжир. М., 1985, с. 17 — 18, 34 — 36.

⁶ Топливо-энергетические проблемы..., с. 22 — 24.

⁷ Там же, с. 10 — 11.

⁸ Рассчитано по кн.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1984 и начало 1985 г. М., 1985, с. 52; *Petroleum Economist*, L., 1983, February, L, № 2, p. 39.

⁹ Там же.

¹⁰ Alled G. T. *Arab Financial Resources: An Analysis and Critique of Present Deployment Policies.* — *Arab Resources. The Transformation of a Society.* Wash., L., 1983, p. 59, 69.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ США ЕГИПТУ (70 — 80-е гг.)

Экономическая помощь США развивающимся странам по американским официальным критериям состоит из субсидий и займов по закону об иностранной помощи от 1961 года, предоставляемых через Управление международного развития, льготных поставок сельскохозяйственных продуктов, вкладов международных организаций, долгосрочных займов Экспортно-импортного банка и некоторых других программ. Иначе говоря, официальная статистика США считает помощью все государственные займы и субсидии, а также льготные поставки.

За последнее десятилетие Египет занял второе (после Израиля) место среди стран — получателей американской помощи. Америко-египетское экономическое сотрудничество по межгосударственной линии, установленное при президенте Насере, было прервано после израильской агрессии 1967 г. Оно возобновилось в начале 70-х годов, резко возросло с провозглашением политики «открытых дверей» и особенно широкие масштабы приняло после подписания намп-девидового соглашения.

Экономическая политика США по отношению к Египту является составной частью их курса, направленного на расширение неравноправного экономического партнерства с развивающимися странами, вовлечение их в мировую капиталистическую систему хозяйствования.

Учитывая важность экономической эффективности помощи и ни в коей мере не умаляя значения ее реальной экономической отдачи, большинство американских политических деятелей придерживается мнения (особенно в последние годы), что интересы США в Египте являются прежде всего политическими. Так, например, бывший руководитель представительства Управления международного развития (УМР) в Каире Майкл Стоун публично заявил в 1982 г.: «Программа УМР в Египте — это политическая программа и мы находимся здесь по политическим причинам»¹.

Создается впечатление, что рост ежегодных американских

ассигнований Египту до огромных размеров к концу 70-х гг. было ценой, которую США уплатили за заключение мирного соглашения между АРЕ и Израилем. Очевидно, цель США заключалась в том, чтобы, нейтрализовав Египет, помочь Израилю обеспечить безопасность своей южной границы. Это должно было защитить главного стратегического союзника США на Ближнем Востоке от нападения на юге, в то время как Израиль мог бы сосредоточить свои силы на других границах (например, с Ливаном).

Учитывая географическое положение Египта, являющегося как бы связующим звеном между государствами африканского континента и арабским миром, США отводят ему роль своего стратегического партнера № 2, надеясь также вынудить его осуществлять функции жандарма в отношении Ливии и Судана, выступать в качестве возможной базы для американских «сил быстрого развертывания».

Как уже было отмечено, резкое оживление американо-египетского экономического сотрудничества наметилось с провозглашением политики «инфитах». Всего в 1974 — 1984 гг. Египет получил из США субсидий и льготных займов на 17,4 млрд. долл.² Из них на военные поставки было выделено займов на 8 млрд. долл. На 1986 год запланирован заем в 1,3 млрд. долл.³ Оставшуюся часть помощи (9,4 млрд. долл.) можно разделить на долгосрочную и временную.

Долгосрочная помощь предназначена на осуществление проектов в области производства — модернизацию и создание промышленных и инфраструктурных объектов.

Временная помощь идет на оплату продовольственных поставок, импорта товаров и технологии из США, а незначительная часть (около 100 млн. долл.) — на прямые переводы валюты.

Основная часть долгосрочной программы помощи, осуществляемая по линии УМР США, используется в Египте на финансирование промышленных проектов и осуществление различных программ научно-технической помощи.

В области промышленности в 70-е гг. УМР отдавало приоритет объектам инфраструктуры, на долю которой к началу 1978 г. приходилось 4/5 всех целевых ассигнований УМР⁴. В начале 80-х гг. доля инфраструктуры несколько снизилась, составив всего лишь 2/3 (450 млн. долл.) от общих ассигнований в промышленность Египта⁵. Особено охотно УМР финансировало энергетические проекты в Каире, Александрии и Суэце, с тем, чтобы создать благоприятные условия для функционирования частных местных и иностранных предприятий. Что касается промышленных предприятий, то основная часть средств

в 70-е гг. шла в сектор, который получал целевую американскую помощь на строительство фабрик и заводов II подразделения, таких, как, например, комбинат по производству поваренной соли в г. Порт-Фуаде, стекольный завод, цементные заводы в Каттамии и т. д. Пожалуй, единственным примером эффективной помощи, предоставленной УМР США для осуществления промышленной программы АРЕ, было ассигнование 100 млн. долл. для текстильной промышленности в крупнейшем городе дельты Нила — Махалла ал-Кубра. Однако это вызвало большое беспокойство текстильных промышленников США, которые, опасаясь конкуренции со стороны аналогичных египетских товаров, усмотрели в этом посягательство на свои интересы. В дальнейшем при американской помощи уже не осуществлялось сооружение или модернизация промышленных предприятий, продукция которых создавала бы серьезную угрозу конкуренции с аналогичными американскими товарами.

Участие УМР в развитии сельского хозяйства Египта сводилось в первую очередь к финансированию поставок американского оборудования на сооружение дренажных систем, на оплату установки насосных станций и других мелких проектов. Всего в 1975 — 1980 гг. УМР финансировало 19 сельскохозяйственных проектов, предоставив на это 357 млн. долл. Однако использовано было только 17% от этой суммы⁶. В сельском хозяйстве американцы крайне неохотно финансируют проекты, связанные с освоением пустынных земель, увеличением посевных площадей и т. п. И это в то время, как в последнем плане экономического развития Египта указывается на необходимость осуществления инвестиций в промышленность и сельское хозяйство в противовес сложившейся в 70-е гг. политике упора на импорт потребительских товаров. В последнее время египетское руководство настаивает на подготовке проектов освоения пустынных земель, в то время как УМР сопротивляется, убеждая, что это — бесполезное занятие по сравнению с необходимыми затратами. Не желая способствовать развитию сельского хозяйства АРЕ, американское управление тем самым усиливает «продовольственную» зависимость Египта от США (импорт зерна в настоящее время покрывает от 60 до 70% потребностей Египта)⁷, осуществляя одновременно содействие американским фермерам, производящим излишки зерна. Так, в 1984 г. египетский импорт пшеницы, муки и кукурузы составил почти 7 млн. т. причем из них 3,8 млн. т поступили из США⁸.

Помимо поставок продовольствия, на которые уходит примерно четверть суммы временной помощи по линии УМР, управление предоставляет Египту займы и кредиты для импорта из США товаров потребительского и производственного назна-

чения. В 1975 — 1985 гг. эта сумма составила 3 млрд. долл.⁹, или около одной трети всей экономической помощи Египту за этот период¹⁰. По сведениям журнала «Африк — Ази», 35% от суммы, предоставленной для египетского импорта, американское казначейство предварительно удерживает для выплаты жалованья и гонораров специалистам из США и покрытия расходов своих фирм.

Получая займы и кредиты на импорт из США, Египет не имеет права выбирать американское оборудование по своему усмотрению, а вынужден под давлением УМР импортировать далеко не самую современную и качественную продукцию американских фирм. Бывали и случаи, когда стоимость импортируемого из США оборудования на 35 — 40% превышала стоимость аналогичной продукции на мировом рынке¹¹.

В промышленности египетское руководство считает, что УМР должно направлять большую часть средств на финансирование объектов госсектора и в первую очередь отраслей I подразделения, а руководство американского управления это отвергает. Оно обвиняет египетскую экономику в низкой способности к поглощению капиталов, которая якобы и приводит к наличию «остаточных сумм», ассигнованных на цели развития Египта, но так и не нашедших своего применения. (Неиспользованные суммы, накопившиеся на конец 1984 г., оценивались в 2,7 млрд. долл.)¹². При этом руководство УМР умалчивает о правиле, которого придерживается в своих отношениях с Египтом. Оно требует от АРЕ вложения в экономику средств, равных тем, которые выделяет на осуществление проектов само УМР, а также требует финансирования побочных расходов. Это ложится тяжелым бременем на египетскую экономику, вынуждая правительство страны медлить с освоением средств.

Рост импорта потребительских товаров приводит к постоянному нарушению торгового баланса. Так, в 1983 г. американский импорт из Египта составил всего 303 млн. долл. (главным образом, нефтепродукты), а экспорт — 2,8 млрд. долл. Из этой суммы 1,8 млрд. долл. финансировались за счет средств, выделяемых по линии американской помощи¹³.

Таким образом, разногласия между египетской и американской сторонами усиливаются во всех областях их экономического сотрудничества.

Американская программа помощи с каждым годом все активнее критикуется прогрессивной египетской оппозицией. Она высказывает вполне обоснованные опасения в том, что возрастающее американское влияние может подорвать суверенитет Египта. Орган Национально-прогрессивной (левой) партии Египта газета «Аль-Ахали» указывает, что «в АРЕ в настоя-

шее время действуют 200 американских экономических организаций и компаний утвердившихся в годы «инфитаха». Захватив командные высоты во многих ведущих отраслях экономики (например, в нефтяной промышленности) они диктуют египетскому правительству свои условия. Крупнейшие американские банки дестабилизируют финансовую систему страны. Именно они питают валютной «черный рынок» и срывают мероприятия правительства, направленные на его ликвидацию¹⁴.

Даже египетские официальные лица из правительственных кругов, являющихся сторонниками позиции президента Мубарака, в последние годы часто указывают на слабую эффективность американской помощи. Так, министр планирования Египта Камаль-ал-Ганзури высказал сожаление по поводу того, что «программа помощи выражает на 70% интересы США»¹⁵. Большинство египетских политических деятелей не придают особого значения американским стратегическим интересам в этом регионе, равно как и запугиваниям их американской стороной мнимой советской угрозой. Реальной угрозой является для них Израиль, который и после Кэмп-Дэвида, под неослабевающим покровительством США, совершил агрессию в Ливане. Многие египетские политические деятели начали понимать, что именно из-за присутствия США в Египте замедляются прогрессивные экономические и политические перемены во всем мире.

Что касается сторонников продолжения политики «инфитах» в проамериканском духе, то они все еще сохраняют сильные позиции в руководстве страны. Эти деятели представляют те слои египетского общества, которые «расцвели» в годы политики «открытых дверей». Завоевав привилегированные экономические позиции во времена Садата, эта прослойка, благодаря сохранению своего политического влияния, прилагает все усилия для того, чтобы обеспечить дальнейшую проамериканскую ориентацию Египта. Эта позиция выражает интересы деловых и правящих кругов США.

Интересное предположение в отношении УМР, распределяющей основную часть американской помощи, высказала ливанская газета «Ал-Кидах ал-Араби». Она считает, что это вовсе не международное, а чисто американское управление, а точнее — одно из подразделений госдепартамента США, поскольку многие ее функции являются далеко не экономическими: они сводятся к слежению за степенью стабильности внутривнутриполитического положения в странах пребывания¹⁶. Деятельность УМР, по мнению газеты, «не менее опасна, чем операции спецслужб, имеющих при американских посольствах и специальных военных миссиях в этих странах». В качестве доказательства приводится такой факт: количество чиновников УМР в Каире

возросло в последние годы до 3 тысяч, в то время как в Израиле получающем вдвое большую помощь по линии этой организации, число американцев — сотрудников УМР составляет лишь 5 человек¹⁷.

Учитывая рост неудовлетворенностью результатами американской активности, особенно в широких народных массах, УМР США подчеркивает необходимость демонстрации «несомненной важности американской помощи» путем проведения ряда мероприятий, в числе которых обязательно должно быть осуществление крупного промышленного проекта в рамках госсектора. Идея заключается в том, что СССР приобрел множество сторонников благодаря Асуанской плотине, поэтому США могут таким же способом добиться популярности в АРЕ.

Что касается перспективы дальнейшей экономической помощи США Египту, то, по всей вероятности, в ближайшие годы она будет предоставляться в прежнем объеме (1 млрд. долл. в год), а может быть (учитывая «несговорчивость» президента Мубарака) даже и возрастет. Такой вывод позволяет сделать факт взаимного стремления обеих сторон к сохранению сложившихся отношений. Правда, при этом США постоянно указывают на слабость экономической отдачи от своей помощи, хотя, по мнению прогрессивной египетской оппозиции, на каждый вложенный в Египте доллар Вашингтон получает обратно 2 доллара¹⁸. Здесь, конечно, учитывается и обслуживание долга. Так, в 1985 г. для уплаты процентов по задолженности АРЕ выделила 726,3 млн. долл.¹⁹.

Как в определенных правительственных кругах Египта, так и среди оппозиции широко распространено мнение, что в нынешних условиях экономическая помощь США приводит к нарушению суверенитета Египта. Однако при существующем положении вещей египетское руководство вынуждено с этим мириться.

Примечания

¹ The Middle East, № 9, London, 1985.

² Financial Times, 22. 10. 1985.

³ The Middle East, № 9, 1985.

⁴ Middle East Economic Digest. Special Report. May, 1978, p. 43.

⁵ The Middle East, № 9, 1985.

⁶ Middle East Economic Digest, May, 1978, p. 42.

⁷ Financial Times, 22. 11, 1985.

* Там же.

† The Middle East, № 9, 1985.

‡ Afrique-Asie, 2 Décembre, 1985.

11 Бюллетень иностранной коммерческой информации (ВИКИ), 20.5.1978.

12 Ал-Кифах ал-Араби, Бейрут, 23.9.1985.

13 Financial Times, 22. 10, 1985.

14 Ал-Ахалж, Каир, 31.5.1985.

15 The Middle East, № 9, 1985.

16 Ал-Кифах, ал-Араби, 23.9.1985.

17 Там же.

18 Afrique-Asie, 2 Décembre, 1985.

19 Financial Times, 05, 6, 1985.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
СТРАН МАГРИБА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Сравнительный анализ динамики и факторов хозяйственно-го роста стран Магриба в условиях колониализма и в период независимости имеет немаловажное значение. Такой подход позволяет сделать более обоснованную оценку результативности экономической политики освободившихся государств, определить ряд долговременных тенденций в их расширенном воспроизводстве, выявить сдвиги в соотношении его важнейших составляющих.

В отличие от многих других колониальных и зависимых стран, Алжир, Тунис и Марокко в недалеком прошлом были объектом переселенческой колонизации, сопровождавшейся массовой экспроприацией земель у коренного населения и организацией на их основе крупных товарных хозяйств, значительным импортом капитальных товаров, созданием некоторых видов обрабатывающей промышленности, ростом инфраструктурного строительства. Для стран Магриба были характерны высокие показатели их «втянутости» в мирохозяйственные связи, замыкавшиеся преимущественно на метрополию (в 1910 — 1955 гг. доля внешнеторгового оборота в ВВП составляла в Марокко 30 — 40 %, в Алжире и Тунисе 40 — 50%), а также существенное воздействие государства на воспроизводственные процессы, прежде всего в современном секторе (доля государственных расходов в ВВП достигала в Марокко 16 — 17%, в Тунисе 18 — 20% и в Алжире 22 — 23%)¹.

В силу указанных причин рост ВВП в странах Магриба был сравнительно быстрым для колониальной периферии: в среднем ежегодно в Алжире (1880 — 1960) 2,0 — 2,2%, в Тунисе (1910 — 1955) 2,4 — 2,6% и в Марокко (1920 — 1955) 3,5 — 3,7% (в целом по афразийским странам 1,6 — 1,8%).

Приводя соответствующие цифры, необходимо подчеркнуть, что опережающие темпы роста валового продукта в Алжире, Тунисе и особенно в Марокко означали не столько ускоренное раз-

вите производительных сил этих стран, сколько интенсивный характер эксплуатации их природных и трудовых ресурсов. Экономический рост в переселенческих колониях Северной Африки происходил в обстановке резко обострившихся противоречий между современным и традиционным секторами. В последнем, ввиду внушительных масштабов его ограбления и разорения, динамика воспроизводственного процесса была крайне нестабильной, замедленной (темпы роста в среднем вдвое меньше, чем в европейском секторе), а временами воспроизводство в нем осуществлялось на суженной основе³.

Переселенческий характер колонизации обусловил относительно высокие показатели нормы капиталовложений (в % от ВВП)⁴.

	1880 г.	1910 г.	1920 г.	1930 г.	1955 г.
Алжир	10 — 11	12 — 13	13 — 14	11 — 13	19 — 21
Тунис	—	11 — 13	12 — 13	11 — 13	14 — 16
Марокко	—	—	9 — 10	12 — 14	16 — 18

Однако существенная доля всех инвестиций (в Алжире и Тунисе — 1/2 — 2/3 в 1900 — 1930 гг. и 2/3 — 3/4 в 1940 — 1950-е гг.) уходила на формирование пассивных элементов основного капитала — создание объектов гражданской и военной инфраструктуры, строительство жилого фонда главным образом для европейских переселенцев⁵. Кроме того, процесс технического переоснащения экономики стран Магриба носил узлоочаговый характер, а модернизация отдельных ее звеньев нередко сопровождалась значительными разрушениями производительных сил в традиционных хозяйствах. В этих условиях повышение нормы капиталовложений по сути дела «съедалось» ростом предельной капиталоемкости: в Алжире с 5,8 (1880 — 1910) до 6,3 (1910 — 1930) и 8,0 (1930 — 1960) в Тунисе с 3,6 (1910 — 1920) до 4,2 (1920 — 1930) и 7,1 (1930 — 1955).

Эти факторы наряду с весьма низким материальным и культурным уровнем жизни большинства коренного населения не могли не сказаться на динамике общественной производительности труда, годовые темпы прироста которой в Алжире и Тунисе (0,5 — 0,8%) едва ли сколько-нибудь существенно превышали средний показатель по колониальным и зависимым странам Азии и Африки (в 1900 — 1960 гг. 0,4 — 0,6%). В Марокко, ввиду сравнительно быстро растущей нормы капиталовложений, относительно меньших масштабов разорения традиционного сектора, а главное — форсированной разработки и экспорта природных богатств, среднегодовые темпы прироста производительности труда достигали в 1920 — 1955 гг. 1,4 — 1,6%.

В целом, несмотря на высокие для периферийных стран коэффициенты динамики ВВП, более заметную роль интенсивных составляющих расширенного воспроизводства (вклад совокупной производительности живого и овеществленного труда в прирост валового продукта равнялся в Алжире 10 — 12%, в Тунисе 20 — 22%, в Марокко 25 — 27%; в среднем по группе африканских стран 5 — 8%, в развитых капиталистических государствах 40 — 45%), экономический рост стран Магриба в условиях колониализма был крайне неравномерным, диспропорциональным, а относительно меньшая степень «экстенсивности» их общественного воспроизводства объяснялась главным образом динамичным функционированием экспортных анклавов, интенсивным выкачиванием природных ресурсов, жесточайшей эксплуатацией коренного населения.

В результате завоевания политической независимости, проведения национальной экономической политики, осуществления ряда реформ и преобразований, масштаб которых значительно больше в Алжире, меньше в Тунисе и еще меньше в Марокко, странам Магриба удалось добиться определенных успехов в развитии народного хозяйства. Среднегодовые темпы прироста ВВП увеличились в Алжире с 2,0 — 2,2% в колониальный период (1880 — 1960) до 6,7 — 6,8% в поствосстановительный период (1970 — 1980), в Тунисе — с 2,4 — 2,6% (1910 — 1955) до 6,3 — 6,5% (1959 — 1980), в Марокко — с 3,5 — 3,7% (1920 — 1955) до 4,3 — 4,5% (1962 — 1980), в целом по странам Азии и Африки — с 1,6 — 1,8% (1900 — 1960) до 5,3 — 5,5% (1960 — 1980).

Вследствие усиления воздействия государства на процесс расширенного воспроизводства, реализации программ технического переоснащения экономики, проведения в той или иной форме (в Алжире — форсированной) индустриализации, а также постепенного повышения культурного, образовательного и квалификационного уровня рабочей силы, в странах Магриба существенно возросли темпы роста общественной производительности труда: в Алжире соответственно с 0,4 — 0,6 до 2,0 — 2,2%, в Марокко — с 1,4 — 1,6 до 2,1 — 2,2%, в Тунисе — с 0,7 — 0,8 до 3,6 — 3,8%, по группе африканских стран — с 0,4 — 0,6 до 2,9 — 3,1%.

Таким образом, в 1960 — 1970-е гг. данный показатель по освобожденным странам почти сравнялся со средним индикатором в развитых капиталистических государствах (3,0 — 3,2%), значительно превысив соответствующие цифры по странам Запада и Японии в эпоху их промышленного переворота (в среднем в XIX в. 0,8 — 1,2%, в Англии в 1780 — 1830 гг. 0,9 — 1,1%; во Франции в 1815 — 1860 гг. 0,7 — 0,9%; в Германии в

1850 — 1890 гг. 1,2 — 1,6%; в США в 1840 — 1900 гг. 1,4 — 1,8%; в Японии в 1870 — 1913 гг. 2,0 — 2,5%).

Весьма примечательно, что во многих развивающихся государствах преобладающая доля (в Марокко и Тунисе 70 — 80%, в среднем по афроазиатским странам 65 — 75%) общего повышения темпов их экономического роста связана не с увеличением массы применяемого труда (хотя, ввиду давления демографического фактора, его темпы также существенно возросли), а с ускорением динамики его производительности.

Что касается Алжира, то сравнительно невысокие показатели роста производительности труда (в среднем ежегодно 2,0 — 2,2%) и его «вклада» в увеличение ВВП (30 — 33%) в 1970-е гг. объяснялись не столько трудностями экономического порядка (масштаб которых в этой стране, по-видимому, относительно меньше, чем в соседних двух государствах), сколько практическим воплощением в жизнь стремления алжирского руководства реализовать социальные приоритеты общественного развития — в исторически короткие сроки ликвидировать массовую безработицу, в чем достигнут значительный прогресс: доля безработных в самодеятельном населении сократилась с 37 — 39% в 1962 — 1963 гг. до 15 — 17% в 1988 — 1984 гг. (в Тунисе данный индикатор увеличился соответственно с 10 — 13 до 17 — 18% и в Марокко — с 10 — 13 до 21 — 23%)⁸.

В большинстве освободившихся государств, включая страны Магриба, ускорение темпов расширенного воспроизводства и динамики производительности общественного труда в поствосстановительный период по сравнению с колониальным вызвано во многом увеличением нормы капиталовложений⁷ (в Алжире — с 14 — 15 до 33 — 35%, в Тунисе — с 13 — 14 до 25 — 26%, в Марокко — с 14 — 16 до 17 — 18%, в целом по странам Азии и Африки — с 8 — 10 до 18 — 20%) и в известной мере — уменьшением коэффициента предельной капиталоемкости (соответственно в Алжире — с 6,9 до 5,0, в Тунисе — с 5,4 до 4,0, в Марокко — с 4,2 до 4,0, в афроазиатских странах — с 5,3 до 3,5)⁸.

Отметим, что последний индикатор, выражающий своего рода «цену развития», в целом по освободившимся странам оказался ниже, чем по группе ныне развитых капиталистических государств как в современных условиях (в 1960 — 1980 гг. 4,7 — 4,9), так и в период их промышленного переворота (в среднем в 1800 — 1900 гг. 6,0 — 6,8)⁸.

Суммируя приведенные выше оценки, следует подчеркнуть, что возросшие в освободившихся странах темпы роста совокупной производительности живого и ошестовленного труда обеспечили не только существенную долю прироста их валового

продукта (в 1960 — 1970-е гг. в Марокко 20 — 22%, в Тунисе 38 — 40%, в целом по странам Азии и Африки 33 — 37%), но и значительную часть (в Тунисе 52 — 54%, в афроазиатских государствах 48 — 52%) общего ускорения их экономической динамики. И хотя в бывших колониальных и зависимых странах доли интенсивных факторов хозяйственного роста все еще намного меньше, чем в развитых капиталистических государствах (в 1960 — 1970-е гг. 50 — 54%), данный индикатор в целом по афроазиатским странам уже выше, чем в среднем по странам Запада и Японии на этапе их промышленного переворота (в 1800 — 1900 гг. 18 — 22%).

Таким образом, вступление освободившихся государств, включая страны Магриба, на путь индустриализации привело и повышению темпов их расширенного воспроизводства, усилению роли его интенсивных составляющих, которая повышалась вопреки сложившемуся соотношению основных производственных ресурсов. Несмотря на известную условность такого рода исторических сопоставлений, приведенные цифры показывают, что в 1960 — 1970-е гг. в североафриканских и во многих других афроазиатских странах некоторые интенсивные факторы играли более заметную роль в их экономическом развитии, чем в ныне развитых капиталистических государствах в период их индустриальной революции.

Отмечая указанные тенденции, необходимо одновременно учитывать, что во-первых, интенсификация общественного воспроизводства далеко не в равной мере охватила различные группы освободившихся стран и основные звенья их народного хозяйства. Во-вторых, данные процессы в молодых государствах связаны не только с проведением в них разных реформ и преобразований, осуществлением ряда планов и программ модернизации и трансформации отсталых общественных структур, но и с политикой транснациональных корпораций, направленной на перенос из центров мирового капиталистического хозяйства на его периферию «нижних эшелонов» экономики. В результате такой политики усилилась неравномерность развития «периферийных» стран, возросла их финансовая и технологическая зависимость от империализма.

В-третьих, циклические и структурные кризисы, поразившие центры мирового капитализма в 1970 — 1980-е гг., в немалой мере отразились на положении многих стран развивающегося мира, вызвав снижение темпов роста ВВП (в 1978 — 1984 гг. в среднем ежегодно 2,0 — 2,6%; в Тунисе 4,8 — 5,0%, в Марокко 2,2 — 2,8%), а также возникновение и углубление ряда диспропорций и перекосов в их народнохозяйственных

структурах (в результате в Тунисе доля интенсивных факторов роста сократилась до 18 — 20%, в Марокко — до 30 — 32%).

Вместе с тем возросшие сложности и трудности экономического развития афроазиатских и латиноамериканских государств было бы, вероятно, неправильно расценивать применительно к большинству из них как признаки перелома в отмеченной долговременной тенденции (к ускорению динамики роста и повышению роли его интенсивных составляющих), так как ужесточение внешних условий воспроизводства для ряда освободившихся стран может стать немаловажным стимулом углубления внутренних преобразований, совершенствования механизма хозяйственного развития, укрепления его национальной основы.

В этой связи подчеркнем, что в Алжире, начиная с конца 1970-х гг., в результате завершения важнейших объектов индустриального строительства, осуществления некоторых реформ, в т. ч. реорганизации системы управления, а также повышения роли человеческого фактора, обнаружилась определенная тенденция к улучшению ряда характеристик общественного воспроизводства. В отличие от многих других освободившихся государств, Алжир сумел сохранить достаточно высокие темпы роста ВВП (в 1978 — 1984 гг. в среднем ежегодно 6,3 — 6,7%) и значительно повысить вклад его интенсивных составляющих (с 12 — 14% в 70-е гг. до 24 — 26% в первой половине 80-х гг.). Успехи, достигнутые алжирским народом, способствуют обеспечению самоподдерживающегося роста, упрочению социалистически ориентированного курса развития.

Примечания

¹ Рассчитано по: *Amin S. Le Maghreb moderne*. P., 1970, p. 47, 53—54.

² Рассчитано по: *Amin S. Le Maghreb moderne*, p. 50—51, 58, 82, 128.

³ Рассчитано по: *Amin S. Le Maghreb moderne*, p. 53—54.

⁴ Рассчитано по: *Amin S. Le Maghreb moderne*, p. 49; *Benachéou A. Formation du Sous-Développement en Algérie*. Alger, 1978, p. 94, 158.

⁵ Этап независимого существования с момента достижения наивысшего уровня производства, зарегистрированного в условиях колониализма.

⁶ Рассчитано по: *The Middle East Review* 1985, L., 1985, p. 160; „CEDIES Informations“, Casablanca, 14 04, 1984; *Marchés tropicaux et méditerranéens*, 1984, № 2034, p. 2682; 1985, № 2064, p. 1338; *Révolution africaine*, Alger, 1985 № 1101, p. 28; № 1108, p. 47.

⁷ Средневзвешенный показатель за соответствующий период, рассчитанный с учетом лага, равного 3—4 годам.

⁸ *UN Handbook of World Development Statistics*, 1980, N. Y., 1981, p. 18, 24.

⁹ *Bairoch P. Révolution industrielle et sous-développement*. P., 1974, p. 68, 149, 152.

ПРОБЛЕМА ВНЕШНЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН (на примере Марокко)

Проблема внешней задолженности развивающихся стран, существовавшая и прежде, наиболее остро проявилась в последнее десятилетие, когда экономические кризисы на Западе 1974 — 1975 и 1980 — 1982 гг. вызвали сокращение объема экспортной выручки стран «третьего мира», являющихся традиционными поставщиками сырья на мировом капиталистическом рынке; одновременно усилился процесс удорожания импорта вследствие роста цен на топливо, машины, оборудование, продовольствие. Наиболее пострадали от этого развивающиеся страны — импортеры нефти, сохраняющие к тому же узкую сырьевую специализацию. К ним относится Марокко, где фосфаты дают основную часть экспортной выручки, что делает страну особенно уязвимой для колебания цен на внешних рынках.

Переход развивающихся стран к индустриальным формам труда сопровождается ростом потребностей в новых, более совершенных средствах производства и технологии, что вызывает увеличение доли наиболее дорогостоящих товаров в импорте. В Марокко же процесс индустриализации связан не столько с появлением новых отраслей обрабатывающей промышленности, что могло бы способствовать изменению роли страны в международном разделении труда, сколько с повышением степени обработки традиционной продукции — фосфатов.

Одновременно с ростом потребностей развивающихся стран в импорте капитала для финансирования дефицитов платежных балансов, на увеличение внешней задолженности влияет ухудшение условий кредитования. Растет доля кредитов коммерческих банков в структуре задолженности развивающихся стран — с 11% в 1969 г. она увеличилась до 21% в 1973 г. и до 50% к 1979 г.¹ (для Марокко этот показатель равен 40%). Это

означает, что долг должен выплачиваться в более короткие сроки и на более жестких условиях. По величине внешнего долга Марокко стоит на 4-м месте в Африке и на 19-м — в мире.

В начале 1985 г. в Париже состоялось совещание консультативной группы МБРР по Марокко, на котором обсуждалась проблема ее внешней задолженности, являющаяся отражением глубокого финансового и экономического кризиса, переживаемого страной в последние годы. Наиболее очевидных причин этого кризиса несколько. Прежде всего это неблагоприятные климатические условия в течение ряда лет, когда следовавшие одна за другой засухи вызвали значительное снижение урожая зерновых — внутренние потребности в них страны составляют около 6 млн. т ежегодно, однако, в настоящее время производится чуть более половины этого количества, а дефицит покрывается за счет импорта зерна, что тяжелым бременем ложится на торговый баланс Марокко. Многолетние засухи вызвали ухудшение качества такой традиционной экспортной культуры страны, как цитрусовые, что выразилось в падении спроса и цен на них на мировом рынке. Снижение уровня воды в водохранилищах привело к уменьшению выработки электроэнергии на ГЭС с 30 до 2%, что приходится компенсировать за счет ТЭС (в 1984 г. на них было произведено 94% всей электроэнергии). Не обладая собственными энергетическими ресурсами (дефицит энергии в Марокко составляет 88%, а 48% стоимости экспорта образуют расходы на энергетическое сырье, в основном на сырую нефть)⁷, страна вынуждена увеличивать импорт нефти.

Отразилось на положении страны и общее ухудшение условий реализации сырьевых товаров на мировом рынке, связанное с сокращением спроса со стороны развитых капиталистических стран. Особенно это коснулось продукции горнодобывающей промышленности Марокко — фосфатов. Цены на них упали с 65 долл. за т в 1974 г. до 34 долл. в 1983 г.

Протекционистские меры стран — членов Европейского экономического сообщества, являющихся традиционными потребителями экспортной сельхозпродукции Марокко, а также принятие Испании и Португалии в ЕЭС (продукция которых — текстильная и кожевенная, сельскохозяйственная — составляет конкуренцию марокканской) ухудшают условия реализации марокканских товаров. В результате в 1983 г. произошло снижение объема производства и экспорта всех видов экспортной продукции сельского хозяйства, кроме картофеля и тепличных томатов.

Значительные потери несет Марокко в связи с ростом курса американского доллара по отношению к дирхаму, что ведет к удорожанию импорта и увеличению выплат в счет погашения

внешнего долга. Так, импорт Марокко в 1984 г. увеличился по сравнению с 1983 г. по объему на 14%, а по стоимости — на 34%³.

Тяжелым бременем для страны является продолжающаяся война в Западной Сахаре. Содержание армии в 200 тыс. человек и другие военные расходы ежегодно обходятся в 2 млрд. долл.⁴.

Отражением кризисного положения страны является значительный рост внешнего долга. Если в 1972 г. он составил 900 млн. долл., или 17% валового внутреннего продукта страны, то в 1983 г. он уже равнялся 11 млрд. долл., или 90% ВВП в текущих ценах⁵, а в 1985 г. — 14 млрд. долл.⁶. Норма обслуживания внешнего долга Марокко, т. е. отношение ежегодных платежей в счет его погашения к поступлениям от экспорта товаров и услуг, увеличилось с 12% в 1970 г. до 29,6% в 1982 г.⁷, когда как по оценке МБРР допустимый предел этого показателя составляет 20%.

Не последнюю роль в этом играла экономическая политика руководства страны, ориентирующегося в программах развития на иностранные инвестиции. Не только бюджет развития (капиталовложений), но и бюджет управления (текущие расходы) в значительной степени формируются за счет внешних средств. Всего за 1978 — 1983 гг. Марокко использовало иностранных займов и кредитов на сумму около 52 млрд. мар. дирхамов.

Все вышеперечисленные причины привели к резкому ухудшению к 1983 г. валютно-финансового и экономического положения страны. Так, дефицит внешнеторгового баланса в конце 1982 г. составил 12,6 млрд. дирх.⁸, а дефицит платежного баланса по текущим операциям — 11,4 млрд. дирх.⁹. Текущие выплаты в счет погашения внешней задолженности стали поглощать большую часть получаемых страной заемных средств — в 1982 г. 65% вновь поступивших внешних средств было использовано в виде выплат. Снизилась золотовалютные резервы Марокко (до 26 млн. долл. против 428 млн. долл. в 1980 г.)¹⁰. Ухудшилась платежеспособность (коэффициент ликвидности, т. е. норма обеспечения импорта золотовалютными резервами, снизился с 18% в 1980 г. до 4,7% в 1982 г.).

Все это не могло не отразиться на внутреннем экономическом положении страны. Еще в 1981 г. на 32% снизился курс дирхама по отношению к доллару¹¹. Цены на потребительские товары на внутреннем рынке повысились на 12%, ВВП сократился на 1%¹². Во время засухи 1980 — 1981 гг. каждый час до десяти человек пополняли население бидонвией Касабланки, где уже проживало более 2 млн. человек¹³, т. е. усилился отток

населения из голодающей деревни в города, где социальные проблемы также обострились.

В 1982 г. наблюдалось дальнейшее ухудшение ситуации, выразившееся в растущем повышении стоимости жизни. В этих условиях правительство Марокко было вынуждено отказаться от стратегии развития пятилетнего плана 1981 — 1985 г., делавшей упор на усиление экономической активности в стране. Задачи, предусматривавшиеся этим планом, были довольно оптимистичными. Так, намечался ежегодный рост ВВП на 6,5%. Общий объем капиталовложений за пятилетие должен был составить 111 млрд. дирх., из них 40% должно было осуществляться в частном секторе. Планировалось сокращение торгового дефицита Марокко (с 9% по отношению к ВВП в 1981 г. до 7% в 1985 г.)¹⁴. Возлагая большие надежды на частный иностранный и национальный капитал, марокканское правительство приняло меры по стимулированию его активности. В 1982 г. был принят новый инвестиционный кодекс в отраслях обрабатывающей промышленности, создающий дополнительные льготы частным инвесторам: прежде всего, им было разрешено создавать в стране предприятия со 100%-ным участием иностранного капитала; свободно переводить за границу прибыли, а через 5 лет репатриировать весь вложенный капитал. Инвесторам были предоставлены 50%-ные скидки со стоимости земельных участков и инфраструктурных сооружений в промышленных зонах, создаваемых вокруг марокканских городов. Дополнительными льготами могли пользоваться компании, создающие предприятия в удаленных от экономического центра страны (Касабланка) районах¹⁵. Однако тот факт, что новый инвестиционный кодекс был принят лишь в конце 1982 г. и распространялся только на обрабатывающую промышленность, доля которой в общих капиталовложениях невелика, привел к тому, что частные национальные и иностранные инвестиции в экономику страны росли недостаточно быстрыми темпами.

Рост дефицита внешнеторгового баланса вынудил марокканское правительство принять в 1983 г. меры по резкому ограничению импорта. Был упразднен список «А», в соответствии с которым предоставлялось право свободного ввоза товаров, включавший наиболее необходимые для развития экономики статьи импорта. Все эти товары — оборудование, машины, сырье и полуфабрикаты, отсутствующие на внутреннем рынке, — были включены в список «В», т. е. для их ввоза стало необходимым получение импортной лицензии.

В конце 1983 г. марокканское руководство было вынуждено перейти к политике «строжайшей экономии». Кроме того, в сентябре 1983 г. Марокко пришлось обратиться к «Парижскому

клубу» — неофициальному объединению 12 стран-кредиторов — с просьбой об отсрочке платежей по погашению внешнего долга, приходившихся на 1983 — 1984 гг. Стране была предоставлена отсрочка по выплатам основной части (85%) государственных займов и гарантированных кредитов в сумме 600 млн. долл. на 8 лет с льготным периодом в 4 года¹⁶. Всего речь шла о 980 млн. долл., 44% которых должны были быть выплачены в 1983 и 56% — в 1984 г.

В ноябре 1983 г. в Париже состоялось заседание представителей стран, входящих в МВФ, в котором приняла участие также делегация МБРР. Участники заседания приняли решение о предоставлении Марокко «помощи» в размере 535 млн. долл. для частичного покрытия дефицита платежного баланса в 1983 — 1984 гг. (Марокко запрашивало на эти цели 700 млн. долл.) Предоставление стране «помощи» было обусловлено созданием под эгидой МБРР специальной консультативной комиссии по Марокко, рекомендации которой в области экономики являются обязательными.

Эти рекомендации лежат в русле курса, предложенного МВФ в середине 1983 г. и предусматривающего сокращение государственных инвестиций в экономику, реформу налоговой системы (повышение прямых и косвенных налогов), понижение курса марокканского дирхама, предоставление приоритета в развитии частному сектору экономики. Принятие этих мер явилось условием предоставления Марокко резервного кредита в размере 315 млн. долл. сроком на 18 месяцев¹⁷.

Четкое представление о глубине финансово-экономического кризиса дает анализ госбюджета Марокко, для которого характерен опережающий рост расходов по сравнению с доходами и, вследствие этого, постоянный дефицит. В середине 1983 г. марокканское руководство пересмотрело закон о госбюджете на текущий год в рамках политики «строжайшей экономии», в результате чего на 12,5% была уменьшена расходная часть бюджета, на 11% снижены государственные доходы, а планировавшийся дефицит сократился на 21% и составил 15,6% госбюджета.

Основное уменьшение доходной части планировалось за счет сокращения поступлений из внешних источников; кроме того, были повышены налоги, увеличен размер таможенного обложения, введены новые налоги.

Снижение расходной части в основном достигалось за счет сокращения программы капиталовложений в экономику; были урезаны также расходы на государственные дотации по поддержанию стабильных цен на товары первой необходимости, на образование и пенсионное обеспечение.

Таким образом, основными чертами скорректированного госбюджета 1983 г. — первого разработанного в условиях политики «строжайшей экономии», — явилось значительное снижение капиталовложений в экономику (более чем на 27%), причем, как и в прежние годы, основная часть инвестиций производилась в сфере инфраструктуры; по-прежнему сохранялась существенная роль заемных средств в доходной части и выплат в счет госдолга — в расходной; усиление налогового бремени и сокращение расходов на социальные нужды, а также значительные расходы на милитаризацию экономики. Все это не могло не выразиться в дальнейшем замедлении темпов экономического роста, ухудшении положения беднейших слоев населения и усилении социальной напряженности в стране.

В 1984 г. экономическая политика марокканского руководства в этой области не претерпела изменений. Планируемый дефицит составил 19,3% госбюджета. По-прежнему значительной была роль внешних средств в финансировании экономики. Из общего объема промышленных инвестиций в сумме 2,76 млрд. дирх. около 60% было произведено в валюте¹⁸. Несмотря на обещания правительства, что цены на продовольствие и товары первой необходимости повышаться не будут, в 1984 г. продолжался рост цен на основные потребительские товары: на 10 — 35% подорожали чай, кофе, моющие средства, кухонная утварь, запчасти к автомобилям.

Не дала заметных результатов политика ограничения импорта и стимулирования экспорта. Так, в 1984 г. по сравнению с 1983 г. дефицит внешнеторгового баланса увеличился с 10,9 до 15,3 млрд. дирх., а покрытие импорта экспортом составило 55,6%¹⁹.

Не произошло существенных изменений в экономической политике правительства Марокко и в 1985 г. На прежнем уровне планируется дефицит госбюджета, составляющий 6,3 млрд. дирх. (19% бюджета)²⁰. В расходной части на 10,7% увеличивается бюджет управления. В эту рубрику входят расходы на военные нужды, которые возрастут на 132 млн. дирх.; расходы на содержание госаппарата; расходы на социальное обеспечение, которые планируется снизить на 16,7 млн. дирх. и др. Бюджет развития планируется увеличить на 21%. Однако если сравнить запланированный объем инвестиций (12,3 млрд. дирх.) не с уровнем 1984 г. (10,15 млрд. дирх.), а с уровнем 1983 г. (12,6 млрд. дирх.) и 1982 г. (16,8 млрд. дирх.), то даже без учета инфляции обнаруживается значительное его снижение (примерно на 25%). Заметен рост — на 13,75% — выплат по долгам, что отчасти связано с повышением курса американского доллара.

Доходная часть госбюджета в определенной степени фор-

мируется за счет косвенных налогов (25% доходов бюджета, и вместе с таможенными, регистрационными и гербовыми сборами — 45%). Как и в прежних госбюджетах, в бюджете на 1985 г. значительна роль внешних источников финансирования — их доля равна 27% доходов бюджета, а объем планируется в сумме 10,4 млрд. дирх.²¹. Обращает на себя внимание тот факт, что эта сумма почти равна размеру выплат по долгам, т. е. Марокко вступило в тот порочный круг, когда новые заемные средства целиком уходят на оплату прежних долгов.

Экономическая ситуация в Марокко со всей очевидностью свидетельствует о том, что страна находится в тисках экономического и финансового кризиса, и попытки выйти из него пока не дают заметных результатов. Причины этого кризиса — не временные трудности конъюнктурного характера (хотя они, конечно, еще более осложнили обстановку), его истоки лежат в самой структуре экономики страны, ее все возрастающей зависимости от центров международного капитала, экономической и финансовой политике марокканского руководства.

Примечания

¹ Внешняя задолженность развивающихся стран, Реф. сб., М., 1982, с. 18.

² *Wright M.* Morocco treads an economic tightrope. MEED, London 17. 8. 1984, p. 12—15.

³ *Al-Bayane*, Casablanca, 25. 8. 1985.

⁴ *Le Monde*, Paris, 16. 1. 1984.

⁵ Там же.

⁶ *Al-Bayane*, Casablanca, 8. 06. 1985.

⁷ Визлетень иностранной коммерческой информации (ВИКИ) 4. 1985.

⁸ ВИКИ 4. 1984.

⁹ ВИКИ 5. 1985.

¹⁰ Там же.

¹¹ *New African*, London, sept. 1982.

¹² *Le Monde*, Paris, 10. 8. 1983.

¹³ *Le Monde*, Paris, 25—26. 06. 1983.

¹⁴ ВИКИ 16.6.1981.

¹⁵ ВИКИ 3.0.1982.

¹⁶ ВИКИ 5.1.1985.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Al-Bayane*, Casablanca, 3. 5. 1985.

¹⁹ ВИКИ 20.6.1985.

²⁰ *Le Matin du Sahara*, Rabat, 20. 11. 1984.

²¹ *Al-Bayane*, Casablanca, 26. 12. 1984.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР В ЭКОНОМИКЕ ЕГИПТА
В 80-е гг.

Анализу состояния государственного сектора и оценке перспектив его развития принадлежит важная роль в понимании всего комплекса экономической и общественно-политической проблематики молодых освободившихся государств.

Госсектор в Египте претерпел сложную эволюцию в своем развитии. На этапе национально-демократической революции, лидером которой выступил первый президент Египта Г. А. Насер, произошло быстрое расширение границ госсектора, в результате чего государство заняло ведущие позиции в экономике страны. В 70-е гг., в период расцвета «потребительского инфлята», происходит сужение его границ, демонтаж отдельных структур. Развитие этой тенденции, однако, натолкнулось на октябрьские события 1981 г. в основе которых лежало обострение экономических проблем, глубокий социально-политический кризис, затронувший устои режима.

В 80-е гг. обострилась борьба различных социально-политических сил вокруг путей и методов решения назревших проблем, в том числе и по вопросу о будущем госсектора. Однако как бы не менялся политический барометр в Египте, история этой страны после июльской революции 1952 г. свидетельствует о том, что госсектор служит важнейшим инструментом и основой национальной политики. Опираясь на государственный сектор, государство решало ряд фундаментальных задач экономического и социально-политического характера, имеющих жизненно важное значение для современного Египта. К ним относятся: поддержание относительной стабильности экономического роста; рациональное и производительное использование имеющихся ресурсов; планирование социально-экономического развития; обеспечение самостоятельных экономических позиций государства в условиях активизации иностранного капитала,

действующего в стране; производство и реализация на внутреннем рынке по доступным ценам средств производства и потребительских товаров массового спроса; обеспечение поступления необходимых валютных ресурсов; обеспечение занятости быстро растущего населения; подготовка национальных кадров и т. п.

Выполнение государственным сектором ключевых функций в социально-экономическом развитии предопределило исключительную устойчивость его в 70-е гг.

Несмотря на расширение границ частного предпринимательства, доля которого в промышленном производстве возросла с 18% в 1975 г. до 35% в 1980 г., глубоко изменить, а тем более демонтировать структуры госсектора в период наступления «потребительского инфлята» не удалось¹. К началу 80-х гг. отраслевая структура госсектора, сложившаяся в основном в 60-е гг., не претерпела значительных изменений.

В начале текущего десятилетия государству принадлежали крупнейшие в стране экономические объекты практически во всех ключевых хозяйственных сферах. Госсектор включал более 380 банков и компаний, действующих в сфере промышленности, транспорта и строительства, сельского хозяйства и услуг. На государственных предприятиях было занято около 1 млн. 200 тыс. работников или 60% всей рабочей силы сферы услуг, отраслей материального производства (исключая сельское хозяйство)².

Доля госсектора в сфере промышленного производства достигала в начале 80-х гг. 65%, в строительстве — 75%, в сфере транспорта и связи — 90%, услуг — 50%. Несмотря на рост числа иностранных и местных частных банков в последнее десятилетие, четыре крупнейших государственных банка обеспечивали до 70% кредитных средств, поступающих в промышленность, и 85% — в сферу торговли³.

Стоимость основных фондов в госсекторе оценивалась в 20 млрд. ег. ф., что составляло 50% основных фондов в экономике страны, находящихся за пределами сельского хозяйства. В первой половине 80-х годов в госсекторе создавалось около 2/3 национального дохода. Причем в начале текущего десятилетия наблюдалась тенденция возрастания роли государства в перераспределении национального дохода под влиянием роста доходов от нефти, Суэцкого канала, других внешних поступлений. Это, несомненно, усиливает общеэкономические позиции государства: в 1982/1983 фин. г. по каналам госбюджета было перераспределено 57% национального дохода страны по сравнению с 54% в 1981/82 фин. г. и 50% в 1980/81 фин. г.⁴.

Начиная с 60-х гг. и по настоящее время государство фор-

мирует основную часть инвестиций, обеспечивая в решающей мере процесс расширенного воспроизводства: более 70% капиталовложений в экономику Египта осуществляется государством. Вместе с тем в 70-е гг. существенно возросла доля частного сектора в валовых накоплениях, но прежде всего за счет роста инвестиций в сфере услуг.

Благодаря росту внешних поступлений, в том числе от экспорта нефти, возросла норма накоплений, составившая в конце 70-х — начале 80-х гг. примерно 23% (13% в 1973 г.). Среднегодовые темпы роста ВВП в этот период повысились до 7 — 8% (5 — 6% по оценке МВФ)⁸.

Параллельно в египетской экономике, вследствие негативного влияния политики «открытых дверей», усиливались структурные диспропорции, продолжали обостряться во многом взаимоувязанные проблемы экономического и социального порядка. Существенно снизился уровень самообеспечения страны продовольствием, выросла внешняя задолженность, быстрыми темпами возрастает дефицит торгового баланса, высоки темпы инфляции и в результате вопиющих масштабов достигло социальное неравенство.

В начале 80-х гг. в кризисном состоянии находилась значительная часть самого госсектора. Если в 1976 г. 1/7 всех промышленных госкомпаний понесла убытки, то в 1980/81 — 1982/83 гг. доля убыточных компаний составила уже 1/3 их общего числа⁹. Экономический рост в стране обеспечивался в основном за счет нового строительства, программы выполнения которого весьма уязвимы в условиях обострения дефицита ресурсов.

Тяжелое финансовое положение значительного числа госкомпаний подрывает их технико-экономическую базу в целом. Среди причин необходимо отметить: физический и моральный износ основного оборудования; недостаточное централизованное финансирование предприятий, дороговизна банковских кредитов; негибкую систему определения цен на продукцию госкомпаний; сложившуюся систему отчислений от прибылей в госбюджет, при которой госкомпании лишаются львиной доли прибылей; недостаток валютных средств, необходимых для импорта сырья и оборудования, цены на которые в последнее десятилетие значительно выросли; неповоротливость бюрократического аппарата, коррупцию среди государственных чиновников, разворовывание огромных средств и материальных ценностей, принадлежащих государству; обострившуюся нехватку квалифицированных кадров среднего технического и административно-управленческого персонала в результате массовой эмиграции египтян за границу в 70-е гг., переманивания квали-

финансированных работников в частный сектор; возросшую конкуренцию находящихся в привилегированном положении «инфитаховских» компаний, а также поток западных товаров, хлынувших на внутренний египетский рынок, который привели к заговариванию складов госкомпаний (в начале 1983 г. скопилось нерезализованной продукции на сумму в 3,8 млрд. египетских фунтов).

Решение острых проблем, с которыми сталкивается Египет в 80-е гг. многие египетские экономисты, реалистически мыслящие представители режима связывают с перспективами укрепления госсектора. Достижение этой цели предполагает не только изыскание необходимых ресурсов, но и осуществление назревшей реформы госсектора, в том числе смену форм и методов управления, возврат к практике планового развития, пересмотр отдельных сторон инвестиционного законодательства, бюджетной политики государства, изменения ряда народнохозяйственных пропорций и т. д. За последние годы по некоторым из этих направлений произошли определенные сдвиги.

В августе 1983 г. после длительного периода острых дискуссий и корректировки Народным собранием был принят закон о реформе системы управления госсектором. Он представляет собой компромиссный вариант, который содержит ряд положений, отражающих как взгляды сторонников сохранения курса на либерализацию египетской экономики, так и отдельные позиции сторонников укрепления контроля государства в ключевых отраслях экономики.

В новом законе несколько расширены полномочия Административных советов госкомпаний за счет передачи части прав отраслевых министерств (упразднения которых требовали отдельные представители полной либерализации экономики) госкомпаниям. Эти права сводятся в основном к следующему:

— госкомпании приравниваются к частным египетским компаниям в области использования и распределения прибыли;

— председатель Административного совета компании или его первый заместитель (назначаемые отраслевым министерством) имеют право самостоятельно принимать решения по вопросам капиталовложений, используя для этого прибыль компании и ее валютную выручку;

— Административный совет самостоятельно решает вопросы, связанные с выбором системы заработной платы, форм вознаграждения и т. п.;

— активизируются возможности госкомпаний, направленные на пересмотр устаревших, не соответствующих уровню издержек производства цен.

Законом предусматривается возможность продажи 49%

акций госкомпаний частному и иностранному капиталу в целях привлечения необходимых средств и новейшей технологии.

Расширение прав Административных советов увязывается с созданием, а точнее говоря с воссозданием государственных корпораций, наподобие существующих до роспуска в 1975 г. государственных организаций, выполнявших функции трестов. Вместе с тем в отличие от последних государственные корпорации не вмешиваются в процесс принятия текущих хозяйственных решений, не подменяют Административные советы, не лишают их инициативы и ответственности за итоги работы госкомпаний. В то же время на них возложены функции контроля за текущим ходом деятельности компаний, разработки предложений по повышению эффективности их производственно-экономической деятельности. Государственные корпорации являются консультативным контрольным органом, наряду с этим расширились их возможности влиять на принятие решений с помощью экономических рычагов: в соответствии с декретом, государственные корпорации наделяются фондом для сбалансирования цен и издержек производства, получили право перевода от одних компаний к другим средств, направляемых на цели развития из госбюджета. Создается также фонд кредитных средств, которыми корпорации распоряжаются по своему усмотрению с целью регулирования деятельности компаний. Декретом предусматривается сохранение приоритета центральных управленческих органов в вопросах планирования, координации деятельности компаний.

Таким образом, отраслевые министерства, государственные корпорации удерживают контроль над основными областями принятия хозяйственных решений как путем директивного планирования объема и номенклатуры производства, назначения высшего руководства компаний, лицензионного контроля над инвестициями, так и с помощью таких гибких экономических рычагов, как бюджетное финансирование.

В то же время подтверждение возможности продавать 49% акций иностранному и местному частному капиталу свидетельствует о стремлении и в дальнейшем поощрять партнерство между госкомпаниями и негосударственным капиталом. Этому может способствовать и ряд других шагов, предпринятых нынешней администрацией, в том числе предоставление различных льгот частному местному и иностранному капиталу, принятие совместной американо-египетской декларации о взаимном поощрении частных капиталовложений. Повышение эффективности деятельности госкомпаний, в целом укрепление египетской экономики связано с ликвидацией диспропорций в социально-экономическом развитии, углубившихся под воздейст-

нием политики «потребительского инфитаха». Определенную роль в этом процессе может сыграть восстановление в значительной мере утраченных в 70-е гг. плановых начал в управлении экономикой.

За время, прошедшее с начала реализации политики «открытых дверей», заметно деградировала сформировавшаяся в 60-е гг. плановая система социально-экономического развития. Усиление рыночных явлений в египетской экономике, рост опоры на внешние факторы развития, ослабление координации между сферой материального производства, в значительной мере относящейся к госсектору, и сферой услуг, где сосредоточены интересы частного бизнеса, и другие факторы отрицательно сказались на условиях, при которых возможно эффективное, пусть даже и ограниченное применение плановых методов хозяйствования.

За последние годы были предприняты практические меры в направлении использования методов планового руководства экономикой, в том числе в госсекторе. В частности был принят пятилетний план социально-экономического развития АРЕ на 1982/83 — 1986/87 гг., и т. д.

В этой связи следует отметить отдельные особенности нового пятилетнего плана. Важным представляется то обстоятельство, что распределение плановых инвестиций в основном закрепляет лидирующую роль госсектора в экономике Египта: 2/3 всех ресурсов направляется в эту сферу национального хозяйства. Следует отметить также, что 80% всех капиталовложений в госсектор направляется на завершение уже строящихся объектов, реконструкцию и модернизацию действующих государственных предприятий. Намечен ряд других мер, направленных на оздоровление египетской экономики, укрепление государственного сектора⁷.

После прихода к власти Х. Мубарака на роли госсектора в решении ряда острых социальных проблем акцентируется определенное внимание. Утрата им отдельных экономических позиций и регулирующих функций в 70-е гг. сопровождалась эрозией функций социальных, связанных с интересами различных слоев населения страны, но прежде всего — малоимущих. Этот процесс, однако, встречал нарастающее сопротивление со стороны широких слоев трудящихся страны, политической оппозиции. Нынешний режим, провозгласивший проведение более реалистического внутривластного курса, декларировал в качестве составных своей социальной политики ряд мероприятий, связанных с жизненными правами трудовых слоев населения. Среди них: осуществление программы экономического строительства, позволяющей трудоустроить быстро растущее

население страны; сохранение в основном политики субсидирования цен на товары и услуги первой необходимости; расширение системы социального обеспечения; реализация программы строительства дешевого жилья.

Вместе с тем в рамках курса на оживление частного предпринимательства, налаживания партнерства между египетским и иностранным капиталом значительные средства из государственных ресурсов направляются на поддержку частного сектора.

Сохранение высокой нормы накопления в условиях обостряющегося в последние годы дефицита ресурсов объективно ограничивает возможности реализации социальных программ без глубокого пересмотра всей социальной политики. На трудности в этой области, в частности, указывает попытка повысить цены на некоторые товары, субсидируемые государством, вызвавшая волнения в Кафр эд-Даваре осенью 1984 г.

В то же время в стране сохраняются довольно высокие темпы инфляции, подхлестываемые местным и иностранным частнопредпринимательским капиталом, активно действующим на «черном рынке».

Таким образом, плодами деятельности госсектора в значительной мере пользуется частный капитал, что позволяет сделать вывод о сохранении в основном государственно-капиталистической тенденции в его эволюции. Перспективы дальнейшего развития госсектора во многом зависят от складывающегося соотношения между различными социально-политическими силами Египта.

Примечания

¹ Egypt. Investment and Business Directory, 1983/1984, p. 52.

² Ал-Ахрам ал-яитсады, апр. 1983, № 749, с. 34.

³ Ал-Маукеф ал-араби, Каир, 1983, № 37; Egypt. Investment and Business Directory, p. 31.

⁴ Ал-Ахрам ал-яитсады, № 749, с. 12.

⁵ Egypt. Lloyds Bank Group Economic Report. I., 1984, p. 3.

⁶ International Herald Tribune, 26. 05. 1982.

⁷ Мыр ал-муасира, Каир, № 393 — 394, 1983, с. 104.

ТРАДИЦИОННОЕ РЕМЕСЛО В СИРИИ

Сирия издавна была важным торгово-ремесленным центром Средиземноморья с развитыми традициями местного кустарного производства. Дамаск и Халеб славились продукцией своих мастеров-оружейников, изготовлявших холодное оружие из дамасской стали. Широкую известность получили изделия многочисленных сирийских ткачей, прежде всего ткани из шерсти и шелка. Особым спросом пользовались золототканная халебская парча, дамасские и халебские полушелковые ткани, известные в России под названием аладжа, кубны и черемшута¹.

На протяжении позднего средневековья ремесленная продукция Сирии практически обеспечивала потребности населения страны. Избыток ее вывозился в Египет, Судан, Марокко, а также в Европу.

С начала XVI в. Сирия была включена в состав Османской империи. В период турецкого господства нарушались установившиеся экономические и торговые связи, многие виды производственной деятельности, в том числе и продукты труда ремесленников, облагались прямыми и косвенными налогами, достигавшими порой 40% их стоимости. Налогами облагались даже простейшие орудия домашнего производства, не говоря уже о более сложных, таких как мельницы, красильни, приспособления для размотки кононов². Эти меры, безусловно, имели негативные последствия для ремесла, хотя и не могли подорвать его основ.

Позднее, закрепившись в стране, турки постепенно начали внедряться в ремесленную структуру, создавать некоторые новые виды производства, расширять старые.

Процесс развития сирийского ремесла, особенно тех отраслей, которые представляли наибольший интерес для завоевателей, вслестически активизировался ими. Местное производство при турках обеспечивало основные потребности внутреннего рынка в товарах, армия вооружалась из того же источника.

Таким образом и в новое время отдельные виды ремесленного производства в Сирии находились на подъеме. Основные

центры ремесла окончательно сложились к этому времени в Дамаске, Халебе, Хомсе, Хаме.

Наращивание количественных показателей роста ремесленничества не сопровождалось крупными изменениями в структуре ремесленных организаций. Она сохранялась практически в нетронутом виде, начиная с момента своего возникновения в IX — X вв. и строилась по профессиональному признаку. Ремесленники объединялись в цеха, при необходимости в группу цехов. Во главе каждого цеха стоял старшина — шейх ал-хирфа, ему подчинялись мастера, надзиравшие за ремесленниками и подмастерьями. Деятельность группы ремесленных цехов контролировал староста — шейх машах ал-хирфа.

Это свидетельствует о том, что в Сирии функционировала достаточно четко регламентированная цеховая система производства.

Поддержание высокого уровня мастерства ремесленников было предметом основной заботы цеха. Требование о подготовке смены соответствующей квалификации также нашло отражение в уставе. Кандидат в ремесленники принимался на работу учеником, затем становился подмастерьем и, наконец, полноправным членом цеха, по достижении известной зрелости как мастера.

Наряду с распространением индивидуального ремесленничества в Сирии сложилась практика группового труда в кустарных мастерских, объединявших несколько ремесленников для работы на владельца. По уставу принятый в цех ремесленник обязывался работать на хозяина и под его контролем. Порой даже право на выделение и облажение собственной мастерской можно было обрести только с позволения хозяина.

Начиная с середины XIX в. процесс хозяйственного развития Сирии, в том числе и ремесленного производства, был деформирован вмешательством иностранного капитала. Еще на рубеже XVIII — XIX вв. началось экономическое проникновение западноевропейских держав в Османскую империю, а соответственно и в Сирию. Режим капитуляций давал иностранному капиталу исключительные правовые и экономические привилегии, благодаря которым он закреплялся в торговле и в хозяйстве. Промышленные товары западного происхождения крупными партиями поступали на сирийский рынок, разоряя часть ремесленников. В одном только Халебе в середине XIX в. число ручных ткацких станков в индивидуальном владении соизмерилось с 20 тыс. до 1,1 тыс., а количество шелкопрядильных мастерских уменьшилось с 4 тыс. до 186³.

Свертывание некоторых отраслей кустарно-ремесленной промышленности наряду с другими негативными социально-

экономическими последствиями османского господства способствовало возникновению такого явления, как падение численности населения в основных производящих центрах — Дамаске и Халебе, где число горожан в течение первой половины XIX в. по некоторым данным, снизилось на 30 и 50% соответственно⁴.

Традиционному ремеслу и ручному производству в Сирии был нанесен особенно сильный удар в 20-е гг. текущего столетия, когда в стране был установлен французский мандат и расширился ввоз различных машин и механизмов. Наибольшего размаха импорт машин достиг в 30-е гг., составив 430 тыс. т. в 1939 г., против 1,1 тыс. т в 1924 г.⁵.

В ходе этого процесса на ряде ремесленных предприятий отношения между хозяевами и мастерами изменялись. Непосредственные производители постепенно отделялись от средств производства, патриархальный дух, царивший ранее в ремесленном производстве, начал вытесняться раннекапиталистическими производственными отношениями. В ходе классовой дифференциации лишь относительно малая часть ремесленников превращалась в мелких капитализирующихся хозяев, основная же масса рядовых товаропроизводителей разорилась и пополняла армию наемных рабочих.

Привнесение элементов новой технологии, переход на более производительное оборудование (пусть даже ограниченный по своим масштабам), складывание фабрично-заводского производства постепенно сужали воспроизводственную базу ремесленничества. Однако многие его виды все еще продолжали существовать, а некоторые даже сохраняли важные позиции в экономике Сирии. Это обуславливалось тем, что процесс зарождения промышленности и отмирания кустарного промысла имел характер застойного развития. Кустарные предприятия при достигнутом в Сирии к тому времени уровне развития производительных сил обладали большой устойчивостью. Благодаря им удерживались в рамках мелкотоварного уклада крупные контингенты населения, получившие возможность сохранения определенного социального статуса. Фабрично-заводская промышленность не могла набрать силу — мандатные власти не поощряли предпринимательскую деятельность частного сирийского капитала в производственной сфере, к тому же нарождавшаяся национальная буржуазия не располагала достаточными накоплениями для организации собственных крупных предприятий. В результате в стране медленно созревали условия для замещения системы мелкотоварного ремесленного производства современным крупнотоварным. В 30-е гг. сирийская промышленность могла занять лишь часть рабочей силы — около 16%⁶. Остальные продолжали работать на дому, в ремесленно-кустар-

ных мастерских и на предприятиях, близких по типу к мануфактурам.

Таким образом, в мандатный период ремесленный капитал продолжал в основном функционировать и воспроизводиться на базе мелкохозяйственной инициативы, имеющей допромышленный характер.

Получение Сирией политической независимости оказало двойное воздействие на ремесленное производство. С одной стороны, отмена мандата, частичная национализация иностранного капитала, усиление роли государства в экономической жизни страны и проведение им протекционистской политики положительно сказались на экономической конъюнктуре.

Усиление деловой активности отразилось на ремесленном производстве. В мелком кустарном хозяйстве стали чаще применяться различные станки и механизмы, увеличилось потребление электроэнергии. Часть владельцев мелких заведений начала ориентироваться в своей деятельности на промышленный сектор, постепенно превращаясь в придаток крупных предприятий.

С другой стороны, мелкие ремесленники и кустари-одиночки оказались в сильной зависимости от крупной торговли и финансовой буржуазии, что значительно ухудшило их и без того тяжелое положение. Часть из них разорялась, не выдерживая конкуренции местной фабричной продукции и не находя спроса на свои товары, пополняла ряды безработных или наемных промышленных рабочих. Хозяева ремесленных предприятий, связанных с традиционным промыслом, вынуждены были сокращать производство, увольнять работников.

Приход в 1963 г. к власти новых социальных сил в лице ПАСВ, опирающейся на мелкобуржуазные слои города и деревни, сопровождался рядом известных прогрессивных преобразований, в том числе созданием мощного госсектора, усилением государственного вмешательства в экономику и т. п.

Существенное значение придавалось и ремесленному производству. Еще в «Этапной программе» партии (1956 г.) отмечались важность поддержки мелкого производства всеми средствами, поощрение мелких производителей и ремесленников, создание их организаций и т. п.

Особое внимание к ремесленному производству объяснялось не только классовыми симпатиями партии, но и во многом существованием в Сирии значительной резервной армии труда. Ведь попытки решить проблему занятости, делая упор только на современные (и к тому же ограниченные) отрасли национального хозяйства в условиях общей отсталости экономической базы, медленных темпов экономического роста и невысоко-

го уровня накоплений в госсекторе не сулили крупного успеха. В силу этого государство возлагает серьезные надежды на мелкотоварный сектор, декларируя свое намерение активно включить его в систему хозяйственных связей.

В 1969 г. в Сирии был принят закон (№ 250), который вплоть до настоящего времени является основным юридическим документом, регламентирующим деятельность ремесленников Сирии. Он положил конец довольно длительному периоду, в течение которого ремесло в Сирии после отмены османского закона о ремеслах и закона (№ 152) времен мандата не регулировалось в централизованном порядке, подчиняясь сложной и громоздкой системе правил, опирающихся на своего рода традиционное право, сложившееся в ремесленной сфере.

Закон определяет организационную структуру ремесленного производства, в основе которой положен территориально-производственный принцип. Так, группа товаропроизводителей, занятых определенным видом ремесленной деятельности, объединяются в ассоциацию. Ряд ремесленных ассоциаций на уровне провинций образуют союз ремесленных ассоциаций с центром в данной провинции. В свою очередь союзы входят во Всеобщую федерацию ремесленных ассоциаций с центром в Дамаске.

Государство стремится поощрять деятельность ремесленников. Их ассоциациям предоставлены определенные права и привилегии, сходные с теми, которыми пользуются кооперативные общества. В частности, государство поощряет деятельность ремесленных обществ путем снижения процентов по займам и ссудам, получаемым мелкими товаропроизводителями в Промышленном банке, льготного обеспечения сырьем.

В 1968 г. было создано государственное объединение торговли ремесленной продукцией, основная задача которого состоит в закупке и реализации продукции ремесленного производства, ее экспорте и импорте сырья для него.

В 1979 г. в Дамаске открылся центр торговли ремесленной продукцией. Объем его закупок всего за три года (1979 — 1981 гг.) вырос почти в 4 раза, а объем продажи сырья, различных материалов и их компонентов увеличился за то же время в 6,5 раза⁷.

Статистика ремесленных организаций отмечает заметный рост потребления ремесленным сектором исходных материалов и сырья. По некоторым оценкам, сильно завышенным, в ремесленном хозяйстве осваивается до 80% потребления частным сектором видов древесины, промышленного железа, цемента, угля и до 50 — 60% всех видов пряжи, шелковых нитей, агрегатов для телевизоров, бытового электро- и холодильного оборудования и т. п.⁸. Видимо, в категорию ремесленников зачисляются и

частные предприниматели капиталистического типа, образующие отряд мелкой и средней промышленной буржуазии, и даже формально не имеющие права считаться ремесленниками, хотя по существующей традиции таковыми являются все лица, имеющие по 9 рабочих и получающие годовой доход в размере до 15 тыс. ф.

Главным бичом ремесленников являются крупные торговцы-оптовики и всевозможные посредники и маклеры, которые во все еще крупных масштабах занимаются сбытом их продукции и поставками сырья. Паразитируя на ремесленном хозяйстве, они извлекают колоссальные прибыли за счет эксплуатации простых товаропроизводителей.

В Дамаске, например, этом исконно торговом городе, существуют три категории торговцев, обеспечивающих коммерческие каналы между ремесленниками и рынком. Крупные оптовики через сеть своих агентов и посредников, скупив продукцию ремесленного производства, передают ее мелким оптовикам, получая с них деньги раз в месяц и тем самым как бы кредитуют их.

Путь к освобождению ремесленников от эксплуатации государство видит в их кооперировании. В начале 80-х гг. в Сирии насчитывалось более 200 ремесленных ассоциаций и около 7 тыс. различных кооперативов, которые объединяли почти 64 тыс. ремесленников. Однако около 10% их все еще остаются не включенными в организационные структуры. На III конференции Всеобщей федерации ремесленников (1974 г.) отмечалась роль ремесленного производства для экономики страны, доли которого в ВВП достигает 20%³.

В настоящее время в стране насчитывается около 30 видов ремесел, среди которых выделяется ткачество, представленное семью ремеслами этой группы. Одно из них — производство перкаля, которое расцвело в начале XX в. Сейчас этот вид ткани вырабатывается на дому в небольших количествах в результате конкуренции фабричного изготовления (цена перкаля машинного производства составляет четверть цены ручного). Если в 20-х гг. только в одном Дамаске насчитывалась 1 тыс. ручных станков для выпуска этой ткани, то ныне их количество не превышает 25¹⁰. Тем не менее именно перкаль ручной выработки пользуется наибольшим спросом.

Другим сохранившимся ремеслом является производство кашемира, зародившееся в Халебе и распространившееся по всей стране.

Перспективной отраслью является ковроткачество. Только в одном Халебе в 1972 г. в этом виде ремесла было занято 600 человек¹¹. Государство оказывает некоторую помощь ремес-

ленникам этой отрасли, пытаясь поощрять их производство. В отдельных сирийских деревнях действуют кооперативы по производству и выделке ручных ковров различных видов. В различных провинциях страны размещены 1,5 тыс. станков, обслуживающих примерно 2 тыс. ремесленников¹². Государство создает различные курсы по ковроткачеству.

К ручным текстильным ремеслам относятся также художественная вышивка, вязание из шерсти, пошив национальной арабской одежды. Однако эти и другие традиционные ремесла постепенно приходят в упадок в результате сокращения спроса на их продукцию внутри страны. В то же время число ремесленников в Хаме, занимающихся пошивом одежды европейского образца, постепенно увеличивается.

Давние традиции Сирии имеют столярное и плотницкое дело, работа по дереву. Важное место здесь занимает мозаика — производство поделок из дерева, инкрустированных различными материалами: эмалью, стеклом, металлами, пластмассами и т. п. Этот вид ремесла зародился в XIX в. и большое распространение получил в Дамаске.

Мозаика пользуется спросом как внутри страны, так и за ее пределами. Почти 95% продукции идет на экспорт, и государство получает значительную прибыль от него.

Столярно-плотницкое дело в Сирии также получило толчок к развитию в результате большого жилищного и капитального строительства в 70 — 80-е гг. К этой группе ремесел относится также производство водяных колес для норий, инвентаря для пахотных работ, сундуков, предметов домашнего обихода, деревянной тары. Часть этих ремесел утратила в настоящее время былое значение и постепенно отмирает.

Не менее известно и ремесло резчиков по дереву и мебельщиков, выпускающих изделия с «аббасидской», «фатимидской», «айюбидской», «царской», «арабской» и другими видами резьбы. Однако ныне этот вид ремесла переживает тяжелый кризис, вызванный падением спроса на изделия.

В ряду традиционных ручных ремесел выделяется художественная обработка металлов — чеканка и резка меди, производство посуды и мебели из меди. Несмотря на конкуренцию индийских товаров, эта отрасль местного ремесла продолжает существовать. Но число занятых им резко сократилось — с 2,5 тыс. человек в начале 50-х гг. до 100 человек в 70-хх.¹³

К традиционным ремеслам относится также ряд других видов ручного промысла, в частности кузнечное дело. Однако оно постепенно отмирает в связи с сокращением спроса на его продукцию.

Относительно прочное положение занимает дубление кож и выделка изделий из них. Ассортимент товаров из кожи достаточно разнообразен и включает одежду, обувь, галантерею. Наибольшее число ремесленников занято производством одежды и обуви. В Хаме в 1969 г. в этой кустарной отрасли работало около 200 ремесленников и 100 наемных рабочих. Однако в связи с конкуренцией кожаных изделий из Турции и продукции крупных частных предприятий спрос на ремесленную продукцию невелик.

На центральных рынках Дамаска и других городов представлены предметы и посуда из цветного расписного стекла, кустарные зеркала, гончарные изделия и т. п. Это — продукция местных ремесел, когда-то широко распространенных в Сирии, но ныне постепенно исчезающих из-за наплыва в страну японской и французской посуды. Такая же судьба постигла и ремесло настенной мозаики. С большим трудом министерству вакуфов удалось собрать по всей стране небольшую группу ремесленников, чтобы восстановить роспись на стенах Омейядской мечети в Дамаске.

В группе традиционных ремесел Сирии представлены золотых дел мастера и ювелиры, занятые изготовлением различных украшений и поделок из редких металлов, а также шлифовкой и огранкой драгоценных и полудрагоценных камней. Положение этой группы ремесел достаточно стабильно, что связано со спросом на их продукцию. В крупных городах, особенно в Дамаске и Халебе, существуют целые специализированные рынки мастеров-ювелиров.

В результате современное положение в традиционном ремесле Сирии характеризуется постепенным отмиранием ряда ручных производств, сокращением объемов выпускаемой продукции, разорением ремесленников с последующим снижением их социального статуса. Представители этой прослойки обладают небольшими капиталами, вложенными в дело — 1 — 10 тыс. сирийских фунтов, располагают мизерными накоплениями. Экономически неустойчивые, они чаще становятся жертвами изменившейся конъюнктуры, колебаний цен, инфляции. Лишь малая часть представителей этой категории использует наемный труд и стремится перейти к капиталистическим методам эксплуатации. Тем не менее ныне все еще значительный слой сирийского общества формируется из ремесленников, кустарей и других товаропроизводителей, занятых в маломасштабном слабомеханизированном производстве. Поэтому, хотя мелкотоварное производство, основанное на ручном труде, под воздействием объективных законов развития капитализма подвержено размыванию, и от него отходят все новые массы населения, процесс

разложения уклада, видимо, растянется на длительную перспективу.

Мелкая городская буржуазия Сирии, и ремесленничество как социальная категория, не приобрела законченных черт, ибо не имеет возможности развиваться в четких социальных границах в силу незавершенности процессов становления капитализма. Судьба этой социальной категории во многом зависит от характера процессов и явлений, протекающих за ее пределами. Ее разложение неизбежно под воздействием в первую очередь индустриализации и нарастающей конкуренции со стороны промышленных товаров, наплыв которых уже сейчас активно подрывает рынок сбыта для продукции кустарного промысла и ускоряет разорение неустойчивых производителей. Велико значение и социально-классовой дифференциации.

Вместе с тем, исходя из мер по поощрению частного предпринимательства, можно предполагать, что в относительно не далекой перспективе проявятся изменения структурного свойства, связанные с капитализацией ремесленничества и с обрыванием новых групп мелкой городской буржуазии.

В современной Сирии ручной традиционный промысел все более уступает место современным видам ремесла, активно переходящего на рельсы мелкокапиталистического предпринимательства, а в перспективе склонного интегрироваться в общенациональную систему промышленного производства в качестве поставщика мелкосерийной продукции государственным фабрикам и заводам.

Примечания

¹ Киселев В. И. К истории формирования пролетариата в некоторых странах Арабского Востока. — В кн.: Арабские страны. История, М., 1963, с. 4.

² Очерки по истории арабских стран, М., 1959, с. 106.

³ Там же, с. 106.

⁴ Там же, с. 106.

⁵ Farra A. L'industrialization en Syrie. Genève, 1950, с. 167.

⁶ Мугейкин Ал-Хатыб Абдел, Ас-сынаа ва татавуруха фи сурия, Дамаск, 1977, с. 18.

⁷ Ал-иттихад ал-ам ли-л-джамийят ал-хирфия. Ат-такрир ал-муваххад ли-л-муштамар ис-санний ал-авиль ли-л-иттихад ал-ам, Дамаск, 1982, с. 12 — 13.

⁸ Там же, с. 2 — 3.

⁹ Ал-Бас, 1.1.1974.

¹⁰ Ага Салама Юсеф, Ас-сынаа ал-хирфия фи-л-кутуб-жарбийя с-сурй ва дауруха фи-л-иттихад ал-вауний, Дамаск, 1973, с. 5.

¹¹ Там же, с. 7.

¹² Там же, с. 8.

¹³ Там же, с. 20.

РАЗВИТИЕ НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В СТРАНАХ — ЧЛЕНАХ ОАПЕК* в 80-е гг.

Огромные запасы нефти и природного газа арабских стран являются основными сырьевыми продуктами для нефтехимической промышленности, которая развилась в одну из ключевых отраслей обрабатывающего сектора. Физико-химические свойства нефтяных компонентов явились главной детерминантой характера и хода технологических изменений в разработке новых продуктов и процессов. Не лишне напомнить, что мир достиг той стадии, когда потребительские товары, полученные прямо или косвенно из нефти и заменившие многие натуральные продукты, в настоящее время являются незаменимыми. Хотя доля нефти, потребляемой в настоящее время в химической промышленности, составляет 7% ее мировой добычи, ожидается что она постепенно увеличится до 20% и более из-за возможного падения мировой добычи нефти к концу века¹.

До 1973 г. арабские страны не уделяли должного внимания развитию этой отрасли нефтегазового хозяйства. Причинами этого явились недостаточность инвестиционных средств, технического опыта и передовой технологии, а также незначительная активность, а порой и ее отсутствие в деле международного сотрудничества в развитии нефтехимии.

1973 г. явился переломным моментом в деле развития экономического сотрудничества между арабскими странами, в т. ч. и в развитии нефтехимического производства. Огромные нефтяные доходы, поступавшие в распоряжение арабских нефтедобывающих стран в результате многократного повышения цен на нефть, стали, хотя и медленно, но направляться на строительство нефтехимических заводов (НХЗ) как на страновом уровне, так и в рамках многосторонних организаций.

Несомненно, что прогресс в этой области может быть достигнут только путем сотрудничества и координации усилий за-

* Организация арабских стран-экспортеров нефти.

интересованных сторон, тем более что мощность экономически рентабельных единиц нефтехимического комплекса намного превышает емкость внутреннего рынка отдельно взятой арабской страны. Кроме того значительный спрос на нефтехимикаты привел к постепенному увеличению оптимальной производственной мощности НХЗ. Примером этого может служить производственная единица по выработке этилена. С начала 50-х гг. до настоящего времени производственная мощность экономически рентабельного завода по производству этилена возросла с 50 и до 500 тыс. т в год, а в Японии вообще свертывают этиленовые НХЗ, если их мощности не превышают 300 тыс. т в год².

Говоря о благоприятных условиях развития нефтехимической промышленности в арабском регионе, укажем следующее. Почти все НХЗ в этих странах в настоящее время используют исключительно природный газ как сырье и источник энергии. Большинство природного газа, добываемого в арабских странах, ассоциировано с нефтью и, естественно, извлекается вместе с ней, что обуславливает исключительно низкие издержки этого товара. Попутный природный газ из имеющихся в этом регионе нефтяных месторождений имеет относительно высокое содержание этана и, таким образом, идеально подходит для производства этилена, наиболее важного первичного химиката. Наличие устойчивых прямых связей нефтехимической промышленности с рядом перерабатывающих отраслей (легкая, текстильная, резино-техническая, кожевенно-обувная и др.) усиливает взаимодополняемость (комплементарность) условий развития экономики арабского региона. Интересны рассуждения одного из руководящих работников ОАПЕК Мустафы Бирхама³. Относя нефтехимическую промышленность к числу капиталоемких отраслей, он считает, что если для строительства завода по переработке этилена в пластмассы мощностью 300 тыс. т в год необходимы инвестиции в 1 млрд. долл., то для получения из них готовых изделий требуется значительно меньше капиталовложений. Далее, Бирхам, говоря о трудосберегающем факторе нефтехимического производства, приводит следующие выкладки: вышеуказанную производственную единицу по производству пластмасс обслуживает примерно 2 тыс. рабочих; таким образом, капиталовооруженность одного рабочего составляет 0,5 млн. долл., в то время как этот же показатель в перерабатывающей отрасли значительно ниже.

Однако известно, что для нефтехимических заводов требуется высококвалифицированная рабочая сила, чего нельзя сказать о перерабатывающих ее продукцию отраслях.

Таким образом, на наш взгляд, нефтехимическую промышленность целесообразнее развивать в богатых нефтью малона-

селенных арабских странах. Что же касается отраслей, перерабатывающих ее продукцию, то их следует размещать в густонаселенных арабских странах — импортерах нефти.

Нефтехимическая промышленность в странах — членах ОАПЕК стала особенно быстро развиваться в 80-е гг. Ряд предприятий этой отрасли был пущен в строй, другие находятся в стадии строительства и разработки. Указанный период характеризуется также и тем, что некоторые нефтехимические проекты включают производство новых для арабских стран видов нефтехимикатов.

В Саудовской Аравии в 1983 г. были введены в эксплуатацию: завод по производству метанола в Джубейле мощностью 600 тыс. т в год (проект «Ар-Рази», осуществленный саудовской компанией САБИК совместно с консорциумом японских фирм), продукция которого реализуется на внешних рынках; завод по производству азотных удобрений мощностью 500 тыс. т мочевины в год также в Джубейле (проект «Самад», осуществленный САБИК совместно с тайваньской фирмой по производству удобрений). Саудовской Аравией подписан также контракт на строительство завода по производству 300 тыс. т винилхлорида и 200 тыс. т поливинилхлорида в год в целях удовлетворения местных потребностей и экспорта излишка продукции.

В Ливии в 1983 г. пущена в строй первая очередь нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса в Рас Лануфе, который состоит из нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) мощностью 10,5 млн. т нефти в год и завода по производству этилена мощностью 330 тыс. т в год. Идет строительство и ряда других объектов.

Египет в 1983 г. подписал контракты на строительство НХЗ по производству 100 тыс. т моновинилхлорида, 80 тыс. т поливинилхлорида в год, а также 40 тыс. т дидецибензола, который используется в производстве синтетических моющих средств (СМС).

Правительство ОАЭ совместно с французской фирмой «СДФ Шими» участвует в строительстве НХЗ в эмирате Шарджа по производству из природного газа 365 тыс. т аммиака и 640 тыс. т мочевины в год. Стоимость проекта оценивается примерно в 270 млн. долл., из них 70% финансирует эмират Шарджа, а 30% — компания «СДФ Шими». В качестве сырья и топлива будет использоваться газ из месторождения «Ас-Саджия». После открытия новых месторождений природного газа в ОАЭ изучается вопрос строительства крупнейшего в мире завода по производству метанола в Рас Ал-Хайме мощностью 1 млн. т в год.

Следует, на наш взгляд, остановиться еще на одном совместном арабском проекте. Речь идет о производстве метил-трет-бутил-эфира (МТБЭ), который имеет высокое октановое число и в настоящее время используется как добавка к автомобильному бензину вместо свинцовых соединений, запрещенных законами об охране окружающей среды. Саудовская компания САБИК приняла решение о строительстве завода по производству 500 тыс. т МТБЭ в год, привлекая для изучения экономической и технической рентабельности проекта итальянскую компанию «Аджив» и финляндскую «Нест Ой». Помимо МТБЭ, завод будет выпускать 80 тыс. с бутена-1 в год (этот продукт используется в производстве пластмасс и присадок к смазочным маслам), а также 124 тыс. т в год бутадиена, который может быть использован в производстве СК. В качестве сырья завод будет потреблять бутан, из которого получают изобутилен, взаимодействующий с метанолом для производства МТБЭ. Оба газа в достаточном количестве имеются в Саудовской Аравии.

Особое место в нефтехимической промышленности арабских стран занимает производство химических удобрений, которое представляет собой одну из широких областей использования природного газа. По данным Всемирной организации продовольствия и сельского хозяйства ФАО в настоящее время за счет применения удобрений сельскохозяйственное производство увеличивается в странах Западной Европы на 50 — 60%, а в развивающихся странах — на 70%⁴.

Арабские нефтедобывающие страны располагают дешевым сырьем, необходимым для производства удобрений. Основным рынком сбыта для исследуемой группы стран является азиатский регион, что удобно с географической точки зрения. Экспорт на этот рынок представлен жидким аммиаком, вывозимым в основном в Турцию, Индию, Филиппины и Западную Европу. Некоторые промышленно развитые страны (Италия, США, Япония) были вынуждены закрыть ряд заводов по производству мочевины, которая оказалось неконкурентоспособной по сравнению с более дешевой продукцией, экспортируемой странами — членами ОПЕК на рынки Западной Европы.

Серьезную проблему для арабских производителей нефтехимикатов составляет в настоящее время сбыт продукции на внешние рынки, поскольку даже высокие темпы роста арабского рынка нефтехимикатов недостаточны для поглощения продукции крупных НХЗ. Само развитие нефтехимической промышленности в арабском регионе имеет преимущественно экспортноориентированный характер. Однако на внешних рынках усиливается конкуренция ее продукции со стороны как развитых

капиталистических государств, так и ряда развивающихся стран. В 1983 г. общие производственные мощности арабских НПЗ и НХЗ составляли 140 млн. т, а региональные потребности в их продукции — 90 млн. т. Таким образом, излишек составил 50 млн. т¹. К концу 90-х гг. возрастающий местный спрос на нефтепродукты, видимо, сократит потенциальные объемы их экспорта. Особенно будет возрастать спрос на те нефтепродукты, которые используются в производстве пластмасс, синтетических волокон и растворителей. Спрос на базовые, промежуточные и конечные нефтехимикаты варьируется в различных арабских странах, однако в целом он достаточно умеренный. Нерешенность проблемы сбыта арабских нефтехимикатов требует координации сбытовой политики арабских стран. Развитые капиталистические страны будут и дальше подвергать молодую нефтехимическую промышленность арабских стран необоснованному экономическому и политическому давлению. Помимо этого, транснациональные компании получили широкую возможность экономической экспансии в арабском мире путем предоставления различных инженеринговых услуг, поставок необходимого оборудования, сооружения самих НХЗ, получая при этом огромную монопольную прибыль. Через этот механизм усиливается асимметричная взаимозависимость между центрами империализма и арабской частью его периферии.

Примечания

¹ OАPEC Bulletin, July 1977.

² См.: Бирхам М. Таски ал-битруниманийат за-т-таариф би мунтад-натуха. — В сб.: Дарасат мухтера ди-с-сынаа ан-нафтыа. Эл-Кувейт. 1979, с. 127.

³ Бирхам М. Ас-сынаа аль-битруниманийат ал-алкыйа за-л-имканийат ал-арабийа. — В сб.: Дарасат фи сынаат ан-нафт ал-арабийа. ОАПЕК. Эл-Кувейт. 1981, с. 171 — 173.

⁴ Цит. по: 10-й годовой отчет генерального секретари ОАПЕК за 1983 г. Кувейт, 1984, с. 143.

⁵ OАPEC Bulletin, November, 1984.

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
ПРОБЛЕМЫ В АРАБСКИХ СТРАНАХ (СИРИЯ, ЛИВАН,
ИОРДАНИЯ)**

В молодых суверенных государствах успех решения многих социально-экономических задач в значительной степени обусловлен состоянием главной отрасли экономики этих государств — сельского хозяйства. От уровня развития сельского хозяйства зависит решение проблемы внутренних источников накопления, повышения товарности земледелия и животноводства с целью обеспечения населения продовольствием, а развивающейся промышленности сырьем, расширения емкости внутреннего рынка, ликвидации аграрного перенаселения.

Среди перечисленных одна из наиболее насущных проблем, вставших перед большинством развивающихся государств, — продовольственная проблема.

Продовольственная проблема на Ближнем Востоке в известном смысле стоит не так остро, как в других развивающихся регионах с массой голодающего населения. Однако арабские страны Леванта (Сирию, Ливан и Иорданию) характеризует особый тип продовольственной проблемы, заключающейся в превращении этих стран, ранее являющихся житницей ближневосточного региона, из экспортеров продовольствия, главным образом зерна, в 50 — 60-е гг., в его импортеров в последнее десятилетие.

Динамика производства продовольствия в арабских странах Леванта в 70 — 80-е гг. обусловлена совокупным воздействием природно-климатического, социального и технико-экономического факторов.

Среди объективных причин, вызвавших резкое сокращение сельскохозяйственного производства, следует отметить израильскую агрессию 1967 года и гражданские войны в Иордании (1970 г.) и Ливане (1975 — 1976 гг.). Так, вследствие израильской агрессии наиболее плодородные земли к западу от р. Иордан и на юге Ливана, обеспечивавшие 25% сельскохозяй-

ственного производства этих стран, оказались оккупированными. Иордания с потерей западного берега р. Иордан лишилась 25% урожаев зерновых, потеряла 80% площадей под фруктовыми плантациями и садами и 45% площадей под овощами, что лишило страну большей части этих продуктов экспорта. На юге Ливана были разрушены все плантации¹.

Существующее ныне кризисное положение, когда спрос на продовольствие в странах субрегиона систематически обгоняет его производство — результат отсутствия в этих странах радикальных аграрных реформ, устойчивости докапиталистических аграрных структур и низкого уровня развития агрикультуры и агротехники, а вследствие этого тесной зависимости производства от климатических характеристик (и прежде всего от среднегодового количества осадков). Эта зависимость обуславливает наличие таких общих черт, как нестабильность производства и его колеблемость в одинаковой фазе для всех трех стран и ближневосточного региона в целом.

Так, в результате жестокой засухи 1973 г. наблюдалось наиболее значительное падение производства продовольствия (еще более ощутимое в подушевых показателях) в Сирии — на 40%, Иордании — на 33%, Ливане — на 8%. Следующий за ними более урожайный 1974 г. позволил увеличить производство продовольствия в Иордании и Сирии более чем на 70% (как в целом, так и на душу населения), а в Ливане — на 11%. Иначе говоря, нестабильностью выделяется Сирия и Иордания вследствие крайней аридности климата в сравнении с преимущественно горным Ливаном. Коэффициент вариации индексов производства продовольствия в 70-е гг. составляет в Сирии 28%, Иордании — 23%, в Ливане — 7%².

Анализ субрегионального производства продовольствия по пятилетним периодам (1961 — 1980 гг.) позволяет на фоне общих закономерностей отчетливо проследить особенности каждой страны в отдельности. Так, в Иордании за 4 пятилетия (1961 — 1980 гг.) происходило падение производства продовольствия: на 1/3 в 60-е гг., почти на 1/5 в первой половине 70-х и на 1/10 во второй половине 70-х гг. В Сирии, наоборот, в рассматриваемый период наблюдался неуклонный рост производства продовольствия растущими темпами (на 1/4 в первой половине и на 1/2 во второй половине 70-х гг.). Усредненные данные за пятилетия, несомненно, дают более точное представление о действительной картине производства в регионе. Они отражают реальное состояние продовольствия, нивелируя аномальные его значения, вызванные колебаниями осадков в отдельные годы.

В Иордании подушевые показатели уменьшались в рассмат-

риваемый период еще большими темпами вследствие значительных темпов роста населения.

В Ливане увеличение производства продовольствия на душу населения отмечалось в 60-х гг. (на 1/10). В первой половине 70-х гг. не наблюдалось никакого улучшения подушевого производства, в то время как во второй половине производство продовольствия на душу населения сократилось на 1/5².

В Сирии рост подушевого производства продовольствия в 70-х гг. был менее значительным.

Характерная черта сельскохозяйственного производства арабских стран Леванта, как и всего ближневосточного региона в минувшее десятилетие, — преобладающая роль растениеводства в обеспечении населения этих стран продуктами питания.

Основная доля растениеводческой продукции, производимой в арабских странах Леванта, приходится на зерновые, составляющие большую часть рациона питания жителей данного субрегиона.

Зависимость сельского хозяйства арабских стран Леванта от природно-климатических факторов, вызывающая нестабильность производства, отражается главным образом на зерновых, занимающих до 50% пахотной площади ближневосточного региона.

Для учета степени нестабильности валовых сборов зерновых используется такой показатель, как индекс нестабильности производства.

Сравнительная характеристика индексов нестабильности производства зерновых ставит арабские страны Леванта в невыгодное положение в сравнении с другими арабскими странами. Так, например, в Иордании, где основная масса продукции растениеводства выращивается на неорошаемых землях, индекс нестабильности в 70-е гг. оказался максимальным среди перечисленных арабских стран и возрос вдвое по сравнению с 60-ми гг. Велико его значение и в Сирии. В Ливане его значение почти не изменилось за два десятилетия.

Между тем в Египте, где растениеводческая продукция поступает почти полностью с орошаемых земель, индекс нестабильности в 70-е гг. не превышал 2-х единиц.

Изучение положения в зерновом хозяйстве Сирии показало, что если за точку отсчета принять начало 70-х гг., то производство зерна росло высокими темпами, но если сравнение вести с началом 60-х гг., то прирост практически равен нулю. В Ливане и Иордании наблюдалось стабильное спадение производства зерновых.

Увеличение производства зерна в Сирии в 70-е гг. (на 90%)

было на 48% обеспечено за счет расширения посевных площадей и на 52% благодаря росту урожайности зерновых. В Ливане и Иордании наблюдалось снижение производства зерна в минувшее десятилетие. Особенно катастрофические размеры оно приняло в Иордании в наиболее засушливые 1976 — 1979 гг., составив 87%. В целом же в субрегионе урожайность зерновых значительно отставала от ближневосточного уровня — на 22% — в Ливане, 44% — в Сирии, 60% — в Иордании⁴.

Анализ производства фруктов и овощей в 1970 — начале 80-х гг. в исследуемых арабских странах выявил гораздо более высокую стабильность. Наблюдается относительно слабая зависимость производства фруктов и овощей от климатического фактора.

Подушевое производство овощей и фруктов составляет в Сирии 300 и 80 кг/год, Иордании — 145 и 30 кг/год, Ливане — 100 и 240 кг/год, что позволяет часть этой продукции экспортировать.

Рассмотрение общего и подушевого производства мясо-молочных продуктов свидетельствует о низкой доле животноводческой продукции в общем производстве продовольствия в субрегионе. По состоянию на конец 70 — начало 80-х гг. по производству мясо-молочных продуктов значительно выделяется Сирия (16 кг мяса, 95 кг молока, 5 кг сыра, 1 кг масла, 8 кг куриных яиц на одного жителя в год). Однако следует отметить, что тот уровень, которого достигла Сирия, не является столь значительным в сравнении с экономически развитыми странами, он существенно отстает от фактического, а тем более необходимого уровня потребления животноводческой продукции жителями указанных стран, отражая один из важных аспектов продовольственной проблемы — белковый дефицит.

Изучение существующих тенденций в потреблении продовольствия также выявило преобладающую роль растениеводства в обеспечении населения арабских стран (Сирия, Ливан и Иордании) продуктами питания в 70-е гг. аналогично предшествующему десятилетию. 90% калорий, 75% протеина, 65% жиров покрывается за счет растительной пищи. Это свидетельствует о том, что рост уровня продовольственного потребления обеспечивается в основном за счет увеличения спроса на зерновые. Это в свою очередь, учитывая тенденцию к понижению в зерновом производстве, привело к усилению продовольственного дефицита, настолько значительного, что повлияло на вынужденное снижение уровня потребления. Имеется в виду падение качественного состава и калорийности питания, особенно в течение последнего десятилетия (в 70-е гг. содержание жиров в пище жителей Ливана и Иордании снизилось на 8%, калорий —

4%, протеина — на 2%), а также усиление зависимости от импорта продовольствия³.

Исходя из существующих тенденций эволюции аграрных структур, а также состояния агрикультуры и агротехники, есть основания полагать, что лишь Сирия способна в ближайшей перспективе восстановить самообеспеченность зерном, утраченную ею в конце 60-х гг. И хотя этот уровень в Сирии т. е., доля производства от фактического потребления, уже в 1976 — 1978 гг. составлял 145% (в Иордании — 22%, Ливане — 14%), следует отметить, что доли производства от реальных потребностей достигла в этот период в Сирии 90% (в Ливане и Иордании 10—15%)⁴. Можно полагать, что дефицит основных продуктов питания еще более обострится во второй половине 80-х гг. в Иордании (особенно по зерну, сахару и молочным продуктам) и Ливане (по зерну и мясу)⁵.

На основе зерновых, сахара, растительных масел и мяса в середине 70-х гг. в субрегионе обеспечивалось 80% калорий и 70% протеина и жиров.

По потреблению мяса в середине 70-х гг. субрегион на 1/4 отставал от ближневосточного уровня, в 4 раза от Южной Америки и почти в 6 раз от Западной Европы⁶.

Изучение качественного состава потребления продовольствия позволило выявить ряд общих черт.

Потребление продуктов питания в субрегионе в расчете на душу населения по калорийности лишь незначительно уступает норме физиологических потребностей, рассчитанной экспертами ФАО для стран Ближнего Востока. В свою очередь содержание протеина (65 г/чел. в день) и жиров (54 г/чел. в день) уступает среднемировым стандартам соответственно, лишь на 6% и 14%, но значительно выше, чем в среднем по Азии⁷. Все это дает основание еще раз подчеркнуть, что в рассматриваемых нами странах продовольственная проблема не так остра в сравнении с другими регионами азиатского и африканского континентов, где недостаток продуктов питания приобретает нередко характер массового голода трудящихся.

Примечания

¹ The Middle East and North Africa 1978—79, London, 1978, p. 459; MEED October 5, 1979; Quarterly Economic Review of Lebanon Annual Supplement 1979.

² Подсчитано по: FAO Production Yearbook 1980—1981, vol. 34—35, Rome 1981—82.

³ Там же.

⁴ Подсчитано по: 1981 FAO Production Yearbook, vol. 35, Rome 1982, tab

les 8-10, pp. 87-114; FAO Production Yearbook 1979-80, vol. 33-34, Rome 1981-1981, tables 8-10, p. 87-114;

² Показано по: FAO Production Yearbook 1978, vol. 32, Rome 1979, tables 97-99, p. 247-254,

³ Ал-Баас, 14.1, 1981.

⁴ Food Security Issues in the Arab Near East. A Report of the UN ECWA. Ed. by A. A. el-Sherbini. Oxford-Pergamon Press, 1979, p. 1, Annex 2.

⁵ Показано по: Food Security Issues in the Arab Near East, Oxford, 1979, p. 1, Annex 2, table 3, p. 75-90; FAO Production Yearbook 1978, vol. 32, Rome 1979, tables 97-99, p. 247-254,

⁶ Там же.

IV. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИИ

Е. А. АВГАРЯН

СОСТОЯНИЕ «НИ ВОЙНЫ, НИ МИРА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕГИПЕТСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИИ (начало 70-х гг.)

Проблема возникновения и продолжения состояния «ни войны, ни мира» на Ближнем Востоке в начале 70-х гг. многогранна и представляет определенный интерес в изучении международных отношений в этом регионе.

Агрессия Израиля против Египта, Сирии и Иордании в июне 1967 г. нарушила относительную устойчивость, царившую на Ближнем Востоке со времен суэцкого кризиса 1956 г. Усилиями международного сообщества, и в первую очередь Советского Союза, удалось достичь договоренности о прекращении огня. Но это не привело к перемирию. Началась «война на истощение». Израиль, опираясь на военно-политическую поддержку США, всячески отказывался вывести свои войска с оккупированных арабских территорий.

В условиях ухудшения отношений с арабскими странами и падения авторитета своей страны руководители США выступили с так называемой «инициативой Роджерса».

Летом 1970 г. государственный секретарь США У. Роджерс предложил воюющим сторонам на трехмесячный срок прекратить военные действия с тем, чтобы в течение этого периода, при посредничестве специального посланника генерального секретаря ООН Г. Ярринга, вести переговоры для решения конфликта на основе известной резолюции Совета Безопасности ООН (№ 242 от 22 ноября 1967 г.)¹. Египет по определенным соображениям принял это предложение, и 7 августа 1970 г. соглашение между Египтом и Израилем о прекращении огня на трехмесячный срок вступило в силу. В ноябре оно было продлено на три месяца, а в феврале 1971 г. — еще на один месяц.

Тем временем в Египте президентом стал А. Садат. Основываясь на выдвинутых им самим тезисах о том, что «только США способны финансировать и упорядочить египетскую экономику и содействовать экономическому подъему Египта»² и что

«правительство США — это ключ мирного разрешения (ближневосточного конфликта. — Е. А.)»³, он начал искать пути сближения с США. Одним из первых шагов в этом направлении, суть которых сводилась к отказу от всеобъемлющего решения ближневосточного конфликта, являлись предложения Садата от 4 февраля 1971 г. о готовности Египта взамен частичного отвода израильских войск из зоны Суэцкого канала через определенный срок открыть этот водный путь для международного судоходства⁴. Но из этого ничего не вышло. В течение семи месяцев израильтяне настаивали на прямых переговорах, а арабы отказывались от этого, израильтяне говорили «нет эвакуации без мира», а арабы — «нет мира без эвакуации».

Наконец, 7 марта 1971 г. Садат, под давлением прогрессивных деятелей руководства, был вынужден объявить: «... не в наших силах продлить соглашение о прекращении огня сверх того срока, который уже закончился. Не в наших силах воздерживаться дальше и от возобновления огня...»⁵. Но военные действия на египетско-израильском фронте не возобновились. Это и положило начало состоянию «ни войны, ни мира», которое завершилось октябрьской войной 1973 г.

В период состояния «ни войны, ни мира» и в последующие годы много говорилось о причинах его возникновения и сохранения. Садат и вслед за ним египетская пропаганда часто давали понять, что Египет не готов к возобновлению войны на истощение против Израиля. Об этом он чаще и конкретнее начал говорить после октябрьской войны. По этому поводу он писал и в своих мемуарах: «Я видел, что вооруженная борьба продолжала оставаться (в начале 70-х гг. — Е. А.) невозможной и необходимо, чтобы ее место заняла дипломатическая борьба»⁶. Но почти все исследователи, затрагивающие этот вопрос, утверждают, что к началу 1971 г. перестройка вооруженных сил Египта в основном была завершена.

20 мая 1971 г. Садат, обращаясь к депутатам Национального собрания, подчеркнул, что реконструкция вооруженных сил уже позади. «... Я должен здесь напомнить вам, — добавил он, — что нам бы не удалось осуществить эту реконструкцию без помощи честного друга — Советского Союза»⁷. А 21 ноября Садат заявил, что «Египет принял окончательное решение начать битву...». «Для нас (египтян. — Е. А.), — продолжал он, — не остается ничего, кроме битвы»⁸.

Впрочем, о готовности египетской армии тогда более конкретно говорили другие руководители страны. Военный министр Мухаммед Садик подтверждал, что «египетские вооруженные силы полностью готовы к любым неожиданностям и

ожидают лишь сигнала от египетского политического руководства»⁹.

Эти заявления показывают, что Египет в действительности уже в 1971 г. был готов к возобновлению «войны на истощение». Но допустим, что все эти заявления имели пропагандистский характер и, как утверждал Садат, с декабря 1969 г. по октябрь 1973 г. Советский Союз не предоставил Египту «ни одной единицы оружия»¹⁰, вследствие чего «вооруженная борьба продолжала оставаться невозможной» и способствовала возникновению состояния «ни войны, ни мира». Если все это верно, то что изменилось с весны 1971 г. по октябрь 1973 г., когда Садат все же решился на ограниченную военную операцию против Израиля? Всеми миру известно, что в это время как для Египта, так и для других прогрессивных стран арабского мира единственным источником поставки оружия был Советский Союз.

Еще в 1968 г. Г. А. Насер на одном из заседаний совета министров, касаясь характера и объема военной помощи, предоставляемой Советским Союзом Египту, говорил: «Здесь, перед вами, я хочу объяснить одну истину. А именно — нет другой страны, кроме Советского Союза, которая сможет поставить нам необходимое оружие, технику и боеприпасы. И это по двум причинам: мы не располагаем крупными финансовыми средствами, чтобы покупать это оружие на рынках Запада. Нет государства, которое было бы в состоянии снабжать нас оружием в таком объеме и в такой разновидности, как это делает Советский Союз»¹¹.

Садат и вслед за ним египетская пропаганда в течение 70-х гг., касаясь военной помощи СССР Египту, часто намекали, а иногда и прямо говорили, что качественные и количественные параметры этой помощи не соответствуют потребностям Египта, находящегося с 1967 г. на военном положении. В своем выступлении 24 июля 1972 г. Садат дал понять, что после своих четырех визитов в Москву он не добился поставки необходимой военной техники¹². В интервью французской газете «Монд» он незадолго до начала октябрьской войны говорил: «СССР... выступает за мирное решение (ближневосточного конфликта. — Е. А.). Он не хочет войны. Об этом свидетельствует то, что он не дает нам самого совершенного оружия»¹³.

Такие или более грубые измышления в адрес СССР не были редкостью в египетской печати в 1971 — 1973 гг. С их помощью не только делались попытки оправдать отказ Египта от выступления в военное противоборство с Израилем, прикрываясь вымышленной нехваткой необходимого оружия, но искажалась истинная сущность миролюбивой политики СССР в отношении ближневосточного конфликта. Помимо этого, участво-

шлись подобные высказывания в устах официальных лиц Египта показывают, что подрыв египетско-советской дружбы и сотрудничества был возведен в ранг государственной политики садатовского Египта уже в 1971 — 1973 гг.

В то же время в своих мемуарах Садат признает, что СССР в 1971 — 1973 гг. продолжал поставлять оружие Египту¹¹. М. Хейнал, который в начале 70-х гг. был ближайшим соратником Садата, свидетельствует, что после июля 1972 г. Советский Союз поставил Египту «важнейшие» виды оружия в «беспрецедентно огромных количествах»¹². И это тогда, когда египетско-советские отношения, по вине египетской стороны, начали ухудшаться, когда миссия советских военных специалистов была сочтена завершенной, когда египетские средства пропаганды уже далеко зашли в своих антисоветских и антикоммунистических измышлениях.

Что же мешало садатовскому режиму начать войну на истощение? Очевидно, что речь шла не о «неподготовленности» Египта к войне, не о качестве или количестве поставляемой стране военной техники. Здесь играли роль другие факторы.

Известно, что после июньской войны 1967 г. СССР неустанно требовал вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, осуществление права народа Палестины на самоопределение и создание собственного государства, обеспечение безопасности и территориальной целостности всех государств региона и установление там прочного и справедливого мира. СССР, исходя из своей миролюбивой политики, добивался мирного решения ближневосточного конфликта. Но это вовсе не означало, как явствует из высказываний Садата, что СССР исключил возможность использования других средств для того, чтобы заставить агрессора вывести свои войска с захваченных территорий.

Так, в опубликованных советско-египетских заявлениях от 30 апреля и 16 июля 1972 г., а также 11 февраля 1973 г. говорилось, что советская сторона разделяет мнение руководства Египта о том, что в условиях упорного отказа Израиля содействовать справедливому решению регионального конфликта, арабские страны имеют полное основание использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для освобождения оккупированных земель и восстановления прав арабских народов и стран¹³.

Как бы парадоксально ни звучало, однако даже в начавшейся разрядке в отношениях между СССР и США в начале 70-х гг. определенные круги в Египте увидели «заговор» против арабов. Хейнал постоянно утверждал, что ни одна из великих держав «не заинтересована в том, чтобы конфликт на Ближнем

Востоке достиг своего решающего завершения»¹⁷. Садат после октябрьской войны хвастался перед своим народом, что он пошел против воли двух великих держав, которые якобы хотели «заморозить» ближневосточный конфликт в том положении, в котором он был в самом начале 70-х гг.

Абсурдность этих высказываний очевидна. Разрядка между двумя великими державами ни в коей мере не повлияла на их позиции в ближневосточном конфликте.

В своих утверждениях Садат и египетская пропаганда хотели также поставить знак равенства между защитниками жертв агрессии и покровителем агрессора, т. е. между СССР и США. Тем самым они стремились подорвать веру арабского народа в искренность позиции СССР в решении конфликта, фальсифицировать сущность и характер его политики в этом регионе, приписать ему корыстные цели и т. д.

Несмотря на это, порою в Египте звучали объективные оценки истинных интересов СССР на Ближнем Востоке. Еще в январе 1971 г. тот же Хейкал писал, что США в арабском мире «имеют экономические и стратегические интересы», в то время как Советский Союз на Ближнем Востоке не имеет «интересов, которым можно нанести ущерб»¹⁸.

В конце концов, если Садат после вступления на пост президента в своих выступлениях и особенно во встречах с американскими журналистами и дипломатами постоянно утверждал, что египетская политика решается в Каире, а после октябрьской войны все время повторял, что решение начать войну против Израиля «было на сто процентов египетским решением»¹⁹, то почему он не начал эту же войну, скажем, в октябре 1971 или 1972 г.?

Садат своими действиями свел к минимуму возможность военного противоборства с Израилем. В своих мемуарах Садат писал, что в конце апреля 1972 г., посетив Москву, он договорился с руководителями Советского Союза о том, что в случае отсутствия путей политического решения конфликта с Израилем до ноября того же года, т. е. после президентских выборов в США, Египет должен быть готов к возобновлению военных действий. СССР обязался продолжать поставки оружия в течение этого времени²¹. Но по возвращении в Каир Садат лихорадочно искал пути избавления от этой договоренности, так как она шла вразрез с истинными целями Садата и египетской буржуазии. Если бы он действовал в соответствии с договоренностью с руководством СССР, то надежды на налаживание тесных отношений с Вашингтоном не сбылись бы. Очевидно, исходя из этого, Садат 7 июля 1972 г. принял решение о прекращении миссии советских военных специалистов в Египте, которые оказы-

вали помощь египетскому военному персоналу в освоении современной военной техники и методов ведения войны. Тем самым Садат свел до минимума возможность возобновления военных действий. Но главное здесь в том, что для всех стало ясно, что Египет вследствие этого решения больше не будет в состоянии вести крупномасштабную войну для освобождения оккупированных территорий или даже длительную войну на истощение материальных и людских ресурсов агрессора и заставить его пойти на уступки. «Юманите» приводила цитату из израильской газеты «Джерузалем пост», в которой говорилось, то «без помощи советских специалистов Каир не будет в состоянии вести настоящую войну»²².

Некоторые исследователи склонны считать, что этот недружественный акт Садата в отношении Советского Союза в основном был рассчитан на то, что США заставят израильтян пойти на какую-нибудь уступку. В переговорах с Роджерсом в мае 1971 г., а в июле — с главой египетского отдела госдепартамента США Майклом Стернером Садат заверил, что он готов отказаться от услуг советских военных специалистов и восстановить дипломатические отношения с США, если последние подействуют частично к решению конфликта»²³. Но США и Израиль не проявили готовности на этой основе войти в сделку с ним.

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что главными причинами возникновения и продолжения состояния «ни войны, ни мира» на Ближнем Востоке были: во-первых, незаинтересованность Израиля и США без крупных уступок со стороны Египта или других арабских стран пойти на частичное решение конфликта; во-вторых, желание Садата и египетской реакции избегать осложнений с Вашингтоном и найти общий язык с покровителем агрессора; в-третьих, нежелание садатовского режима вести длительную изнурительную войну с Израилем; в-четвертых, в войне на истощение Египет не смог бы длительное время обходиться без советской помощи, что мешало бы режиму осуществлять свои намерения в деле сближения с США и перестроить египетское общественно-экономическое здание в угоду имущим классам страны.

Таковы были причины возникновения состояния «ни войны, ни мира» на Ближнем Востоке в начале 70-х гг.

Примечания

¹ Уара ал-ахдас, Каир, 1970, с. 30-31.

² Хейхал М. Х. Хариф ал-гадид, Вейрут, 1983, с. 117.

³ Ал-Ахрам, Каир, 16.2.1971.

⁴ Ал-Ануар, Вейрут, 5.2.1971.

⁵ Ал-Ахрам, 8.3.1971.

- 8 Ануар ас-Садат, Ал-Бахс ан-аз-зат, Каир, 1978, с. 287.
- 9 La politique du président Anouar el-Sadat, Le Caire, 1971, p. 210.
- 10 Ал-Ахрам, 22.1.1971.
- 11 Там же, 12.12.1971.
- 12 Ас-Садат фи эмира Абд ан-Насир, Каир, 1975, с. 86.
- 13 Мин махадир идтимаат Абд ан-Наср ал-арабийя уа ад-хувлийя, 1967 — 1970, Бейрут, 11979, с. 153.
- 14 Ал-Ахрам, 25.7.1972.
- 15 Le Monde, Paris, 12. 9. 1973.
- 16 Ануар ас-Садат, Ал-Бахс ан аз-зат, с. 302, 310 — 311.
- 17 Хейнал М. Х. Хариф ал-гадаб, с. 125.
- 18 Правда, 30.4.1972, 16.7.1972, 11.2.1973.
- 19 Ал-Ахрам, 1.12.1972.
- 20 Ал-Уасани-ал-арабийя, 1974, Бейрут, с 216.
- 21 Ал-Ахрам, 8.1.1971.
- 22 Ал-Ахрам, 13.4.1974.
- 23 Ануар ас-Садат, Ал-Бахс ан аз-зат, с. 310 — 311.
- 24 L'Humanité, Paris, 20, 7, 1973.
- 25 Ал-Ахрам, 7.12.1971.

О РАЗВИТИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ТУРЦИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ

В советской востоковедной науке довольно обстоятельно изучены место и роль стран Ближнего и Среднего Востока в современных международных отношениях. В то же время вопросы отношений стран этого динамичного региона друг с другом все еще остаются малоизученными. Учитывая это, хотелось бы попытаться внести некоторую ясность в изучение торгово-экономических отношений Турции с рядом арабских стран на современном этапе.

Процесс сближения Турции с арабскими странами, начавшийся с середины 60-х гг., усилился в результате арабо-израильской войны 1973 г. и кипрского кризиса 1974 г. Связанные с этими событиями энергетический кризис и американское эмбарго имели для Турции весьма негативные последствия: истощение запасов инвалюты, увеличение внешнего долга, сокращение экспорта турецкой рабочей силы и т. п.

В этих условиях активизировали свою деятельность турецкие монополии — «холдинги» и связанные с ними различные подрядные организации. Уже к концу 1980 г. более 40 турецких строительных фирм выполняли в арабских странах работы по контрактам, стоимость которых составляла около 12 млрд. долл.¹ В середине 1985 г. в этих странах действовали около 300 турецких компаний², из которых 50 считаются «крупными», т. е. «утвердившимися фирмами». Среди них особо отличаются фирмы, связанные с крупнейшими в масштабах Турции монополистическими «холдингами» — «Вехби Коч», «Сабанджи», «Энка» и др. Любопытно, что эти компании, обладающие сравнительно большим потенциалом экспортных прибылей, повсеместно берут займы на иностранных рынках.

Крупнейший стамбульский холдинг «Энка», например, получив у международных коммерческих учреждений кредиты, вместе с американским «Кемилл банк» и японским «Мицун» летом 1984 г. решил создать новый банк в Стамбуле с отделениями

в пяти городах Турции³. Общая сумма контрактов турецких фирм в ближневосточном регионе к середине 1983 г. составила около 16 млрд. долл.⁴.

Пока что эти фирмы ведут строительство несложных промышленных предприятий, портовых сооружений и других подобных объектов в Ираке, Ливии, Саудовской Аравии, Сирии, Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах. Некоторые из этих фирм уже вступили в пай с местными компаниями (особенно в Ираке, Сирии и Ливии). Они принимают участие в сооружении плотин, электростанций, мостов и т. п.

Немаловажное значение для Турции имеет и то, что на этих стройках используется около 200 тыс. турецких рабочих. Заинтересованность Турции в экспорте рабочей силы в арабские страны диктуется как наличием в стране хронической безработицы, так и чисто демографическим фактором — достаточно высоким уровнем естественного прироста населения, который составляет в среднем примерно 2,3 — 2,5% в год. Кроме того, денежные переводы турецких рабочих из арабских стран (примерно 1,5 млрд. долл. ежегодно) являются важным подспорьем для платежного баланса Турции.

Важным свидетельством заинтересованности Турции в развитии экономических связей с арабскими странами является т. н. «план Анкары», выдвинутый Турцией на XII конференции министров иностранных дел исламских государств (Багдад, 1 июля 1981 г.). Особое место в этом плане отводится торгово-экономическим отношениям Турции с нефтедобывающими арабскими странами, которые обладают огромным инвестиционным и потребительским потенциалом, следовательно, широкими возможностями для оказания финансовой помощи Турции.

Арабские страны стали привлекать внимание Турции как основной источник нефти, новых кредитов и рынок сбыта своих сельскохозяйственных и промышленных товаров. Достаточно отметить, что почти 80% своей потребности в нефти Турция покрывает за счет импорта из стран ближневосточного региона. Кроме того, процесс похолодания в экономических отношениях Турции с ЕЭС, особенно усилившийся в период нефтяного кризиса 70-х годов (отказ ЕЭС просьбе Турции о помощи в 400 млн. долл., введение ограничительных квот на импорт турецкого текстиля в страны «Общего рынка» и т. п.), сыграл важную роль в том, что Турция стала обращать свои взоры на арабский рынок. Это привело к тому, что удельный вес стран Ближнего и Среднего Востока в турецком экспорте повысился с 17,4 в 1980 г. до 46,3% в 1983 г., главным образом за счет снижения доли ЕЭС с 43% до менее чем 30% за этот же период⁵.

Определенные сложности в отношениях Турции со страна-

ми региона в ее торгово-экономических связях, в частности, были созданы в результате ирано-иракской войны, продолжающейся уже более пяти лет. С самого ее начала (IX.1980 г.) турецкое правительство неоднократно заявляло о своем «твердом нейтралитете». При этом оно исходило из соображения, что по мере обострения конфликта трудно будет рассматривать обе страны в качестве основного и весьма выгодного источника импорта топлива. Такое опасение не было лишено оснований. Дело в том, что в первые же дни войны в результате военных действий, турецко-иракскому нефтепроводу Киркук — Дертюл, по которому Турция получала до 5 млн. т. нефти в год, был нанесен серьезный ущерб. Значительно ограничились также возможности получения Турцией и иранской нефти (до этого ежегодный импорт составлял около 4 млн. т в год).

Затяжной характер ирано-иракского конфликта заставил Турцию обратиться уже в конце 1980 г. к другим нефтедобывающим странам, в частности к Ливии и Саудовской Аравии, с просьбой об увеличении поставок нефти и предоставлении Турции кредита... Согласно подписанному тогда в Анкаре соглашению, Саудовская Аравия предоставила Турции первый кредит в сумме 250 млн. долл., а общая сумма саудовских кредитов Турции до конца 1984 г. составила более 600 млн. долл.⁶. В то же время была достигнута договоренность о расширении торгово-экономических связей между Турцией и Ливией, о создании 4-х ливийско-турецких компаний⁷. В ноябре 1984 г. между ними был подписан протокол о строительстве в Ливии судоверфи, предприятий по производству удобрений в Турции, автомобилестроительной промышленности, о сооружении объектов нефтехимии в обеих странах. По данным турецкой печати, с 1977 по 1984 гг. турецкие строительные фирмы заключили в Ливии контракты в общей сложности на 8 млрд. долл.

В то же время Турция стремится по мере возможности максимально использовать выгоды из ирано-иракского конфликта, который привел к закрытию портов обеих сторон на побережье Персидского залива, и путь к этим странам проходит через территорию Турции. Так, только в 1983 г. Иран импортировал турецких товаров на 1,5 млрд. долл., а Иран — на 1,2 млрд. долл., что в 5—6 раз больше, чем до военного конфликта между этими государствами. Этот уровень сохранился и в 1984 г.⁸.

Помимо этого между Турцией и вышеуказанными конфликтующими странами существует договоренность о взаимном снижении тарифов в области морских, железнодорожных и автомобильных перевозок. Эти транзитные услуги дают Турции около 500 млн. долл. в год.

В сентябре 1983 г. между Турцией и Ираком была достиг

пута договоренность о возможном увеличении на 50% пропускной способности турецко-иранского нефтепровода протяженностью 1000 км⁶. По сообщению печати, разработан также план строительства второго нефтепровода из Ирака через Турцию и 1987 г.¹⁰

22 января 1985 г. во время визита иранского премьер-министра Мусави Хаманеи в Анкару, был подписан ряд соглашений об увеличении объема торгового оборота между двумя странами до 3-х млрд. долл., о строительстве нефте- и газопроводов из Ирана в Турцию¹¹.

Таким образом, Турция извлекает для себя большую выгоду из войны в районе Персидского залива, удовлетворяя значительную часть потребностей обеих воюющих стран в импортной продукции.

Весьма заметная активизация в торгово-экономических отношениях Турции с арабскими странами наблюдается после парламентских выборов в 1983 г., в результате которых к власти пришла Партия Отечества, возглавляемая прагматиком-технократом Т. Озалом¹².

По его инициативе в конце 1984 г. была создана совместная турецко-саудовская торговая корпорация с капиталом в 150 млн. долл.¹³. Одновременно турецкое правительство вело переговоры с Кувейтом, ОАЭ, Катаром и добилось их согласия предоставить Турции в общей сложности 400 млн. долл. кредита¹⁴.

Ныне первые ряды в списке главных торговых партнеров Турции занимают Иран, Саудовская Аравия, Ирак, Ливия¹⁵.

Что касается товарной структуры торговли Турции со странами ближневосточного региона, то первое место в ее экспорте занимает продукция сельского хозяйства. Известно, что Турции — одна из немногих стран мира, имеющих излишки сельскохозяйственной продукции. В то же время дефицит продовольственных товаров в арабских странах ежегодно растет.

Отметим, что в импорте Турции из этих стран главную статью составляют нефть и нефтепродукты.

В развитии экономических связей Турции со странами региона не последнюю роль играет исламский фактор. Надо иметь в виду, что почти 90% населения Турции — мусульмане (хотя официально церковь отделена от государства). И это явно дает Турции дополнительные преимущества при поддержании деловых отношений со странами Ближнего и Среднего Востока¹⁶. В то же время следует подчеркнуть, что идеи исламской солидарности могут способствовать хозяйственному сотрудничеству стран лишь тогда, когда они подкрепляются совпадением и взаимным удовлетворением экономических интересов правящих

в них классов. Сильная поддержка, оказанная Турцией движению исламской солидарности за последние 10 — 15 лет, позволила ей стать крупным объектом финансовой помощи богатых нефтью государств региона.

Нельзя не отметить и трудности, переживаемые Турцией в области торгово-экономических связей со странами Ближнего и Среднего Востока. Это относится прежде всего к сильной конкуренции на рынках этих стран со стороны империалистических монополий Запада, особенно в период циклического спада.

Углублению торгово-экономических отношений Турции с государствами ближневосточного региона препятствует также их социально-политическая неоднородность, степень зависимости каждой из них от империалистического Запада, уровень развития и т. д.

Немало хлопот доставляет Турции и сам факт ее нахождения в агрессивном блоке НАТО. Многие ближневосточные торговые партнеры Турции не без основания проявляют известную осторожность, считая, что страна все еще не в состоянии проводить подлинно независимую политику.

С другой стороны, перспективы развития экономических отношений Турции с арабскими странами не устраивают империалистические монополии, которые всеми средствами стремятся усилить зависимость как Турции, так и всех стран этого региона от НАТО и «Общего рынка».

Но несмотря на это развитие и расширение торгово-экономических отношений Турции со странами арабского мира идет по нисходящей линии. Эта тенденция, вероятно, будет продолжаться и дальше, поскольку Турция стремится использовать выгоды, создаваемые ее географической близостью к странам Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки, проводить в регионе свой особый экономический и политический курс.

Примечания

¹ International Herald Tribune, 8—9 June, 1985.

² Там же.

³ Кроме того, фирма «Экиа» вошла в консорциум с английской компанией «НБИ Персонал лимитед» и канадской «Атомни энержи оф Канада лимитед», которые ведут строительные работы в ряде стран Востока. Согласно подписанному турецким правительством соглашению, в начале августа 1985 г. консорциум построит первую в Турции атомную электростанцию в гор. Аккую (р-н Мерсин) в течение 15 лет, стоимостью в 1,3 млрд. долл. (См.:

⁴ Dünayda, 14. VIII 1983.

⁵ İstatistik yilligi, 1983, s. 43.

⁶ Во время визита премьер-министра Турции Т. Озала в Эр-Рияд в апреле 1985 г. было достигнуто соглашение о предоставлении Саудовской Аравией Турции 110 млн. долл. на финансирование различных проектов раз-

ятия в Турции, должно 250 млн. долл., выделенных в форме резервного кредита.

⁷ Milliyet, 10. XII. 1980.

⁸ The Financial Times, 24. XII. 1984.

⁹ Oьnaydin, 9. IX. 1983.

¹⁰ Oьnaydin, 19. III. 1985.

¹¹ Resmî gazete, 23. I. 1985. ¹² Milliyet, 14. VI. 1985.

¹³ Т. Овал, став премьер-министром, проявляет большой интерес к экономическим связям Турции со странами ближневосточного региона. Он всячески убеждает руководителей деловых кругов Запада и Японии, что все дороги на Ближний Восток могут проходить через Турцию. «Турция, — говорит он, занимает единственное в своем роде географическое и культурное положение на Ближнем Востоке. Приезжайте и вкладывайте у нас свой капитал: мы можем сыграть роль моста между Востоком и Западом».

¹⁴ The Financial Times, 24 XII 1984.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Президент Турции К. Эрэн, выступая на открытии шестого заседания руководителей Исламского банка развития в июне 1982 г. в Стамбуле, заявил, что несмотря на секулярный (лаицистский) характер турецкого государства, оно является неотъемлемой частью исламского мира (см.: Азия и Африка сегодня, № 10, 1984, с. 41.).

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Основное внимание в своей внешнеполитической деятельности на Ближнем Востоке правящая в Саудовской Аравии династия Саудитов уделяет борьбе за ближневосточное урегулирование.

Первой значительной инициативой Саудовского королевства явился призыв короля Фейсала в 1969 г. к «джихаду», т. е. к священной борьбе мусульман против неверных за освобождение Иерусалима. Он последовал за поджогом неизвестными лицами мечети «Ал-Акса» в Восточном Иерусалиме, который с июня 1967 г. находится под властью израильских оккупантов. Одновременно с этим призывом была создана Организация Исламская конференция (ОИК), целью которой является объединение всех мусульманских режимов. Было решено, что штаб-квартира этой влиятельной политической организации мусульман будет находиться в Восточном Иерусалиме после его освобождения, а до этого — в саудовском городе Джидде. Как призыв к «джихаду», так и последовавшее за ним создание ОИК способствовали значительному подъему престижа Саудовской Аравии на Арабском Востоке и в мусульманском мире в целом.

Влияние страны на Арабском Востоке возросло и в результате активного участия саудовцев в нефтяных санкциях против империалистических держав, поддержавших Израиль, в ходе четвертой арабо-израильской войны в октябре 1973 г. Такая позиция династии Саудитов способствовала тому, что после окончания этой войны Сирия согласилась получать помощь от Саудовского королевства по линии фонда помощи странам, конфликтующим с Израилем: до этого она не шла на получение помощи от монархических режимов. Вскоре после октябрьской войны 1973 г. и ООП стала получать помощь ряда богатых арабских нефтедобывающих государств, включая Саудовскую

Аравии. Так что значительно расширилась сфера финансовой активности саудовцев в арабском мире.

В августе 1980 г. саудовский наследный принц Фахд вновь объявил «джихад» за освобождение Восточного Иерусалима. Таким образом, это был уже второй призыв к «джихаду», провозглашенный династией Саудитов. На этот раз он был ответом на решение израильского парламента — кнессета, провозгласившего весь Иерусалим, включая его восточную часть с ее мусульманскими святынями, «вечной и неделимой» столицей Израиля. Этот призыв отличался от предыдущего четырьмя основными моментами. Во-первых, на этот раз было четко определено, что он направлен на освобождение Восточного Иерусалима, а не всего города. Во-вторых, в данном случае он был обращен не только к 180 млн. арабов, а ко всем мусульманам, насчитывающим приблизительно 800 млн. человек. В-третьих, представители саудовской верхушки разъясняли, что призыв к «джихаду» не означает, что все мусульманские режимы должны немедленно взяться за оружие: сначала они должны применить соответствующие экономические и политические санкции против Израиля, а уж если они не дадут искомым результатов, то надо прибегнуть к вооруженной силе. В-четвертых, вскоре после провозглашения наследным принцем Фахдом «джихада» саудовский министр иностранных дел Сауд аль-Фейсал заявил, что было бы желательно распространить «джихад» на освобождение не только Восточного Иерусалима, но также и Западного берега реки Иордан, и сектора Газы¹.

7 августа 1981 г. появилась новая инициатива Саудовской Аравии, получившая название План Фахда по имени ее автора — наследного принца Саудовского королевства и первого заместителя премьер-министра страны, т. е. второго лица в государстве. Это был уже комплексный план урегулирования ближневосточного конфликта. В нем впервые был поставлен вопрос о том, чтобы столицей независимого арабского палестинского государства стал бы Восточный Иерусалим. Допускалась такая возможность признания арабами на определенных условиях права государства Израиль на существование, т. е. создавались более благоприятные условия для решения урегулирования ближневосточной проблемы. В плане Фахда ставился вопрос о необходимости освобождения Израилем всех арабских земель, оккупированных им в июне 1967 г.; о ликвидации еврейских поселений на арабских землях и т. д.² Однако в саудовской инициативе отсутствовало даже упоминание ООП и не был четко определен механизм решения проблемы ближневосточного урегулирования — это были основные причины, почему в ноябре 1981 г. на XII совещании арабских стран на высшем уровне в Фесе саудов-

цам не удалось сделать этот план основой для выработки общеарабской платформы.

6 июня 1982 г. Израиль совершил развернутую агрессию против Ливана и отрядов Палестинского движения сопротивления (ПДС), дислоцированных на его территории. Так была развязана пятая арабо-израильская война. В ходе конфликта Саудовская Аравия не только резко осуждала агрессивные акции Израиля, но и активно выступала арбитром между противоборствующими сторонами в Ливане. Хотя саудовская верхушка и не послала свои воинские контингенты в Ливан, но она продолжала финансировать межарабские силы по поддержанию мира в Ливане. Когда с весны 1983 г. началось откровенное противоборство между группировкой — во главе с Абу Салехом и Абу Мусой, с одной стороны, и Ясиром Арафатом и его сторонниками — с другой, то саудовское руководство неоднократно выступало за восстановление единства этой организации во имя успешного решения палестинской проблемы.

В разгар пятой арабо-израильской войны арабские лидеры осознали неотложную необходимость сплочения своих сил для обуздания агрессора. В этих условиях в начале сентября 1982 г. состоялась вторая сессия XII совещания арабских стран на высшем уровне в Фесе. К моменту его созыва Фахд с 14 июня 1982 г. уже был королем Саудовской Аравии, так что его влияние значительно возросло. Непосредственно после провала первого этапа Фесского совещания в ноябре 1981 г. Фахд в своих интервью уточнил, что Саудовская Аравия еще в октябре 1974 г. на совещании арабских стран на высшем уровне в Рабате признала ООП единственным законным представителем арабского палестинского народа и с тех пор твердо придерживается этой позиции. Он добавил, что Саудовское королевство выступает против сепаратных сделок арабских государств с Израилем и за участие всех постоянных членов Совета Безопасности ООН в процессе ближневосточного урегулирования⁸. Эти уточнения способствовали тому, что на этот раз план Фахда был положен в основу общеарабской платформы по ближневосточному урегулированию. За нее 9 сентября 1982 г. проголосовало 19 арабских государств и ООП. Ливия не голосовала за эту платформу из-за категорического отказа признать право Израиля на существование.

Рагуя за принятие общеарабского документа, направленного на ближневосточное урегулирование, король Фахд не поддержал план Рейгана от 1 сентября 1982 г. Это объяснялось тем, что его принятие означало бы похоронить саудовскую инициативу. Король Фахд не только сам не поддержал американский план, но и оказал соответствующий нажим на иорданского ко-

роля Хусейна. Ведь именно с последним американское руководство и заигрывало в первую очередь, выдвигая свою инициативу, так как оно прекрасно понимало, что без Иордании не может быть и речи о принятии общепарабской платформы ближневосточного урегулирования.

Когда мы говорим, что Саудовская Аравия стала в последние годы играть значительную роль в борьбе за ближневосточное урегулирование, то нельзя при этом забывать и двойственность ее позиции. С одной стороны, династия Саудитов вносит свой весомый вклад в активизацию деятельности ОИК, направленной на борьбу против израильского экспансионизма; с другой — она пытается перехватить инициативу в борьбе за ближневосточное урегулирование у прогрессивных арабских режимов и ООП, вошедших в состав Национального фронта стойкости и противодействия замыслам империализма, сионизма и реакции против арабских народов. Саудовская Аравия оказывает финансовую помощь Иордании, Сирии и ООП по линии помощи участникам конфронтации с Израилем, но вместе с тем она пытается воздействовать на их политику в удобном для себя направлении. Саудовская Аравия приняла активное участие в мерах, направленных на бойкот Египта на Арабском Востоке и в рамках мусульманского мира в целом после подписания А. Садатом сепаратного мирного договора с Израилем. Однако она же способствовала восстановлению членства Египта в ОИК на четвертой конференции мусульманских стран на высшем уровне в Касабланке в январе 1984 г. Династия Саудитов борется против камп-дэвидской политики США, направленной на раскол рядов арабских стран и на их капитулянтство перед Израилем, но тем не менее, она не решается официально поддержать и советские предложения, направленные на комплексное решение проблемы ближневосточного урегулирования на справедливой основе.

Династия Саудитов уделяет значительное внимание и некоторым другим аспектам политической деятельности на Арабском Востоке.

В конце 70-х гг. потерпел провал план американского президента Дж. Картера создать военно-политический блок МИТО, в состав которого наряду с консервативными и умеренными арабскими режимами должны были войти Египет, капитулировавший перед Израилем, и сам Израиль. Немаловажную роль в срыве плана сыграла Саудовская Аравия, руководство которой категорически отказалось войти в один блок с сомкнувшимся с Израилем Египтом и тем более с Израилем.

В феврале 1981 г., по инициативе и под эгидой Саудовского королевства, был создан Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), куда вошло 6 аравийских монархий:

Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман и ОАЭ. Одной из основных целей создания этого регионального блока было сплочение усилий его участников, направленных на борьбу против оппозиционных движений в этих странах, активизировавшихся под влиянием исламской революции в Иране. Участники ССАГЗ не только заявили о своем намерении опираться «на собственные силы» в деле защиты своей внутренней и внешней безопасности, но и приступили с 1982 г. к созданию собственных Сил быстрого развертывания (СБР) Залива, чтобы не прибегать к помощи американских СБР. Они также разработали программу создания собственной военной промышленности. Правда, опора аравийских монархий «на собственные силы» не исключает закупки ими в больших количествах американской и западноевропейской военной техники, а также опоры на Запад в деле подготовки их военных кадров. К тому же Саудовская Аравия согласилась на присутствие на ее территории американских военных разведывательных самолетов, оснащенных системой АВАКС, но только «на временной основе».

Хотелось бы обратить особое внимание на события лета 1984 г., когда ирако-иранская война переросла в танкерную, в ходе которой было затоплено до 40 танкеров нейтральных государств, включая саудовские и кувейтские. В этих условиях американская администрация во главе с президентом Р. Рейганом обратилась к аравийским монархам со специальным посланием, в котором предложила им попросить США о помощи им своими десантами. Но аравийские монархи отвергли «просьбу» США, так как они боялись что высадка американских десантов на их землях может привести к росту оппозиционных движений.

Особое место во внешнеполитической деятельности Саудовской Аравии на Арабском Востоке занимают ее взаимоотношения с Ираком. С одной стороны, по многочисленным сообщениям зарубежной печати, еще в апреле 1979 г. был заключен секретный договор об обороне между Саудовской Аравией и Иракской Республикой⁴. А после начала ирако-иранской войны саудовская верхушка, не колеблясь, заняла сторону Ирака. Последний стал получать значительную саудовскую финансовую помощь, идущую на закупку им военной техники преимущественно во Франции. Но одновременно Саудиты, претендуя на ведущие позиции на арабском побережье Персидского залива, создали ССАГЗ. А Ирак остался вне рамок этой региональной организации.

Логично предположить, что после окончания ирако-иранской войны Ирак может поставить вопрос о его вхождении в

ССАГЗ, так как он тоже является арабским государством Залива. Но это не отвечает интересам саудовского руководства, так как Ирак сможет постепенно оттеснить Саудовское королевство с ведущих позиций в этом блоке. В то же время другие члены ССАГЗ могут приветствовать вхождение Ирака в этот региональный союз, желая иметь там весомый противовес влиянию саудовцев. Но если Ирак войдет в ССАГЗ, то он уже не будет такой сравнительно однородной региональной организацией, какой является сейчас. Во-первых, Ирак — республика, а все члены ССАГЗ на сегодняшний день — монархии. Во-вторых, около 60% населения Ирака — шииты, а члены ССАГЗ — преимущественно суннитские государства. В-третьих, в Ираке официально разрешена деятельность партий (с весны 1979 г. Коммунистическая партия Ирака вынуждена была перейти на нелегальное положение). В-четвертых, и это, пожалуй, самое главное, — Иракская Республика еще 9 апреля 1972 г. подписала Договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Подобных отношений с СССР нет ни у кого из участников ССАГЗ.

Династия Саудитов широко опирается в своей политике на Арабском Востоке на нефтедолларовую помощь арабским странам, зачастую сопровождаемую политическими условиями. Но она наталкивается на значительные трудности прежде всего в развитии взаимоотношений с арабскими странами с национально-демократическими режимами. Особенно трудно Саудитам с такими странами с прогрессивными режимами, как Ливия и Алжир, которые не нуждаются в саудовской финансовой помощи.

В заключение следует подчеркнуть, что значимость межарабских отношений во внешнеполитической деятельности династии Саудитов особенно возросла в последние годы. Если в 1974 г. сложился треугольник Вашингтон — Каир — Эр-Рияд, где США играли руководящую роль, то после подписания А. Садатом сепаратного мирного договора с Израилем он распался. Теперь на передний план выдвинулись региональные объединения без участия США, что свидетельствует о том, что даже такие консервативные арабские государства, как Саудовская Аравия стремятся к проведению все более самостоятельной внешней политики. Конечно, классовые интересы монархических режимов во многом совпадают с интересами империалистических держав, но там, где они расходятся, эти режимы пытаются про-

водить относительно самостоятельную политику. Ныне можно прийти к заключению, что династия Саудитов проводит не проамериканскую, а более или менее независимую политику, являясь не марионеткой, а младшим партнером империалистических держав.

Примечания

¹ Paris-Match, Paris, 6. II. 1981.

² Текст Плана Фахда см.; The Middle East International, London, 20. X, 1981.

³ The Khalej Times, Abu-Dhabi, 3. XI. 1981.

⁴ Der Spiegel, Hamburg, 14. IV. 1980; The Financial Times, London, 30. V. 1980; The Middle East, London, IV, 1981; Le Monde, Paris, 6. IV. 1979.

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЗИЦИИ
СИРИИ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ КОНФЛИКТЕ
(1963 — 1985 гг.)

До 1963 г. подход Сирии к ближневосточному конфликту включая палестинскую проблему, в основном определялся требованиями военно-политического противодействия тем прямым и косвенным угрозам ее суверенитету и территориальной целостности, которые исходили из агрессивного курса и экспансионистских программ правящих кругов Израиля. Позиция Сирии в конфликте в тот период не только существенно не отличалась от позиций других граничащих с Израилем арабских государств, но и не оказывала какого-либо принципиального влияния на характер ее арабской политики в целом.

Коренным образом положение изменилось после того, как пришедшая к власти в стране в марте 1963 г. партия Баас призвала арабские прогрессивно-патриотические силы объединить усилия и добиться полного восстановления прав арабского народа Палестины на свою родину. При этом, указывая на особую важность палестинской проблемы для всей дальнейшей судьбы арабского мира, новое руководство Сирии твердо и недвусмысленно заявляло, что его отношения с арабскими режимами будут поставлены в прямую зависимость от того, какую позицию они займут в вопросе Палестины и какой практический вклад внесут в дело ее освобождения¹.

Связывая развитие межарабских отношений с проблемой Палестины, партия Баас прежде всего руководствовалась необходимостью сориентировать арабскую политику Сирии в соответствии со своим лозунгом «Единство, свобода, социализм», практически соотнести ее с идеями арабского национализма в рамках провозглашаемой борьбы за арабское единство, за освобождение арабских народов от всех видов и форм классового и национального угнетения. Вместе с тем происшедший в позиции Сирии качественный сдвиг, как и всю ее дальнейшую направленность, следует оценивать и с точки зрения того места,

которое заняла проблема Палестины в механизме внешнеполитической деятельности партии Баас.

Наряду с утверждением за арабами всех необходимых и специфических характеристик единой, хотя и в силу исторических обстоятельств разобщенной нации, императивность выдвигаемых в лозунге «Единство, свобода, социализм» целей обосновывалась партией Баас параллельно с указанием на территориальную, духовную, культурно-историческую и политико-экономическую целостность арабского мира («арабской родины»).

Подобный характер целей баасизма утверждался и самой сущностью методов их практической реализации, в первую очередь принципом радикального подхода к решению проблем межарабских отношений. При этом положения программы партии Баас особо оговаривали ее право на оказание прямого давления на те арабские режимы, политика которых противоречит высшим национальным интересам арабов, способствует сохранению состояния отсталости, феодально-капиталистической эксплуатации и укреплению позиций империализма в арабском мире¹.

В связи с этой установкой партии Баас важно отметить, что ее приход к власти в Сирии по времени совпал с тем этапом исторического процесса на Арабском Востоке, когда причины, вызвавшие к жизни арабский национализм как национализм угнетенной нации, в результате обретения большинством арабских стран политической независимости во многом утратили свое прежнее значение. В условиях в целом стабилизировавшейся государственно-территориальной структуры арабского мира ограничению влияния идей арабского национализма в этот период также способствовала и неравномерность политического и экономического развития арабских стран. Она придавала, в частности, партикуляризму ориентировавшихся на Запад консервативных арабских режимов характеристики идеологического противостояния идеям арабского национализма и единства в их антиимпериалистической интерпретации².

В условиях усиливавшейся политико-идеологической поляризации арабского мира партии Баас встала перед необходимостью актуализации идей арабского национализма, обогащения их новым политическим и социально-экономическим содержанием, более целенаправленного и последовательного использования их антиимпериалистического потенциала. Наряду с курсом на проведение прогрессивных социально-экономических преобразований, эта необходимость, по мнению партии Баас, получала определенное практическое разрешение и в поставленной задаче освобождения Палестины. С одной стороны, она с предельной четкостью ориентировала все основные направления идеологической борьбы в арабском мире в контексте глобально-

то противоречия между национальными интересами арабов и политикой сионистско-империалистического альянса в регионе. С другой — место палестинской проблемы в процессе политико-идеологической поляризации арабских стран и развитии арабского национально-освободительного движения определялось активизацией агрессивного проимпериалистического курса Израиля на Ближнем Востоке⁴.

Связав развитие межарабских отношений с задачей освобождения Палестины, партия Баас, таким образом, проявила стремление не только восстановить законные права палестинцев, но и придать идеям арабского национализма актуальный и политически универсальный характер. Борьба за решение проблемы Палестины связывалась с основными направлениями борьбы партии Баас за арабское единство, последовательное продвижение к которому, в свою очередь, выступало в качестве основополагающего условия успешного противодействия агрессивной политике и планам империализма и сионизма на Арабском Востоке.

Особое значение политико-идеологическому аспекту позиции Сирии в ближневосточном конфликте придает то обстоятельство, что его приоритет своеобразно отразил те изменения, которые произошли в руководящем составе партии Баас в феврале 1966 г. и ноябре 1970 г. Наряду с проблемами в области внутренней политики, разногласия в руководстве Сирии концентрировались и на вопросах соотношения между целями арабской политики страны и ее ролью в организации вооруженного противодействия Израилю. При этом, однако, речь шла не о стратегических задачах Сирии в ближневосточном конфликте, а о выборе более эффективных средств их решения.

Так, правое крыло партии Баас (март 1963 г. — февраль 1966 г.), исходя из неизменности экспансионистской сущности сионизма, подчеркивало, что выдвигаемое требование ликвидации Израиля как «сионистского образования» практически не может иметь какой-либо альтернативы и полностью отвечает масштабам угрозы арабскому миру со стороны сионистско-империалистического альянса. Напротив, любые попытки политического урегулирования арабо-израильского конфликта, сердцевину которого составляет палестинская проблема, могут быть направлены только на то, чтобы придать необратимость результатам сионистской экспансии и укрепить позиции империализма на Ближнем Востоке. На практике, однако, деятельность правого крыла партии Баас строилась с учетом того, что доминирующие позиции Египта и насеризма в арабском мире существенно ограничивали сферу и перспективы политико-идеологической активности баасизма. Понимая необходимость всесто-

роного укрепления военно-политического сотрудничества с Египтом, сирийское руководство вместе с тем не отказывалось в тот период от обострения идеологической и политической полемики с Г. А. Насером. В результате позиция Сирии в ближневосточном конфликте приобрела в известной степени декларативный характер, что наиболее отчетливо проявилось во время общеарабских совещаний в верхах в Каире (1964 г.), Александрии (1964 г.) и Касабланке (1965 г.)⁴.

Недостаточная эффективность позиции Сирии являлась одним из тех факторов, которые способствовали обострению по вопросам основных направлений ее дальнейшего развития. Победа левого крыла партии Баас (февраль 1966 г. — ноябрь 1970 г.), дав новый импульс продвижению сирийского общества по пути прогрессивных социально-экономических преобразований, одновременно привела к тому, что задаче освобождения Палестины был придан еще более радикальный и всеобъемлющий характер.

Левобасистское руководство Сирии считало, что решение проблемы Палестины должно быть самым тесным образом связано с развернувшейся в арабском мире политико-идеологической борьбой и оказать непосредственное влияние на исход этой борьбы в пользу национально-прогрессивных сил. Такой подход, в частности, нашел свое выражение в принятии IX национальным съездом партии в октябре 1966 г. концепции народно-освободительной войны. Основными компонентами концепции являлись борьба против империализма и сионизма, ее сочетание с активным противодействием всем реакционным режимам и сплочение национально-прогрессивных сил вокруг партии Баас. Конечной целью народно-освободительной войны было декларировано создание необходимых предпосылок для объединения арабских народов в рамках единого арабского социалистического общества⁵.

Израильская агрессия в июне 1967 г., по мнению левого крыла партии Баас, не только подтвердила реалистичность основных положений концепции народно-освободительной войны, но и, наряду с негативными моментами, привела к созданию таких условий на Арабском Востоке, которые в целом способствовали росту политической активности народных масс и усилению борьбы прогрессивных сил против диктата империализма, сионизма и реакции⁶.

В дальнейшем, вплоть до ноября 1970 г., позиция Сирии в конфликте опиралась на ту установку партии Баас, что между палестинской проблемой и проблемой оккупированных Израилем арабских территорий существует прямая причинно-следственная связь и что израильские правящие круги не только не

стремятся к политическому урегулированию возникшего кризиса, но, напротив, углубляют его, осуществляя в захваченных районах аннексионистские мероприятия. При этом акцент делался на то, что арабская реакция, и в первую очередь представленная нефтедобывающими странами, проявляя внешнее стремление внести свой вклад в дело ликвидации последствий израильской агрессии, на практике пытается добиться от Сирии принципиальных уступок в области ее внешней политики, свернуть сирийский и египетский режимы с прогрессивного пути развития и, в конечном итоге, изменить в свою пользу соотношение сил в арабском мире⁸.

Ни до израильской агрессии, ни после нее курс Сирии на развитие народно-освободительной войны не получил поддержки со стороны других прогрессивных арабских государств. Обострив отношения с консервативными режимами, Сирия вместе с тем не смогла достаточно гибко подойти к насущным требованиям военно-политического сотрудничества с Египтом, а затем, после вторичного прихода к власти иракской партии Баас в июле 1968 г., — и с Ираком. Более того, этот курс вызвал возражения и со стороны военной фракции партии, которая требовала проявить более рациональный подход и соотношению ее политико-идеологических задач и требований военной политики. Скоцентрировавшись, в частности, на вопросах создания и активизации «восточного фронта» борьбы с Израилем, эти разногласия достигли своей кульминации в сентябре — октябре 1970 г. в связи с гражданской войной в Иордании⁹.

Переход нового руководства партии Баас во главе с Х. Асадом к реализации программы, выдвинутой в рамках «исправительного движения 16 ноября», ознаменовал начало нового этапа в развитии политической и социально-экономической жизни Сирии, ее арабской и международной политики.

Подтвердив преемственность стратегической линии партии Баас в ближневосточном конфликте, новое сирийское руководство подчеркивало, что его деятельность будет подчинена единой цели — созданию общества, способного добиться освобождения оккупированных Израилем арабских территорий и решения палестинской проблемы. В связи с этим во внутренней сфере выделялись такие задачи, как мобилизация всех прогрессивных сил страны на борьбу путем создания Национально-прогрессивного фронта во главе с партией Баас; разработка внутривнутриполитической программы, отвечающей требованиям военного положения и основных нужд трудящихся; углубление прогрессивных социальных преобразований и создание материально-технической базы для удовлетворения нужд военной политики и реализации целей по объединению арабских народов; строительство

вооруженных сил и всестороннее повышение уровня обороноспособности страны.

Сфера арабской политики нового руководства партии Баас предусматривала организацию широкого сотрудничества со всеми прогрессивными арабскими режимами, направленного на укрепление стратегии вооруженной борьбы с Израилем, проведение работы по достижению единства с прогрессивными арабскими государствами, оказание поддержки палестинской революции и обеспечение монолитности Палестинского движения сопротивления.

Развитие сотрудничества со странами социалистического содружества, и в первую очередь с Советским Союзом, расширение связей с национально-освободительными движениями и прогрессивными силами всего мира, сближение со странами, занимающими справедливую позицию в отношении важнейших национальных проблем арабов, — эти задачи были выдвинуты на первый план международной политики Сирии¹⁰.

Принятие этой программы и ее претворение в жизнь в первой половине 1970-х гг. имели для Сирии важные военно-политические результаты и последствия. Практическая эффективность взятого курса была, в частности, продемонстрирована в период подготовки и в ходе арабо-израильской войны в октябре 1973 г., когда Сирии удалось создать предпосылки для возвращения под свой суверенитет части Голанских высот, захваченных Израилем еще в июне 1967 г.¹¹.

Итоги войны 1973 г., курс Египта на заключение сепаратного мирного договора с Израилем и вспыхнувшая в апреле 1975 г. гражданская война в Ливане привели к созданию качественно новой обстановки на Ближнем Востоке, что поставило Сирию перед необходимостью решения целого ряда сложных и острых проблем. Однако и в этот период ее позиция в ближневосточном конфликте продолжала строиться в соответствии с программой «исправительного движения 16 ноября». Опираясь на ее положения, Сирия на общеарабских совещаниях в верхах в Алжире (1973 г.) и Рабате (1974 г.) пыталась добиться выработки единой линии арабских стран в подходе и ближневосточному урегулированию, а затем, после поездки египетского президента А. Садата в Иерусалим, не допустить заключения мирного сепаратного договора между Египтом и Израилем под эгидой США. Американо-израильско-египетской политике навязывания странам и народам Ближнего Востока «урегулирования» конфликтной ситуации на капитулянтских условиях Сирия противопоставила курс на объединение на антиимпериалистической основе национально-прогрессивных сил арабского мира. Это, в частности, нашло свое выражение в ее активном

участии в создании Национального фронта стойкости и противодействия в 1977 г.¹².

Выход Египта из борьбы резко осложнил положение Сирии, прежде всего в плане стратегии вооруженного противодействия экспансионистской политике Израиля. Очевидно, что главным образом в силу этого обстоятельства Сирии не удалось оказать серьезного сопротивления израильской агрессии в Ливане летом 1982 г. Показательно, однако, что, используя свое политическое влияние, сирийское руководство сыграло важную роль в организации успешного противодействия американско-израильским попыткам подключить Ливан и нэмп-дэвидскому соглашению¹³.

Приоритет политико-идеологических установок партии Баас в позиции Сирии в ближневосточном конфликте определял, таким образом, ее стратегическую направленность на всем протяжении 1963 — 1985 гг., оказывая соответствующее влияние и на соотношение всех остальных формировавших эту позицию аспектов — от военно-политического до социально-экономического. Вместе с тем взятый сирийским руководством курс на решение проблемы Палестины на практике подвергался воздействию тех конкретных проблем, которые возникали по ходу развития ближневосточного конфликта, что, в свою очередь, обуславливало тактические характеристики позиции Сирии, не затрагивая, однако, ее основ, а главное, не разрывая ее связи с целями и деятельностью партии Баас на межарабской арене. В целом же такое положение указывает на то, что ближневосточный конфликт, оставаясь центральной военно-политической проблемой Сирии, одновременно выступал в качестве наиболее динамичного фактора в структуре ее арабской политики. И очевидно, что во многом именно вследствие этого в ходе двух прошедших десятилетий Сирия сумела выдвинуться на авансцену и превратиться в один из тех центров политического влияния на Ближнем Востоке, противостояние которых планам и действиям империализма и сионизма определяет сегодня развитие внешне-политической ситуации в этом регионе.

Примечания

¹ См.: Икдаль ал-баас, Ал-дику ар-рабиа, Аль-мутамерат аль-кяамийа ас-саба ал-ула 1947 — 1964, Бейрут, 1971, с. 107; Дмитриев Е. Палестинский узел. — М., 1978, с. 110.

² См.: The Arab Ba'ath Party. Constitution. — In: Arab Nationalism. An Anthology. — Los Angeles, 1974, pp. 230—242.

³ См.: Оганесян Н. О. Неравномерное развитие арабских стран (50—70-е гг.) — В кн.: Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950 — 1970-е годы. Ереван, 1980, с. 42 — 45; Левин Э. И. Развитие арабской общественной мысли. М., 1964, с. 52.

⁴ См.: Дмитриев Е., Ладеевич В. Путь к миру на Ближнем Востоке. — М., 1974, с. 75 — 104; Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 46;

Program of the March 8th Revolution. Approved in June 1955 by the Regional Congress of Arab Ba'ath Socialist Party. — Damascus, 1963.

⁵ См.: Arab Summit Conferences and the Palestine Problem (1936—1950) (1964—1966). Beirut, 1976, p. 91—185.

⁶ См.: The Arab Ba'ath Socialist Party. National Command. Statement of the National Command About the Achievements of the 9th National Congress. Damascus, 1966.

⁷ См. Ba'ath Socialist Arab Party: National Leadership. Statement on the Results of 9th Emergency Congress held in the Early September 1967. Damascus, 1967.

⁸ См.: Arab Ba'ath Socialist Party. National Leadership. Statement on the Results of the Tenth National Congress. September, 1968, Damascus, 1968.

⁹ См.: Оганески Н. О. Отношения Иранской Республики со странами Арабского Востока. Ереван, 1985, с. 51 — 56; Ванилов В. В., Саломов А. А. Сирийская Арабская Республика. М., 1981, с. 36; Тахририят хизб ал-баас аль-араби аль-иштираки фи кывада ад-даула ва-ль-муджтамаа фи-ль-кутр аль-араби ас-сури, Дамаск, 1978, с. 55 — 59.

¹⁰ См.: Нидаль хизб ал-баас аль-араби аль-иштираки 1943 — 1975. Дираса тарихия тахлилия мудинаа, Дамаск, 1978, с. 119 — 120.

¹¹ См.: Сабер Фальхут. Аль-мас'ала аль-филястинийа ва-ль-жауныф аль-араби ас-сури, Дамаск, 1977, с. 215 — 223; Аль-харб аль-арабийа аль-удя, Дамаск, (б. д.); William B. Quandt. Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1947—1975. — Los Angeles, 1977.

¹² См.: Нидаль хизб ал-баас аль-араби аль-иштираки 1943 — 1975, с. 135 — 190; Примаков Е. М. История одного сговора. М., 1985; Захаров А. М., Фокин О. И. Кэмл-Давид: политика, обреченная на провал. М., 1982.

¹³ См.: Syria Times, 15 IX. 1983; Правда, 21. 6. 1975.

МЕСТО АРАБСКОЙ ЛИГИ В МЕЖАРАБСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ

На протяжении своего более чем сорокалетнего существования Лига арабских государств играла существенную роль в международной жизни Ближнего Востока, занимая особо важное место в области межарабских отношений. Вместе с тем на различных этапах активность этой организации и ее влияние на арабские межгосударственные отношения носили неравномерный характер.

В данной статье сделана попытка в общих чертах показать место, которое занимает Лига арабских государств в межарабских отношениях, не затрагивая другие аспекты деятельности этой организации. Следует подчеркнуть, что само возникновение Лиги явилось новым толчком к развитию межарабских отношений, которые до середины 50-х гг. в основном развивались в рамках именно этой организации.

Определяющая роль Лиги в развитии межарабских отношений в 1945—1955 гг. была обусловлена рядом факторов, которые можно разделить на две группы — внешние и внутренние. Среди внешних можно выделить следующие: а) палестинский вопрос; б) экспансионистская политика Израиля; в) стремление западных держав вовлечь арабские страны в агрессивные военно-политические блоки. Следует подчеркнуть, что именно эти факторы имели первостепенное значение для повышения роли Лиги, свидетельством чего, в частности, явилось подписание в 1950 г. под ее эгидой Договора о совместной обороне арабских стран, который был призван создать оборонительный механизм для империализма и сионизма¹.

Активность Лиги в этот период также стимулировалась таким важным внутренним фактором, как стремление арабских правительств объединить усилия для борьбы против прогрессивных сил внутри этих государств².

Во второй половине 1940-х и в начале 1950-х гг. наряду с усилением роли Лиги в межарабских отношениях намечается

такие тенденции формирования первых межарабских группировок, что было обусловлено усугублением династических разногласий, а также, в какой-то степени, оказываемым арабскими государствами предпочтение Лондону или Вашингтону в их внешнеполитической ориентации. Однако эти группировки (Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Иордания и Ирак) носили неустойчивый характер и не могли оказать какого-либо заметного влияния на авторитет Лиги как общеарабского координирующего центра.

Во второй половине 50-х — начале 1960-х гг. наблюдается определенное ослабление роли Лиги в области межарабских отношений, что было обусловлено рядом обстоятельств, первым из которых следует назвать присоединение в 1955 г. к Багдадскому пакту Ирака. Этот шаг иракского руководства значительно принизил успехи, достигнутые в области межарабского сотрудничества в первой половине 50-х гг. С точки зрения многих арабских стран, членство Ирана в Багдадском пакте было несовместимо с его участием в Договоре о совместной обороне. Однако поскольку исключение Ирака из состава Лиги оказалось невозможным, возникла необходимость замены ставшего неполноценным вышеупомянутого Договора новым арабским оборонительным механизмом, тем более, что с начала 1955 г. наметилось усиление агрессивных тенденций в политике западных держав в регионе и вооруженных провокаций со стороны Израиля. В этих условиях был заключен оборонительный пакт между Кайром, Дамаском и Эр-Риядом, к которому в 1956 г. примкнули также Сана и Амман. Несмотря на то, что эти страны не противопоставляли свой союз Лиге, тем не менее его влияние в 1955 — 1958 гг. на политическую атмосферу арабского мира было преобладающим.

Лига арабских государств смогла вернуть себе роль главного координатора внешнеполитической активности в арабском мире лишь в 1956 г., в период тройственной агрессии против Египта.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. были отмечены углублением процесса социально-политического расслоения арабского мира, что наряду с такими событиями, как создание и распад ОАР (1958 — 1961), и развитием политических и идеологических разногласий между наиболее радикальными арабскими режимами (между ОАР и Ираком, ОАР и Сирией, Сирией и Ираком), еще более затрудняло возможность активизации деятельности Арабской лиги. И без того запутанные межарабские отношения еще более осложнились вследствие продемонстрированного арабскими странами различного отношения к йеменской рево-

люции 1962 г. и непосредственного участия в йеменских событиях Саудовской Аравии и Египта.

Конечно, было бы неправильным утверждать, что в трудный для Лиги период, охватывающий 1955 — 1963 гг., она пребывала в бездеятельности. Нельзя упускать из виду, что Лига сыграла важную роль в оказании материальной и дипломатической поддержки алжирским патриотам, в деле защиты независимости Кувейта. В эти годы продолжали функционировать ее различные органы — Совет, Политический комитет и т. д.

В 1964 — 1974 гг. роль организации в межабских отношениях снова усилилась.

Причина активизации деятельности Лиги было несколько. Во-первых, удалось более или менее нормализовать отношения между такими ведущими арабскими странами, как ОАР, Сирия и Ирак. Во-вторых, руководство Саудовской Аравии выразило намерение начать диалог с ОАР и республиканским Йеменом, что в определенной степени сняло напряженность в отношениях между этими странами. В-третьих, начиная с 1963 г., вновь активизировала свою арабскую политику ОАР. В-четвертых, в условиях усиления политико-идеологического фактора в межабских отношениях палестинский вопрос приобрел новую окраску, что не только способствовало усилению борьбы палестинских очагов сопротивления, но и потребовало от руководителей арабских государств выработки общеарабской позиции по основным проблемам противодействия агрессивному курсу Израиля.

Лига приняла самое непосредственное участие в подготовке общеарабских совещаний на высшем уровне (в Каире и Александрии в 1964 г., в Касабланке в 1965 г.), которые стали считаться ее высшим органом.

Активность Лиги была обусловлена еще теми изменениями в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке, которые были вызваны развязанной правящими кругами Израиля в июне 1967 г. агрессии против Египта, Сирии и Иордании. Секретариат Лиги в этот период проделал значительную работу по подготовке совещаний министров иностранных дел и глав арабских государств и правительств, и в первую очередь арабского совещания в верхах в Хартуме в августе 1967 г., которые были призваны разработать эффективную общеарабскую программу ликвидации последствий израильской агрессии.

Роль Лиги как общеарабского координирующего центра наглядно проявилась в 1973 — 1974 гг. в связи с арабо-израильской войной в октябре 1973 г., в частности, в период подготовки совещаний в верхах в Алжире (1973) и Рабате (1974).

Политика египетского президента А. Садата, направленная

на частичное урегулирование ближневосточного конфликта, с 1974 г. блокировала деятельность Лиги.

Развитие многочисленных противоречий самого различного характера, наблюдавшееся в этот период в отношениях между арабскими странами, и начавшийся в 1975 г. ливанский кризис еще более осложнили ситуацию.

Сложившееся в арабском мире подобное положение дел объективно было на руку США и Израилю, которые стремились разорвать единство арабских стран и войти в контакты с каждой из них в отдельности. Начавшиеся в 1977 г. египетско-израильские сепаратные переговоры явились причиной нового оживления межарабских отношений, причем на этот раз активизировалась не только деятельность Лиги. Этот процесс привел к созданию Национального фронта стойкости и противодействия, в который вошли наиболее последовательные антиимпериалистически настроенные арабские страны — Сирия, Ливан, Алжир и НДРГ, а также ООП. Это событие ознаменовало собой появление нового качества в области межарабских отношений».

Вошедшие в состав Фронта арабские государства не снизили, однако, свою активность в Лиге, поскольку рассматривали Национальный фронт стойкости и противодействия не как альтернативу Лиге, а как дополнительное средство в борьбе против сепаратизма Египта и империалистической политики на Арабском Востоке. Это обстоятельство во многом способствовало успеху совещаний, созванных в Багдаде в ноябре 1978 г. и в марте 1979 г., на которых были приняты такие радикальные решения, как приостановление членства Египта в Лиге и перевод штаб-квартиры этой организации из Каира в Тунис. Вместе с тем сам факт создания Национального фронта стойкости и противодействия свидетельствовал о том, что в целом отрицательную позицию, занятую странами — членами Арабской лиги в отношении египетско-израильской сделки, следует рассматривать дифференцированно.

К концу 1970-х — началу 1980-х гг. в рамках Лиги наблюдалась определенная активность арабских стран в расширении межарабского сотрудничества. Ярким доказательством этого явилось принятие в сентябре 1982 г. на проходившем в Фесе совещании стран — членов Лиги арабского плана урегулирования ближневосточного конфликта. Вместе с тем не следует упускать из виду и то, что в это же время арабские страны не смогли выработать единую линию в отношении ирано-иракского конфликта и оказать активное противодействие израильской агрессии в Ливане в июне 1982 г.

После перевода штаб-квартиры Лиги в Тунис ее новое руководство пытается придать больший размах деятельности этой

организации, в частности, путем введения различных структурных изменений. Так, в 1982 г. в официальном органе Лиги — журнале «Шуун Арабия» — был опубликован проект нового Устава, который, по замыслу его авторов, призван заменить не только существующий Устав Лиги, принятый еще в 1945 г., но и другие программные документы этой организации¹. Следует, однако, отметить, что эта инициатива пока не получила должного резонанса в арабских правящих кругах.

В современных условиях существует две группы факторов, оказывающих влияние на межарабские отношения и, соответственно, на деятельность Лиги арабских государств. К первой группе относятся: агрессивная политика Израиля и США на Арабском Востоке, нерешенность палестинского вопроса, продолжающаяся оккупация Израилем части территорий арабских стран, необходимость решения серьезных социально-экономических проблем арабского мира коллективными усилиями стран — членов Лиги, которые способствуют развитию межарабских отношений в рамках этой организации. Ко второй группе можно причислить такие факторы, как продолжающийся процесс политико-идеологической поляризации арабского мира и углубление различного рода разногласий между странами — членами Лиги.

Деятельность Лиги в наши дни осложняется еще одним обстоятельством. Речь идет о значительном расширении состава Лиги, что побуждает ее членов, наряду с проведением определенной политики в общеарабском масштабе, уделять все возрастающее внимание субрегиональным проблемам.

В заключение отметим, что благодаря своей многоплановой деятельности Лига арабских государств превратилась в авторитетный и уже традиционный центр внешнеполитической активности на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Очевидно, что в будущем эта организация сохранит свою важную роль в решении актуальных вопросов внешнеполитической жизни арабских стран.

Примечания

¹ Муахада ад-дифа ал муштарак ва-т-таваун ал-иктисади. — Мухаммад Ганем, Мухадарат ан джамиат ат-дувал ал-арабия. ал-Каира, 1980, с. 120 — 135.

² Об этом см.: Тутянова О. Э. Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке, М., 1960, с. 29; Федченко А. Ф. Иран в борьбе за независимость (1917 — 1969 гг.), М., 1970, с. 110.

³ Восток: рубеж 80-х годов, М., 1983, с. 240 — 241; Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока, М., 1984, с. 239 — 240.

⁴ Восток: рубеж 80-х годов, с. 241.

⁵ Об этом подробнее см.: Шаабан С. Машруа та'дкн мисак ал-джамиа. — Шу'ун арабия, Тунис, Авар-марс, 1982, с. 247 — 271.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

Исследование основных этапов ближневосточной политики одной из ведущих империалистических держав — ФРГ — обусловлено ее большим экономическим весом и ростом политической активности в современных международных отношениях. Ближневосточный регион важен для Бонна не только своими сырьевыми ресурсами, но и с общеимпериалистической стратегической точки зрения¹. ФРГ со времени образования расширяло свое присутствие на Ближнем Востоке и, периодически внося коррективы в неокOLONIALISTскую политику, стремилась к усилению своего влияния.

Уже в 50-е гг. правящие круги ФРГ, прикрываясь лозунгами «антиколониализма», «отсутствия имперских интересов», «партнерства», «помощи развитию», «традиционной дружбы Германии с арабами», развернули политику экономической, политической и идеологической экспансии в ближневосточном регионе, которую они объясняли «непосредственными интересами» Западной Германии «не только исходя из экономических потребностей западногерманских монополий, но и в плане борьбы с мировой социалистической системой»².

Одним из решающих факторов в период становления ближневосточной политики ФРГ в 1950 — 1965 гг. являлись отношения с Израилем. Согласно подписанному в 1952 г. в Люксембурге договору, Западная Германия обязалась выплатить Израилю репарации за «ущерб», нанесенный нацистской Германией евреям, в размере 3,45 млрд. западногерманских марок. Тем самым ФРГ способствовала укреплению военно-промышленного потенциала Израиля, в чем были заинтересованы и правящие круги США.

Ближневосточная политика ФРГ, проведение и осуществление которой предполагалось в комплексном использовании всех возможностей, преследовала также цель противодействия любым попыткам признания ГДР арабскими странами («доктрина Хальштейна»).

Двойственный характер политики ФРГ на Ближнем Востоке, которая, с одной стороны, предусматривала совместные действия стран НАТО, и преследовала собственные политико-экономические цели, в конечном счете направленные на вытеснение с ближневосточного рынка своих партнеров по альянсу, особенно ярко проявился впервые в суэцком вопросе в 1956 г., в период «тройственной агрессии» против Египта. Однако «страх перед социалистическим лагерем, боязнь дальнейшего развития национально-освободительного движения также способствовали тому, что в суэцком вопросе, несмотря на «особые соображения», в конечном счете взяла верх тенденция к единству действий с остальными империалистическими странами»³.

После суэцкого кризиса, когда произошло резкое ослабление англо-французского влияния, Западная Германия активизировала свою политику на Арабском Востоке, проводимую под флагом «спасения позиций западного мира». Вместе с тем, начиная с 1958 г., ФРГ тайно поставляла оружие Израилю, мотивируя это тем, что якобы из-за поставок оружия социалистическими странами Египту было нарушено военное равновесие на Ближнем Востоке⁴. Израилю было предоставлено оружия на сумму 320 млн. марок.

В марте 1965 г. правительство ФРГ под давлением США и международного соглашения взамен поставок оружия предложило Израилю установить дипломатические отношения⁵. Вместе с тем в заявлении правительства ФРГ от 7 марта 1965 г. «К положению на Ближнем Востоке» арабским странам предлагалось не рассматривать это как действие, направленное против них, а лишь шагом к нормализации отношений между двумя странами. Кроме того, федеративное правительство для получения поддержки консервативных арабских режимов заявило, что все это произошло из-за политики президента Насера, «давшего свободную дорогу все возрастающему коммунистическому влиянию в арабском мире»⁶.

12 мая 1965 г. ФРГ и Израиль установили дипломатические отношения на уровне послов и, хотя Бонн в который раз заверял, что этот шаг не направлен против арабов, решением Лиги арабских государств 10 арабских стран разорвали дипломатические отношения с Западной Германией.

Ближневосточная политика ФРГ, таким образом, потерпела серьезное поражение. Позиции Бонна на Ближнем Востоке пошатнулись вследствие империалистической политики сговора с Израилем и тайных поставок ему оружия.

В конце 1966 г. в Западной Германии было образовано новое правительство «большой коалиции» (блок Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз и Социал-

демократическая партия Германии). В первом же правительственном заявлении канцлер К.-Г. Кизингер, обращаясь к проблеме ближневосточной политики ФРГ, заявил, что с десятью арабскими государствами «в настоящее время, к сожалению, нет дипломатических отношений», но он, однако, верит, что «традиционно хорошее сотрудничество во взаимных интересах вскоре будет возобновлено и развито». Далее канцлер, отметив, что отношения с Израилем и еврейским народом улучшились благодаря установлению дипломатических отношений, заверил, что ФРГ «пойдет по этому пути и дальше»⁷.

Новое правительство ФРГ не скрывало, что оно будет всячески стремиться восстановить свои позиции в арабском мире, однако усилия Бонна были прерваны кризисом на Ближнем Востоке, возникшем вследствие агрессивной политики Израиля при попустительстве его империалистических союзников, в том числе и Западной Германии.

В мае 1967 г. в дни акабского кризиса, как и в дни июньской войны 1967 г. ФРГ недвусмысленно выступила на стороне Израиля. 7 июня 1967 канцлер Кизингер, выражая мнение всех партий бундестага, заявил о «политике невмешательства» своего правительства в отношении арабо-израильской войны. Однако формальный характер этого заявления был перечеркнут министром иностранных дел ФРГ Вилли Брандтом, заверившим Израиль, что «невмешательство не значит морального безразличия и равнодушия сердец» делу Израиля⁸. Позиция, занятая правительством ФРГ в период июньской войны 1967 г., вызвала недовольство в арабских странах, что не могло не тревожить федеральное правительство, тем более что престиж ГДР, осудившей агрессию Израиля и выступившей в поддержку арабских стран⁹, значительно возрос в арабском мире. И уже в конце 1967 — начале 1968 гг., так как не удалось свергнуть прогрессивные режимы в Сирии и Египте и антиимпериалистические настроения в арабских странах резко усилились, правительство Западной Германии отмежевалось на словах от политики поддержки агрессора и «единственной целью» западногерманской внешней политики в меморандуме ФРГ Организации Объединенных Наций лицемерно провозглашалось «сотрудничество с народами Ближнего Востока на основе доверия, взаимного уважения и достоинства»¹⁰.

ФРГ, как заявил 15 февраля 1968 г. министр иностранных дел В. Брандт, поддержала резолюцию № 242 Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г. Вместе с тем он отметил, что «результаты войны не дадут в наши дни одностороннего права для изменения границ»¹¹.

«Волна признания» ГДР в 1969 г. со стороны арабских

стран (Иран, Сирия, НРЮН, ОАР), которая была рассмотрена федеральным правительством как «недружественный акт», охарактеризовала не только крах одного из основных принципов внешней политики ФРГ — «доктрины Хальштейна», но и близи восточной политики ФРГ в 60-е годы. Решающую роль в этом сыграли позиция Западной Германии в отношении арабо-израильского конфликта и неокOLONIALИСТСКАЯ политика экономического давления в качестве средства нажима на политический курс той или иной арабской страны.

С приходом к власти осенью 1969 г. нового коалиционного правительства (СДПГ и Свободная демократическая партия), возглавляемого канцлером Брандтом, начинается новый этап ближневосточной политики ФРГ. Трезвый подход правительства социал-либералов к мировым проблемам, усиление влияния арабского фактора (политического, экономического) на международной арене в начале 70-х гг. привели к некоторым изменениям внешнеполитической концепции ФРГ на Ближнем Востоке.

Однобокая, ориентированная исключительно на Запад внешняя политика Вонна лишала ее возможности маневрирования и привела к полной зависимости от США и НАТО, а глубокое противоречие между большим экономическим потенциалом и слабым международным влиянием ФРГ «способствовало усилению стремлений правящего класса к определенному высвобождению из-под опеки США, к более самостоятельной внешней политике»¹².

Все возрастающая зависимость Западной Германии от нефти, добываемой в арабских странах (до 72,4% импорта), потребность в обширном арабском рынке повлияли на отношение федерального правительства к Израилю, обусловили постепенный отход от однозначной политики поддержки Израиля и отказ от «особых отношений» с Израилем, что было провозглашено канцлером Брандтом во время визита в Тель-Авив¹³. В течение визита он, однако, ни словом не осудил агрессивную политику этого государства¹⁴.

Главным же элементом этого периода ближневосточной политики ФРГ являлась так называемая «сбалансированность» по отношению ко всем участникам арабо-израильского конфликта. Под этим подразумевается, что установление хороших отношений с арабскими странами не должно произойти в ущерб Израилю, применение силы не может быть средством достижения политических целей и территориальных изменений, предусматривается отход вооруженных сил из оккупированных территорий и право всех государств на независимость и безопасность. Не подвергая критике политику Израиля, федеральное прави-

тельство отмечало, что проведение «сбалансированной политики» учитывает и уважает интересы арабских стран, но и не идентифицируется с политикой, имеющей целью уничтожение Израиля»¹⁵.

Политика ФРГ в период октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке явилась выражением ее нового, «сбалансированного подхода» к арабо-израильскому конфликту. Заявление правительства ФРГ о «неучастии ни на одной стороне в конфликте»¹⁶ и требование федерального правительства, хоть и запоздалое, прекратить поставки вооружения Соединенными Штатами Израилю, используя территорию ФРГ, были обусловлены стремлением обеспечить снабжение Западной Германии нефтью и отменеваться от косвенной поддержки Израиля в военных действиях. Это шло вразрез с американской ближневосточной политикой. ФРГ, опираясь на свою экономическую мощь и политическую поддержку западноевропейских союзников, хотела, используя негативное отношение арабских стран к США, расширить свою экспансию в странах региона.

Характерным проявлением неокOLONиалистской ближневосточной политики ФРГ в этот период явилось ее участие в Заявлении стран—членов ЕЭС от 6 ноября 1973 г., в котором подчеркивалось «необходимость для Израиля положить конец оккупации территорий со времен конфликта 1967 г.» и учитывание «законных прав палестинцев»¹⁷ при установлении мира. Это, имеющее чисто декларативный характер, заявление явилось в дальнейшем основополагающим в подходе ФРГ к проблеме ближневосточного урегулирования и решения палестинского вопроса, иногда в той или иной форме дополнялось и комментировалось официальными лицами. И хотя еще и до этого Заявления отмечалось, что мирное урегулирование ближневосточного конфликта «кажется невозможным без справедливого решения палестинской проблемы», и после, когда декларировалось, что «жизнь и право и будущее палестинцев» является элементом прочного и справедливого мира и палестинская проблема, как часть политического решения кризиса, должна быть учтена, правительство ФРГ все же уклонялось поддерживать идею о создании собственного палестинского государства, считая что это означало бы «предвосхитить события»¹⁸.

17 мая 1974 г. новый канцлер ФРГ Гельмут Шмидт (СДПГ) заявил о преемственности своей ближневосточной политики, основными принципами которой провозглашались безопасность существования Израиля и справедливое право палестинского народа¹⁹. Признавая на словах право палестинцев на самоопределение, федеральное правительство, однако, выступало против признания ООП.

Преследуя цель усиления своей экспансии в арабских странах, решения в какой-то мере нефтяного вопроса, а также считая, что Западная Европа своей активной политикой должна сильнее сориентировать арабские страны на Европу, а не на Советский Союз, как это было в 1967 г., ФРГ выступила одним из инициаторов «европейско-арабского диалога».

Правительство ФРГ приветствовало кэмп-дэвидский процесс и пыталось привлечь к нему Сирию и Иорданию, однако реакция арабских стран, вызванная подписанием в 1979 г. «Мирного договора между Египтом и Израилем», оказало значительное влияние на политику ФРГ в регионе.

Наблюдаемой в этот период в ближневосточной политике ФРГ «проарабский» уклон, повышение значения решения палестинского вопроса во внешнеполитических заявлениях ФРГ, с одной стороны, необходимо рассматривать как попытку одной из ведущих капиталистических держав вывести из тупика «кэмп-дэвидский процесс» на Ближнем Востоке, взяв на себя функции сдерживания антизападных настроений в арабских странах даже с консервативными режимами правления. С другой стороны, в поисках альтернативного пути ближневосточной политики стран Запада, ФРГ, являясь одним из вдохновителей так называемой «европейской инициативы», стремилась сдерживать поляризацию в арабском мире, связанную с существованием и деятельностью Фронта стойкости и противодействия. Западная Германия все свои усилия направляла на раскол арабского национально-освободительного движения, всячески противодействуя совместным выступлениям против империалистических держав.

Вместе с тем федеральное правительство оказывало некоторый нажим на Израиль с единственной целью — не позволить Израилю препятствовать бесперебойному снабжению Западной Германии нефтью, а также косвенным образом не подталкивать арабские страны в «лоно СССР», что, естественно, не отвечало интересам западногерманского империализма.

В конце 70-х — начале 80-х гг. правящие круги ФРГ объявили Ближний Восток «жизненно важным регионом», заявили о своей готовности поддержать США как политически, так и экономически в противостоянии мнимой «советской угрозе» в этом районе мира. На этом этапе ФРГ стала вести более активную политику сближения с Саудовской Аравией и странами Персидского залива. Хотя израильская агрессия против Ливана в 1982 г. и была осуждена ФРГ²⁰, Израиль продолжает оставаться главной дружественной ей страной на Ближнем Востоке. Но этому не должна помешать, по мнению Бонна, продажа большей

партии оружия Саудовской Аравии, для «сдерживания советского проникновения в зону Залива».

Приход к власти в 1982 г. нового правительства ХДС/ХСС и СвДП, возглавляемого канцлером Гельмутом Колем, почти не повлиял на основные принципы политики ФРГ на Ближнем Востоке. И как следует из заявлений Г. Коля, тремя основными принципами, которыми будет руководствоваться ФРГ, остались: 1) право Израиля на существование в признанных и безопасных границах; 2) право палестинского народа на самоопределение; 3) право одного не должно быть реализовано за счет другого, обе стороны должны отказаться от применения силы друг против друга²¹. Эти заявления Г. Коля являются новой формой прикрытия неоколониалистской политики ФРГ на Ближнем Востоке на современном этапе.

Резюмируя, отметим следующие характерные элементы основных этапов ближневосточной политики ФРГ.

1950 — 1965 гг.: становление политики ФРГ в отношении арабских стран, тесные военно-политические контакты с Израилем, тайные поставки оружия Израилю.

1965 — 1969 гг.: установление дипломатических отношений с Израилем, формальное «невмешательство» в конфликт и фактическая поддержка агрессивного курса Израиля в период июньской войны 1967 г.

1970 — 1978 гг.: провозглашение и активное претворение в жизнь «сбалансированной политики» на Ближнем Востоке, являющейся одной из форм прикрытия неоколониалистских целей западногерманского империализма, что более отвечало ее национальным интересам, чем политика безоговорочного следования американскому курсу односторонней поддержки Израиля. Только используя гибкий механизм неоколониализма, ФРГ успешно лавирует в перипетиях ближневосточного конфликта и стремится внушить ряду правительств арабских стран иллюзию своей «искренней заинтересованности» в справедливом решении палестинской проблемы.

1979 — 1985 гг., стремление ФРГ содействовать претворению в жизнь американского плана ближневосточного урегулирования, поиски новых форм и альтернативного пути оказавшемуся в тупике кэмп-дэвидскому процессу («европейская инициатива»), активные попытки, направленные на раскол арабского антиимпериалистического движения; провозглашение Ближнего Востока «жизненно важным регионом», переговоры о продаже оружия Саудовской Аравии для противостояния мнимой «советской угрозе»; тесные дружественные отношения с Израилем.

Примечания

- ¹ Федеративная Республика Германии, М., 1983, с. 375 — 391.
- ² Эттингер Я. Я. Экспансия ФРГ в арабских странах и Африке, М., 1982, с. 11.
- ³ Там же, с. 98.
- ⁴ Die Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland, Hrg. von Auswärtigen Amt, Köln, 1972, с. 84—85.
- ⁵ Handbuch der deutschen Aussenpolitik, München/Zürich, 1975, с. 322; Der Spiegel, 17. 03. 1965, № 12, с. 28; I. Deutschkron. Israel und die Deutschen Zwischen Ressentiment und Ratio. Köln, 1970, с. 315; Reiner Barzel. Auf dem Drahtseil. München - Zürich, 1978, с. 40—45.
- ⁶ Die Welt, 8. 03. 1965.
- ⁷ Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 63, Bonn, 1967, с. 366—436.
- ⁸ Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 64, Bonn, 1967, с. 5258, 5270.
- ⁹ Neues Deutschland, 7. 06. 1967.
- ¹⁰ UNO Dok. а/5737—30, 06. 1967; Bulletin, 5. 07. 1967, № 71, с. 600.
- ¹¹ Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, 21. 02. 1968, с. 186.
- ¹² Кремер Н. С., ФРГ: внутриаполитическая борьба и внешняя ориентация, М., 1977, с. 253 — 254.
- ¹³ Bulletin, 13. 06. 1973, № 71, с. 674.
- ¹⁴ Unsere Zeit, 15. 06. 1973.
- ¹⁵ Bulletin, 13. 01. 1970, № 4, с. 28.
- ¹⁶ Bulletin, 12. 10. 1973, № 130, с. 1281.
- ¹⁷ Orient, Opladen, 1973, № 4, с. 179; Некоторые формулировки этого заявления канцлер В. Брандт „не была вполне довольна“.—Willy Brandt. Begegnungen und Einsichten. Hamburg, 1978, с. 568.
- ¹⁸ Bulletin, 23. 05. 1972, № 60, с. 582; 19. 04. 1974, № 49, с. 473; 26. 04. 1974, № 50, с. 492.
- ¹⁹ Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 88, Bonn, 1974, с. 6598.
- ²⁰ Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 121, Bonn, 1982, с. 6446.
- ²¹ Bulletin, 11. 11. 1982, № 109, с. 995—996; 18. 02. 1983, № 20, с. 188; Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 124, Bonn, 1983, с. 72.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ

Народам освободившихся от колониальной зависимости стран приходится бороться не только за ликвидацию последствий колониального прошлого в экономике и за социальный прогресс. Важное место среди стоящих перед нами задач занимает борьба за самостоятельность на международной арене, за проведение независимой внешней политики. Именно как результат стремления молодых государств к выработке самостоятельной внешнеполитической доктрины и в начале 60-х годов возникло движение неприсоединения, в котором важное место занимают арабские страны.

Было бы, однако, ошибочно считать, что неприсоединение зародилось как движение за решение сугубо внешнеполитических проблем, не имеющее ничего общего с внутренними задачами развивающихся стран. Неприсоединившиеся страны осознают, что лишь сплотившись между собой, они могут преодолеть препятствия на пути к укреплению независимости. Как отметил бывший президент Алжира Х. Бумедьен, выступая IV конференции глав и руководств неприсоединившихся стран, «движение неприсоединения представляет собой не просто международную ассамблею, в его русле объединяются интересы всех стран «третьего мира», равно как и других государств, стремящихся укрепить свой суверенитет и добиться прогресса»¹.

Выработка общей внешнеполитической линии освободившихся стран и формирование основополагающих принципов движения происходили в условиях острой внутренней идейно-политической борьбы.

Процессы социально-экономических и политических преобразований в арабских странах происходят в обстановке глубоко специфической, — их характерной особенностью является сложное переплетение освободительных задач общенационального характера с проблемами внутрисоциального плана. Объединяя многочисленную группу государств самой различной политической и идеологической ориентации и разнородных в эко-

номическом отношении, складывающееся движение — отражало борьбу мнений, позиций, и взглядов, свидетельствующих о довольно серьезных расхождениях его участников по актуальным проблемам современности.

Зародившись на Азиатском континенте, движение неприсоединения вскоре распространилось и в арабском мире — важном районе мирового антиимпериалистического национально-освободительного движения. Достаточно отметить, что выдающийся представитель арабского национально-освободительного движения Г. А. Насер выступил одним из основателей движения неприсоединения, ряд важных форумов движения проводились в столицах арабских стран, а проблемы арабского региона были и остаются в числе наиболее актуальных, стоящих на повестке дня движения. Причиной столь быстрого распространения здесь идей неприсоединения следует объяснить идентичностью основополагающих задач, стоящих перед народами развивающихся стран в целом.

Термин «ал-Хияд» (нейтралитет) впервые в арабском мире был использован Г. А. Насером 12 марта 1956 г. на переговорах с королем Саудом и президентом Сирии Ш. Аль-Куатли². В этот период руководство Египта стремилось к обеспечению «национального единства» внутри страны и арабского единства во всеарабском масштабе, вырисовывались предварительные черты провозглашенного им курса на создание «нового общества», которое, по словам Г. А. Насера, должно было отличаться как от капитализма, так и от марксистского социализма. Насер в то время воспринимал неприсоединение не только как «орудие на случай войны», но и как своеобразную преграду перед политическим и идеологическим воздействием извне, обеспечивающую построение своего варианта «общества справедливости и всеобщего благоденствия». По этому поводу он говорил: «Политика Египта не является прозападной или провосточной, она исходит из реальной действительности Египта и выражает его интересы»³. Это высказывание египетского лидера относится к тому периоду социально-экономического и политического развития египетского общества, когда с достижением политической независимости еще не был определен путь дальнейшего развития, среди участников национально-освободительного движения еще не начался процесс идейного размежевания, а следовательно, арабский национализм выступал как общенациональная идеология.

Неопределенность планов дальнейшего развития, иллюзорные представления о возможности развития по «третьему пути» и т. д. накладывали свой отпечаток на внешнеполитическую платформу арабских стран, характеризующуюся стремле-

нием занять промежуточное, нейтральное положение в международных отношениях. Г. А. Насер, свое стремление к нейтральному положению в международных отношениях, объяснил так: «Мы дружелюбно относимся к тем, кто аналогично относится к нам, мы враждуем с теми, кто враждебен к нам». Особенно наглядно это обнаружило себя до момента окончательного выбора той или иной страной пути дальнейшего развития. Внешнеполитические концепции руководств арабских стран выступали совокупным отражением как классовых позиций правящих кругов и групп, внутренних социально-экономических и политико-идеологических процессов дифференциации, так и международного положения в целом.

Однако Г. А. Насер не хотел «пассивного нейтралитета» и использовал все возможности для создания чисто арабских военно-политических и экономических сообществ. Другими словами, не входя в совместные военно-политические союзы с великими державами, Г. А. Насер в начале своей политической деятельности предполагал достигнуть арабского единства, создать «третью крупную державу» за счет арабских стран со всеми необходимыми политическими, экономическими и идеологическими атрибутами. Это единое арабское государство должно было служить основой движения неприсоединения в арабском регионе. Г. А. Насер говорил: «Позитивный нейтралитет — путь солидарности арабских народов, следуя которому арабские государства могут мобилизовать свои внутренние силы и освободиться от последствий прошлого»⁵.

Образованную в 1958 г. ОАР Насер считал «неприсоединившейся великой державой»⁶.

Вопрос о неприсоединении является объектом острых дискуссий как в арабской периодической печати, так и в трудах отдельных арабских исследователей. Представители противоборствующих идеологических течений по-разному подходят к трактовке понятия неприсоединения. В арабской литературе встречаются утверждения о том, что неприсоединение — это «внешняя политика», «философия», «движение», «концепция» и т. д. Часто имеет место использование в одном и том же значении различных терминов «ал-хияд ал-ийджаби» (позитивный нейтралитет), «адам ал-нихяз» (неприсоединение), или же использование двух терминов вместе — «адам ал-нихяз ва-л хияд ал-ийджаби» (неприсоединение и позитивный нейтралитет). Движение неприсоединения часто рассматривается как некая абсолютная общность интересов, под которой имеются в виду задача возрождения былой мощи арабов, единство языка, религии, культуры, традиций арабских народов и возможность достижения форсированного прогресса путем образования единого

го неприсоединившегося арабского государства⁷. Подобная абсолютизация таит в себе определенные отрицательные последствия — игнорирование различий между социально-экономическими и политическими строями в арабских странах, противоречий между различными классами и слоями внутри каждой страны и объективных закономерностей образования наций в целом. Идея неприсоединения часто увязывается с целым рядом концепций о «самобытности» обществ арабских стран, что, в свою очередь, приводит к иллюзорным представлениям о возможности наличия особой общеарабской «неприсоединившейся» идеологии.

60-е гг. характеризуются ускорением процесса размежевания среди арабских стран. Некоторые из них, избравшие капиталистическую ориентацию, расширили сферу деятельности частного сектора, скатились на проимпериалистические позиции во внешней политике и оказались фактически «примкнувшими» к лагерю мирового империализма. Другая часть арабских стран, осуществляя прогрессивные преобразования в интересах народных масс, вышла на некапиталистический путь развития. Это не могло не отразиться на дальнейшей деятельности движения неприсоединения. Постепенно углублявшиеся разногласия среди лидеров арабского национально-освободительного движения, которые были неразрывно связаны с расхождением в их представлениях о путях решения внутрисоциальных и экономических проблем своих стран и концу 70-х годов привели к определенному ослаблению монолитности рядов движения. Режимы Садата в Египте, Нимейри в Судане, Кабуса в Омане, монархическая верхушка в Саудовской Аравии в своих внешнеполитических и экономических отношениях все больше стали ориентироваться на Запад.

Такие страны, как НДРЯ, АНДР, САР и др., идущие по пути социалистической ориентации, твердо заняли левый фланг движения.

С развитием национально-освободительного движения стран—участниц, задачи неприсоединения меняются, обогащаются новым содержанием. Это, в свою очередь, вызывает определенные разногласия между представителями неприсоединившихся стран при определении отношения движения к той или иной мировой проблеме. Трактовка задач движения прямым образом связана с социальным положением и классовыми интересами самих приверженцев, с курсом внутреннего развития стран—участниц. Так, в странах, где еще не завершился процесс отмежевания революционной демократии от мелкой буржуазии как таковой, где господствующей идеологией пока является мелкобуржуазный национализм, основной задачей считают соз-

дание «третьего блока», способного уравнивать и поддерживать равноправные отношения с обеими мировыми системами и выполняющего функцию своего рода балансировки международных отношений. Приверженцы этого направления видят основную причину зарождения движения в поисках третьей нейтральной идеологии.

Самому движению неприсоединения здесь придается не только военно-политический, но и идеологический характер и воспринимается оно как ответная реакция развивающихся стран на стремление великих держав заставить их присоединиться к одному из двух лагерей. Руководящие круги этих стран стараются держать отношения как с социалистическими, так и с капиталистическими государствами в торгово-экономических рамках и препятствуют их распространению в область политики и идеологии. Они придерживаются мнения, якобы «холодная война» и идеологический конфликт имеют место лишь между двумя противоположными системами современности и развивающиеся страны не должны быть вовлеченными в этот конфликт. Попытки держаться на одинаковом удалении от обеих международных систем, естественно, поддерживаются идеологами империализма для разобщения сил национально-освободительного движения, для искусственного противопоставления развивающихся стран, странам социалистического содружества.

В арабских странах социалистической ориентации, где в господствующей идеологии усиливаются черты интернационализма и национализм ставится на службу конкретным задачам антиимпериалистической борьбы, политика неприсоединения также приобретает антиколониальную направленность. С другой стороны, в странах, где господствующей идеологией является буржуазный национализм со свойственным ему эгоизмом и тенденцией к шовинизму, в политике неприсоединения усиливается стремление к «балансированию» между великими державами, к положению «равного удаления» от империализма и социализма, хотя, очевидно, внешнеполитические отношения этих стран ориентированы на союз с Западом.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: по мере выбора и конкретизации пути дальнейшего развития страны, осуществления прогрессивных социально-экономических преобразований в интересах трудящихся слоев общества и обогащения мировоззрений руководящих сил принципами научного социализма, происходит эволюция их концепций неприсоединения. На этот процесс влияют как внешние (изменение расстановки сил на мировой арене, усиление агрессивных действий мирового империализма против молодых государств и т. д.), так и внутренние факторы (прежде всего соотношение сил внутри страны и выбор пути дальнейшего развития). Вместе с тем многие лидеры

вкладывают в общепринятые принципы неприсоединения свое содержание. Некоторые идеологи в неприсоединившихся странах ставят в один ряд так называемые «развитые страны», не делая различия между империалистическими и социалистическими государствами. Отсюда выводится и одно из противоречий современности — противоречие между «богатыми» и «бедными» нациями, между развивающимися странами и «великими державами». Таким образом, из неправильного понимания основного противоречия эпохи, решающей роли мировой социалистической системы в изменении соотношения сил в мире, в улучшении международного климата, делается неправильный вывод о главной революционной силе современности. На этом основании декларируется особая «историческая миссия» «третьего мира» и «арабской нации» в частности; национально-освободительное движение провозглашается главной силой современной истории¹. Эти концепции находят отражение в документах официальных форумов движения. Так, в политической Декларации V конференции неприсоединившихся стран подчеркивалась необходимость «противодействовать политическому, экономическому и идеологическому давлению великих держав»².

Несмотря на обнаруживающиеся среди неприсоединившихся стран разногласия, в целом движение пока сохраняет свою целостность, продолжает служить влиятельным позитивным фактором сохранения мира и стабильности в международных отношениях. Тем не менее прогрессивные потенции этого движения не абсолютны. Реальная сущность и политическая направленность движения, в конечном счете, зависят от внутреннего социально-экономического курса каждой отдельно взятой страны. В определенных случаях — когда та или иная страна отходит от прогрессивного пути развития — ее неприсоединение может носить лишь декларативный характер (Египет, Судан и др.), принять ярко выраженную националистическую окраску, стать орудием против любых прогрессивных тенденций и серьезным препятствием на пути закономерного союза с главными революционными силами современности.

Примечания

¹ Ал-Муджахид, 6.9.1973.

² Саяд Абдел Фаттах Ансур. Саурат шааб. Каир, 1965, с. 209.

³ Там же, с. 209.

⁴ Саяд Абдел Фаттах Ансур. Саурат 23 йаляйя ва тахжж ал-истинналл.

⁵ Садек Юсеф. Ал-кинух ад-дували ал-жем. Каир, 1964, с. 44.

⁶ Мажаалат ал-Шура, июль, 1978 г., с. 21.

⁷ Абдел Джаббар Урейж. Мушхалат ал-муджтама ал-араби ал-муасыр. Багдад, 1969, с. 21.

⁸ Джаули фи фикр ал-саура. Роз ал-Юсеф, 28.6.1973.

⁹ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1974 с. 308.

ИРАК В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Борьба развивающихся стран за достижение экономической самостоятельности в 60—70-е гг. увенчалась для многих из них заметными успехами. Значительное развитие получил госсектор, установлен национальный контроль над природными ресурсами, правительства этих стран стали самостоятельно определять свою внешнеэкономическую политику в условиях, когда дозольно основательно подорваны прямые рычаги империалистической эксплуатации.

На наш взгляд, представляет немалый теоретический и практический интерес исследование того, каким образом отразилось развитие одного из основных нефтеэкспортирующих арабских государств — Ирака в 70 — начале 80-х гг. на его месте и роли в системе международных экономических отношений, в мировом хозяйстве.

Ирак принадлежит к той группе нефтеэкспортирующих арабских стран, которые направляют свои нефтяные поступления главным образом на развитие национальной экономики. Наряду с Алжиром он относится к таким нефтедобывающим государствам Арабского Востока, которые в силу ряда природных и экономических факторов — значительного населения, наличия, помимо нефти и газа, других природных ресурсов, (земли, пригодной для сельскохозяйственного использования, водных ресурсов, минералов), а также сравнительно емкого внутреннего рынка — имеют достаточные возможности для диверсификации своей экономики.

Стратегия экономического развития Ирака до конца 70-х гг. получила полное выражение в материалах 8-го (1974 г) съезда ПАСВ Ирака и в Хартии национальных действий Ирака (1973 г.). Основные принципы стратегии экономического развития страны после 1968 г., т. е. после прихода к власти ПАСВ Ирака, сводились к следующему: — полное освобождение национальной экономики от эксплуатации иностранным капиталом под лозунгами: «Национализация нефтяных богатств явля-

ется стратегической целью арабской революции» и «Арабская нефть — арабам»; ликвидации отсталости во всех областях хозяйства и необходимость его быстрого и всестороннего развития; создание развитой экономики, обеспечивающей высокий и непрерывный рост жизненного уровня населения и выравнивание доходов различных социальных групп, подъем отсталых районов страны; преодоление однобокого развития экономики — итога ее многолетней зависимости от добычи и экспорта нефти, подчинение всех важнейших отраслей хозяйства интересам экономического развития страны в рамках государственного плана; создание крупной современной промышленности — опоры национальной экономической самостоятельности; максимальное самообеспечение во всех отраслях экономики. На VIII съезде ПАСВ была поставлена задача проведения «большого скачка» в предстоящем пятилетии. Главным звеном в стратегии развития Ирака стала диверсификация экономики, а в рамках этой задачи — индустриализация страны: развитие национальной промышленности, главным образом нефтедобывающей, горнорудной, нефтеперерабатывающей, нефтехимии, а также отраслей индустрии, потребляющих продукцию сельского хозяйства и производящих оборудование для него и для нефтяной и горнорудной промышленности.

В обрабатывающей промышленности до середины 70-х гг. основные усилия были направлены на развитие импортзамещающих отраслей, а со второй половины 70-х гг. стала укрепляться база экспортноориентированной индустрии (нефтепереработка, нефтехимия, производство искусственных удобрений и строительных материалов). В этот же период, помимо промышленности, приоритетными направлениями стратегии развития стали также расширение инфраструктуры и социального обслуживания¹.

За 13 лет (1968 — 1980 гг.) поступления в государственную казну от продажи нефти выросли более чем в 54 раза, с 476 млн. долл. до 26134 млн. долл., причем наибольший рост приходится на вторую половину указанного периода. Удельный вес нефтяных поступлений в доходах государства заметно вырос с 50 — 65% в 1958 — 1972 гг. до более 80% в 1973 — 1974 гг.² Приток огромных инвалютных средств благотворно сказался на развитии экономики страны и ее наиболее важных отраслей. В ходе диверсификации хозяйства 25% средств, вложенных в 1975 — 1979 гг. в развитие индустрии, было инвестировано в нефтяную промышленность, 22% — в электроэнергетику, нефтехимию и химию. Самым важным итогом использования доходов от нефти стало укрепление госсектора. Его удельный вес в создании ВНР вырос за 10 лет (1968 — 1978 гг.) не-

виданными темпами — в три раза, с 26% до примерно 78%, а в области внешней торговли в те же годы достиг почти 100% по экспорту и 89% — по импорту³.

Быстрый рост поступлений от экспорта нефти, создавший материальную основу развития иракской экономики в 70-е гг., весьма расширил возможности использования достижений мирового научно-технического прогресса, что привело к росту импорта машин и других средств производства и к серьезному увеличению удельного веса машин и оборудования в общем объеме импорта — с 1968 по 1978 гг. он вырос с 20% до 53,6%, т. е. более чем в 2,5 раза⁴.

Значительная потребность в импорте машин, оборудования и технического опыта из индустриально развитых капиталистических государств и резко выросшие финансовые возможности Ирака для реализации этой цели со всей остротой поставили в повестку дня вопрос о возможностях расширения экономических связей с государствами Запада на равноправной и взаимовыгодной основе.

Позиция ПАСВ Ирака по вопросу развития внешнеэкономических связей с достаточной определенностью была отражена в материалах как 8-го, так и 9-го (1982 г.) съездов. В материалах 8-го съезда по поводу развития связей со странами Запада говорилось: «Не весь западный капиталистический мир состоит из враждебных нам империалистических государств. Там имеются государства, занимающие сравнительно положительные позиции в отношении арабских стран. Наши интересы... требуют установления с этими государствами Запада хороших отношений во всех возможных областях... Наше враждебное отношение к империалистическим государствам... не должно мешать сотрудничеству с ними в тех сферах, в которых это отвечает... интересам Ирака и не противоречит нашим принципам»⁵.

Эта позиция правящей в Иране партии была зафиксирована и в материалах 9-го съезда ПАСВ. Там, в частности, было сказано: важнейшей чертой развития Ирака съезд считает его национально-патриотический характер, выражающийся в том, что Ирак проводил и продолжает проводить свой независимый курс. Опора только на собственные силы привела бы к замедлению темпов развития. Поэтому необходимо использовать зарубежный опыт и возможности для всеобъемлющего развития. В этом документе отмечается также, что Ирак проводит курс на диверсификацию научно-технического и экономического сотрудничества с зарубежными странами и компаниями, что позволило ему укрепить свою национальную независимость⁶.

В первой половине 70-х гг., в ходе реализации руководящих положений ПАСВ, в Ираке был издан ряд законов, стиму-

дирующих привлечение иностранного капитала к участию в развитии национальной экономики под контролем государства. Как правило, прямые иностранные инвестиции не допускаются (исключения делаются для арабского капитала). Обычно заключается соглашение о сооружении объектов экономики «под ключ» на основе подписанного контракта в результате проведения торгов. Новой формой сотрудничества между Ираком и развитыми капиталистическими государствами стали долгосрочные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, заключенные на межправительственном уровне в 70-е и начале 80-х гг. с Францией, Японией, Италией, Великобританией, Испанией.

Развитие внешнеэкономических связей Ирака с Западом способствует, однако, расширению и углублению, в определенной степени, экономической зависимости этой страны от мирового капиталистического рынка в качестве поставщика, в основном, сырой нефти и импортера технологии. Так, к концу 70-х гг. Ирак стал для стран Запада вторым, после Саудовской Аравии, рынком сбыта товаров и сферой приложения капитала на Ближнем Востоке, а общая стоимость контрактов, заключенных Ираком с зарубежными, в том числе с арабскими фирмами составила в 1980 г. 12,649 млрд. долл., или свыше 27% от общего итога по всем странам региона. Стоимость контрактов, заключенных Ираком с фирмами стран Запада в 1980 г. о проведении работ по модернизации и благоустройству Багдада, достигла около 4,5 млрд. долл.⁷

Опасность усиления зависимости экономики Ирака от мирового капиталистического рынка с господством на нем транснациональных корпораций приобретает вполне реальные очертания, если учесть, что во внешнеторговом обороте страны ведущие места занимают развитые капиталистические государства. Так, в 1978 г. 60,7% всего импорта Ирака приходилось на шесть крупнейших стран Запада: ФРГ, Японию, Великобританию, Францию, Италию и США, тогда как еще в 1970 г. на их долю пришлось всего 31,2% импорта, т. е. почти вдвое меньше⁸.

Вместе с ростом зависимости от мирового капиталистического хозяйства (МКХ), в области импорта, Ирак и после завершения национализации нефти в 1975 г. тесно связан с МКХ как с основным рынком сбыта нефти. Нефтяные монополии продолжают получать большие прибыли от переработки и сбыта жидкого топлива, ввезенного из этой страны. Необходимо отметить нестабильность этого рынка в силу колебаний спроса на нефть. Данный фактор, а также изменение цен на сырую нефть в значительной мере отражаются на экономике Ирака, как и других нефтеэкспортирующих стран Ближнего Востока. В последнее

десятилетие отмечается определенный рост зависимости Ирака от развитых капиталистических стран в качестве объекта их кредитов и займов. Эта зависимость выросла после начала войны с Ираном.

Важную роль в системе международных экономических отношений играет экономическое сотрудничество социалистического содружества с развивающимися странами. Это сотрудничество воплощает собой новый тип международных экономических отношений и ведет к качественным изменениям положения развивающихся стран в мировом хозяйстве, оказывает положительное влияние на достижение экономической самостоятельности. Для развивающихся стран первостепенную важность имеет опыт СССР и других стран социалистического содружества, связанный с планированием экономики, проведением индустриализации, развитием госсектора. Сотрудничество мирового социализма подорвало монополию империализма на экономические и научно-технические связи с его бывшими колониями и полуколониями.

Сотрудничество СССР с Иракской Республикой насчитывает более четверти века. Оно осуществляется на основе соглашений — торгового и об экономическом и техническом сотрудничестве, подписанных в 1958 — 1959 гг., а также ряда других соглашений, заключенных впоследствии. Сотрудничество с Ираком занимает видное место во внешнеэкономических связях СССР с развивающимися странами. В 1979 г. Ирак занимал первое место по объему внешнеторгового оборота СССР с развивающимися странами, а в 1984 г. — 4-е (а среди арабских стран 2-е)*.

В итоге сотрудничества с СССР был внесен большой вклад в развитие важнейшей для Ирака отрасли хозяйства — нефтяной индустрии. При содействии СССР сооружено 20% мощностей по добыче нефти. Значительное содействие оказано и в строительстве ранее отсталой электроэнергетики. Общая мощность электростанций, сооруженных при содействии нашей страны — 1440 тыс. квт, теперь здесь сооружается крупнейший гидроузел Хадита на р. Евфрат с ГЭС мощностью 600 тыс. квт. Доли электростанций, построенных при содействии СССР, в общей выработке электроэнергии в Ираке — свыше 60%.

При содействии СССР впервые в Ираке созданы отрасли промышленности, как электротехническая, стекольная, сельскохозяйственное машиностроение, производство медицинских препаратов, консервная, построены крупнейшие предприятия легкой индустрии — хлопчатобумажный комбинат и чулочнотрикотажная фабрика, на 50% увеличена протяженность железнодорожных линий стандартной колес после сооружения железных дорог Багдад — Басра и Шуэйба — Умм-Каср. В

водном хозяйстве проводится регулирование стока главных рек — Тигра и Евфрата — путем сооружения канала и водохранилища в Хадите, что увеличит площадь орошаемых земель на 650 тыс. га, а также позволит улучшить водообеспеченности 1 млн. га земель. Важное место в сотрудничестве СССР с Ираком занимает подготовка кадров. В учебных заведениях СССР а также в Ираке организовано 11 центров на 4,6 тыс. учащихся по подготовке специалистов для промышленности и строительства. К началу 80-х гг. подготовлено свыше 73 тыс. квалифицированных рабочих и среднего технического персонала. Всего при содействии СССР в Ираке предусмотрено строительство более 100 объектов, из которых свыше 50 были завершены к 1980 г.¹⁰

Значительное участие в развитии национальной экономики Ирака принимают и другие страны — члены СЭВ. Это сотрудничество ведется на основе межгосударственных соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве. Ирак стал первой из развивающихся стран, заключивших (в 1975 г.) соглашение о сотрудничестве с СЭВ. К числу главных направлений многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ с Ираком относится нефтяная промышленность и связанные с ней отрасли хозяйства — транспортировка нефти, нефтехимия, транспорт, пищевая промышленность и ряд других отраслей. Сотрудничество стран СЭВ с Ираком носит взаимовыгодный характер, в значительной мере оно строится на компенсационной основе, т. е. оплата содействия социалистических стран осуществляется, в основном, поставками иракской нефти (так, кредиты СССР Ираку на развитие экономики почти полностью погашались в 1972 — 1978 гг. поставками нефти, так же, как и кредиты ВНР на развитие нефтяной промышленности в этой стране)¹¹.

Война между Ираком и Ираном, продолжающаяся с 1980 г. нанесла большой ущерб народам и экономике этих стран. Советский Союз с самого ее начала выступал и продолжает выступать за прекращение военных действий и за решение спорных вопросов политическими средствами.

В Ираке при населении около 15 млн. человек под ружьем находится более 1,5 млн. человек. Нехватка рабочих рук привела к массовой иммиграции в Ирак рабочих из арабских стран (главным образом, из Египта), из стран Южной и Юго-Восточной Азии. В начале 80-х гг. здесь работало около 2 млн. иностранных рабочих и среднего технического персонала.

Большой ущерб, нанесенный хозяйству (на конец 1984 г. он оценивался в 65 — 70 млрд. долл.), резко выросшие военные расходы, отвлечение значительной части трудоспособного на-

селения от производительного труда серьезно отразились на экономическом положении Ирака. После 1982 г. страна стала выходить из сложившегося сложного положения путем сокращения импорта, временной приостановки строительства новых объектов, отсрочки выплаты очередных платежей странам-кредиторам и фирмам, соорудившим объекты народного хозяйства. Полученные Ираном кредиты и займы от стран Аравийского полуострова (в основном, от Саудовской Аравии и Кувейта) и от ряда западных государств — Франции, Японии, США, Великобритании (внешний долг Ирака в 1984 г. оценивался в 50 млрд. долл.), помогли ему сохранить на определенном уровне экономическую стабильность. С вводом в 1985 г. в эксплуатацию новых экспортных нефтепроводов (через Турцию и Саудовскую Аравию) заметно вырос экспорт нефти и поступления от него, что в значительной мере облегчит решение стоящих перед экономикой страны задач.

По оценкам, после окончания военных действий понадобится несколько лет для полного восстановления материального ущерба, нанесенного Ираку войной. По мнению руководства этой страны, главным направлением развития экономики в послевоенное время станет ее дальнейшая диверсификация, развитие плановых начал, поощрение частного сектора в сельском хозяйстве и в таких отраслях, как мелкая промышленность и сфера обслуживания¹².

Вместе с тем следует отметить, что в условиях продолжающейся войны с Ираном арабские монархии и некоторые западные государства стремятся усилить финансовую и иную экономическую зависимость Ирака от них.

Примечания

¹ Политический отчет 8-го регионального съезда (ПАСВ, Иранский регион), Хельсинки, 1975, с. 55, 170—180; Арабские страны: нефть и дифференциация, с. 218, 220.

² Арабские страны: нефть и дифференциация, с. 218, 220.

³ Там же, с. 223.

⁴ Annual Abstract of Statistics. Baghdad, 1969, с. 194, 245—262; 1978-с. 193—194.

⁵ Политический отчет 8-го Регионального съезда, с. 154 — 155.

⁶ Ат-Танрир ал-марнази лях муатамар хутрий ат-таси Багдад, 1983, с. 124 — 126.

⁷ Азия и Африка сегодня, 1984, № 7, с. 55; The Middle East Economic Digest. L., 1981, № 3, с. 5.

⁸ БИКИ, 1978, прилож. № 7, с. 54; Annual Abstract of Statistics, Baghdad 1978, с. 185—190.

⁹ Внешняя торговля, М., 1980, № 4, прилож., 1985, № 3, прилож.

¹⁰ Построено при экономическом и техническом содействии Советского Союза, М., 1982, с. 199 — 201; 276, 277; Страны СЭВ и развивающиеся государства, М., 1985, с. 227; Герасимов О. Иран, М., 1984, с. 97.

¹¹ Арабские страны: нефть и дифференциация, с. 135.

¹² Там же, с. 221; Азия и Африка сегодня, 1984, № 3, с. 9; ВНИКИ, 1985, прилож. № 2, с. 73, 78; Красная Звезда, 30.09.1984.

РЕЗОЛЮЦИЯ

IV ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АРАБИСТОВ, ПРИНЯТАЯ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ (г. ЕРЕВАН, 17 МАЯ 1985 г.)

15 — 17 мая 1985 г. в г. Ереване проходила IV Всесоюзная конференция арабистов, созванная по инициативе Всесоюзной ассоциации востоковедов, Институтом востоковедения АН СССР и Институтом востоковедения АН Армянской ССР.

Конференция проходила в период большого политического подъема, связанного с подготовкой к XXVII съезду КПСС, который явится важной вехой в развитии советского общества, его экономики, культуры и науки.

В работе конференции приняло участие 120 человек, представлявших основные научно-исследовательские и учебные арабистские центры Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Баку, Ташкента и Душанбе.

IV Всесоюзная конференция арабистов ставила задачей подытожить научные результаты, достигнутые советскими арабистами за период, прошедший со времени III Всесоюзной конференции арабистов в июне 1969 г., определить главные направления деятельности советских арабистов в ближайшем будущем, выделить первоочередные задачи исследовательской и учебно-педагогической работы и дальнейшее развитие координации работ между различными арабистскими учреждениями Советского Союза.

Работа конференции проходила в четырех секциях: 1) современных политических и социально-экономических проблем; 2) новой и средневековой истории; 3) литературы; 4) языка.

В ходе конференции было заслушано и обсуждено 90 докладов и сообщений.

На пленарном заседании было заслушано 5 докладов: «Разработка проблем новой и новейшей истории арабских стран после III Всесоюзной конференции арабистов (1969 — 1985) гг.» Е. А. Лебедева и Н. О. Оганесяна; «Изучение экономических проблем арабских стран в 1969 — 1985 гг.» Р. Н. Андреасяна; «Изучение средневековой истории арабских стран в 1969 —

1985 гг.» А. Н. Тер-Гевондяна и А. В. Халидова; «Исследования в области арабской литературы в 1969—1985 гг.» А. А. Долгиной и «Исследования в области арабского языка в 1969—1985 гг.» Г. Ш. Шарбатова и Р. М. Габучина.

Конференция с удовлетворением отмечает, что за истекшие годы советская арабистика добилась несомненных успехов в области изучения истории, экономики, литературы и языка и занимает в настоящее время видное место в ряду других востоковедческих дисциплин. За этот период вылушено в свет значительное количество ценных монографических исследований, в том числе и обобщающих трудов в различных областях арабистики.

Значительно повысился научно-теоретический уровень исследований, расширилась источниковедческая база выполняемых работ. В указанный период арабисты стали уделять больше внимания проблемам международных отношений, социально-экономического развития, вопросам развития национальной культуры. Сделаны первые шаги по разработке проблем идеологии, становления национального самосознания арабов, распространения социалистических идей в арабских странах. Расширился круг исследовательских работ в области арабской литературы и языка, значительно улучшилось преподавание востоковедческих дисциплин, подготовка кадров в высших учебных заведениях нашей страны.

Вместе с тем IV Всесоюзная конференция арабистов констатирует наличие ряда недостатков и нерешенных вопросов в этой важной области знания. Она обращает внимание на ряд моментов, оказывающих отрицательное воздействие на развитие арабистики в нашей стране. К ним относятся:

1. Недостаточность разработки вопросов идеологии, политической мысли и культуры арабских стран, а также социально-экономических проблем.

2. Ослабление внимания к изучению новой и средневековой истории арабских стран.

3. Известное отставание в усовершенствовании методики в арабистических исследованиях в области языка и литературы, а также методик преподавания арабского языка и литературы в высших учебных заведениях.

4. Недостаточная координация работ арабистических центров нашей страны, в том числе и в подготовке научных кадров.

5. Недостаточность научных командировок в изучаемые страны и полевых исследований, что отрицательно воздействует на более глубокое изучение истории, экономики, политики, идеологии, литературы и языка арабских стран, ограничивает возможность оперативно реагировать на соответствующие из-

менения, происходящие в арабском мире, более полно ознакомиться с научной литературой, издаваемых в арабских странах.

Исходя из перспективы и целей развития советской арабистики и стоящих перед ней научных и практических задач, IV Всесоюзная конференция арабистов считает необходимым:

1. Больше уделять внимания изучению вопросов идеологии, политической мысли, развития массового сознания, а также духовно-культурных процессов, происходящих в арабских странах.

2. Расширить круг исследований в области экономики, особо обратить внимание на изучение закономерностей становления независимой национальной экономики, формационно-образующим факторам, характеру межарабских экономических отношений и т. д.

3. Ликвидировать неравномерность в изучении разных арабских стран и периодов, а также проблем, стоящих перед ними.

4. Вместе с углублением изучения новейшей истории, усилить внимание к разработке проблем новой и средневековой истории арабских стран, с тем чтобы в ближайшие годы ликвидировать отставание в этой области.

5. Усилить литературоведческие и лингвистические исследования. Наряду с изучением арабской классической литературы и языка, уделить больше внимания изучению современной арабской литературы и языка, социолингвистических проблем.

6. Усовершенствовать методы преподавания арабской литературы и языка в высших учебных заведениях, внедрить новые методики и приемы обучения.

7. Усилить координацию исследовательских работ арабистических центров нашей страны как в области выполнения конкретных тем, так и при планировании научно-исследовательской работы, а также в деле подготовки научных кадров.

8. Уделить внимание вопросам перевода на арабский и западно-европейские языки наиболее выдающихся работ советских арабистов.

9. Считать назревшим создание периодического историко-филологического специального журнала по арабистике. В качестве возможного места издания журнала предложить г. Ереван.

10. Укрепить полиграфическую базу арабистических изданий.

11. Ходатайствовать перед Управлением внешних сношений Президиума АН СССР о предоставлении большого количе-

ства научных командировок для арабистов с включением арабистов союзных республик.

12. Просить дирекции ИВ АН СССР и ИВ АН Армянской ССР рассмотреть вопрос о возможности издания материалов IV Всесоюзной конференции арабистов.

13. Считать целесообразным проведение конференции арабистов каждые пять лет.

Конференция отмечает, что неоднократное проведение в столице Армянской ССР г. Ереване всесоюзных конференций арабистов и других арабистических совещаний свидетельствует о высоком уровне развития арабистики в Армении, наличии соответствующей источниковедческой базы и кадров, что связано как с общим развитием востоковедения в республике, так и с разнообразными армяно-арабскими историческими и культурными связями.

Конференция выражает глубокую благодарность ЦК Коммунистической партии Армении, правительству Армянской ССР, Президиуму АН Армянской ССР и руководству Института востоковедения АН Армянской ССР за гостеприимство и создание прекрасных условий для плодотворной работы IV Всесоюзной конференции арабистов.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. А. Лебедев, Н. О. Оганесян. Изучение новой и новейшей истории арабских стран в период между III и IV всесоюзными конференциями арабистов (1969—1985 гг.)	5
Р. Н. Андреева. Изучение социально-экономических проблем арабских стран между III и IV всесоюзными конференциями арабистов (1969 — 1985 гг.)	18
I. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА	
О. Ш. Каджая. Программные документы Египетской коммунистической партии	25
Ш. Н. Курдгелашвили. Идеологические аспекты «третьей мировой теории» М. Каддафи	31
Ш. Х. Мигян. Социалистические идеи в программных документах курдских национально-демократических партий Ирака	40
Г. И. Мирский. Проблемы социалистической ориентации в арабских странах и роль военных	45
Н. О. Оганесян. Особенности и перспективы революционного процесса в современном арабском мире	53
Э. П. Пир-Будагова. Концепция «арабского социализма» в идеологии Партии арабского социалистического возрождения Сирии (ПАСВ)	59
Е. Д. Пырляк. Некоторые особенности современного этапа развития арабского национально-освободительного движения	66
И. А. Сараджия. Сирийская коммунистическая партия о социально-политическом характере развития страны (70-е — начало 80-х гг.)	70
II. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	
Ш. Ч. Ашярия. Тактика Иранской коммунистической партии в решении задач национально-демократической революции в рамках ПНИФ	76
И. Ч. Ахундова. Об организации «Исламский фронт» в Сирии	82
В. Л. Вагнерши. Ислам и национализм в западных концепциях развития арабских стран (1950 — 1980-е гг.)	87
Т. Б. Гасанов. О баасистской концепции арабского единства	93
А. А. Игнатьенко. О типологии исламских неправительственных организаций на Ближнем Востоке	97
М. Г. Метрехели. Община друзей (этно-религиозный генезис)	104
Г. В. Новикова. Политические организации в государственной системе Египта в период президентства Г. А. Насера	110
Э. Н. Панфиленко. Судан в период диктатуры Нимейри	117
И. Я. Петров. Исламский фактор в политике некоторых арабских государств	124
Е. Г. Подорожника. Некоторые особенности демографической ситуации в арабских странах	130
	281

III. ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- Р. Н. Андрусия. Роль нефтяного фактора в социально-экономическом развитии арабского мира 137
- Л. П. Зудина. Некоторые вопросы эволюции социальной структуры сельского населения в странах Магриба (Тунис, Марокко). 145
- И. О. Индикян. Арабские нефтедобывающие страны в 80-е годы: проблемы адаптации. 152
- А. Л. Кендяков. Современные условия деятельности иностранных фирм на рынке капитального строительства арабских стран 160
- В. Ю. Кукушкин. Ресурсопользование и рентаобразование в нефтяном хозяйстве арабских стран: проблемы и оценки 167
- Ж. А. Малакки. Экономическая помощь США Египту (70 — 80-е гг) 175
- В. А. Мальцева. Некоторые вопросы экономического роста стран Магриба в исторической ретроспективе 182
- З. А. Соловьева. Проблема внешней задолженности развивающихся стран (на примере Марокко). 188
- А. А. Ткаченко. Государственный сектор в экономике Египта в 80-е гг. 195
- А. О. Филонов, В. М. Ахмедов. Традиционное ремесло в Сирии. 202
- С. Н. Хачатрян. Развитие нефтехимической промышленности в странах — членах ОАПЕК в 80-е гг. 211
- З. В. Шестопалова. Производственный аспект продовольственной проблемы в арабских странах (Сирия, Ливан, Иордания) 216

IV. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Е. А. Абагарян. Состояние «ни войны, ни мира» на Ближнем Востоке и некоторые вопросы египетско-советских отношений (начало 70-х гг.). 222
- Г. З. Алех, С. Р. Меджидова. О развитии торгово-экономических связей Турции с арабскими странами 229
- Л. В. Валькова. Особенности политики Саудовской Аравии на Арабском Востоке 235
- Г. М. Григорян. Политико-идеологический аспект позиции Сирии в ближневосточном конфликте (1963 — 1985 гг.) 242
- Ш. Л. Карамануян. Место Арабской Лиги в межарабских отношениях 250
- А. Д. Манучарян. Основные этапы ближневосточной политики ФРГ 255
- Р. А. Мурсалов. Распространение и эволюция идей непризнания в арабском мире 263
- Г. С. Шахбалин. Ирак в системе международных экономических отношений 269
- Революция IV Всесоюзной конференции арабистов, принятая на пленарном заседании (г. Ереван, 17 мая 1985.) 277

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ
АРАБИСТИКИ**

ВЫПУСК I

ТРУДЫ IV ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АРАБИСТОВ

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ АРАБСКИХ СТРАН**

Редактор издательства Р. А. Багдасарян
Художник К. К. Кафадарян
Худ. редактор Г. Н. Горцаналин
Тех. редактор Л. К. Арутюнян
Корректор А. Г. Григорян

ИБ № 1372

Сдано в набор 4.09. 1987 г. Подписано к печати 4.XI. 1988 г. ВФ 05716.
Формат 60x84₁₆. Бумага № 2. Шрифт литературный. Высокая печать. Печ.
л. 17,75. Усл. печ. л. 16,5. Учетно-изд. л. 17,82. Тираж 1000. Зак. № 1859.
Изд. № 7449. Цена 2р. 40к. Издательство АН Арм.ССР, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна 24 г. Типография издательства ЦК КП Армении,
Ереван, пр. Орджоникидзе, 2.